

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

168

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 168

II-III - 1993

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ"
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

168

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ"
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001544

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙорК — МОСКВА

№ 168

II-III - 1993

ПШЕРОВСКАЯ ПЯТИДЕСЯТНИЦА

70 лет назад, в Пшерове, небольшом городке Чехословакии, состоялся мало кем тогда отмеченный религиозный съезд, положивший начало Русскому Студенческому Христианскому Движению. Но съезд, на самом деле, был чем-то большим, нежели толчком к созданию организации, сыгравшей немаловажную роль в церковной жизни Зарубежья. Он был своеобразной «пятидесятницей», излившейся на русскую эмиграцию и давшей ей необычайный заряд творческой духовной энергии не на одно десятилетие. Благодать Пшеровского съезда растеклась по разным начинаниям (Богословский Институт, Православное Дело, издательство ИМКА-Пресс и др.), перекинулась в Прибалтику, после нескольких лет затмения — вновь воссияла, более умеренным светом, во Франции 50-х и 60-х годов... И лишь в наши уже дни приходится констатировать, что заряд, полученный в Пшерове, подходит к концу. Зато брезжит надежда, что огонь его примется в самой России...

В чем заключалась тайна зарубежной «пятидесятницы»? Молодежь, опаленная российской катастрофой, потеряв почву, обрела небо: под водительством старших пастырей, мыслителей, богословов, по наитию свыше, она открыла библейский смысл «исхода»: не политическое поражение, а Божий зов, не возврат назад, а устремление вперед, вверх и вглубь, в условиях необычайной свободы от исторического груза, от общественно-государственных тенет, обретение Церкви вечно молодой, вечно обновляющейся, поверяющей свою двухтысячелетнюю традицию первохристианскими вдохновением и радостью... А в то же самое время другая часть церковной эмиграции, уподобляясь Лотовой жене, оборачивалась к утраченному прошлому, каменела в бессильной мечте о возврате былой

Отпечатано в Христианском издательстве
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1

Copyright © Le Messager. Paris 1994

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

В.В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

ЗАРОЖДЕНИЕ Р.С.Х.Д. В ЭМИГРАЦИИ *
(Из истории русских религиозных течений
в эмиграции)

До эмиграции.

Если мне память не изменяет, я довольно поздно — около 1906–1907 гг. — услышал впервые о каких-то собраниях студентов, верующих во Христа Спасителя и входящих в Российское Студенческое Христианское Движение. Я помню из них Апол. Евсевского, Семко, Ольгу Ив. Кулешову, Ольгу Петровну Прохаско... Больше всего меня тянул туда Евсевский — он был студент-филолог, и, очевидно, на факультете мы и познакомились. Мой религиозный перелом произошел в 1902 г., и к указанному сроку я уже довольно далеко ушел в понимании (умовом) христианства. Это было уже после встречи с С.Н. Булгаковым, после издания газеты «Народ», после моих религиозных фельетонов в разных изданиях, в которые меня тащил незабвенный Влад. Ник. Лашнюков (которому я обязан первым толчком к тому, что обратился к изучению религиозных вопросов) — это было тогда, когда возникало в Киеве Религиозно-Философское Общество (первым председателем его был П.П. Кудрявцев).

Меня тянуло к богословию, к проблемам христианской культуры — моралистические же и мелко рациона-

* Первые главы из книги прот.В. Зеньковского «Мое участие в Русском Студенческом Христианском Движении». Надеемся, что в скором времени книга появится полностью в изд. ИМКА-Пресс.

связи Церкви с монархией, если не с последней династией. Обрекала себя на историческое бесплодие...

Не случайно именно в русле «Движения» обновались, как обновляются иконы от копоти и поздних наслоений, богословский язык и церковный опыт: экклезиология (о. С. Булгаков, о. Н. Афанасьев), литургика (о. К. Керн, о. А. Шмеман), библейская критика (А. Карташев, о. А. Князев), церковная история (Г. Федотов), патристика (о. Г. Флоровский, о. И. Мейендорф), роль мирян и культуры в Церкви (В. Зеньковский), пути монашества (мать Мария), аскетика (о. А. Ельчанинов), религиозное искусство (с. Иоанна Рейтлингер), отношение к инославным (Л. Зандер), педагогика, всего и всех не перечислишь. Не случайно именно в русле «Движения» были явлены подлинные мученики, как от нацистских (мать Мария, о. Д. Клепинин, Илья Фондаминский), так и от большевистских безбожников (Иван Лаговский, Татьяна Дезен, Николай Пенькин, о. Кирилл Зайц и др)...

Вероятнее всего, «пшеровская пятидесятница» останется явлением уникальным в русской церковной истории XX века, как было и остается уникальным явление старчества в XIX. Но от ее богатства, от ее пира веры, от ее творческого порыва будут питаться еще многие поколения.

Никита Струве

листические тенденции, которые были у студентов, членов Российского Студенческого Христианского Движения, меня более отталкивали. Это не мешало, конечно, самым лучшим личным отношениям с ними, иногда я посещал собрания их, а одну зиму (не помню какую) провел с 4-5 участниками много собраний по изучению Евангелия от Иоанна (которым и сам занялся в это время). Помню особенно Семко — сначала благочестивого до юродства, а потом потерявшего веру через рационализм и морализм (здесь много постарался хороший, но духовно тупой человек, Вас. Як. Головин, внук Гоголя, написавший чисто сектантскую книгу в духе Л.Н. Толстого «Шесть заповедей»). Ко мне уже тогда хаживал, приведенный отцом, Жураковским, мальчик лет 14, Толя (впоследствии отец Анатолий); он приходил каждое воскресенье, проводил у меня 1/2-1 час времени, и мы с ним вели беседы на самые различные темы. Эти уже годы (1906-1907) были годами обильнейшей моей богословской переписки с С.Н. Булгаковым — о пропаже его писем (они остались в Киеве и, конечно, пропали) я искренне сожалею.

О «Движении» в Москве и Петербурге я имел очень смутные представления, слышал имя В.Ф. Марцинковского, который даже приезжал в Киев (но я его тогда еще не видел).

О том, чем я сам был заполнен религиозно в эти годы и последующие (до эмиграции), не здесь буду рассказывать.

Хочу лишь отметить, что всем вышеприведенным, хотя и доброжелательным, но в то же время равнодушным отношением к «Движению» тогда в России все у меня и ограничивалось.

Белград (февраль 1920 – март 1923 г.)

Я приехал в Белград весной 1920 г., получил кафедру лишь в июне того же года. Жил я до осени вместе с проф. С.В. Троицким, с которым мы вели бесконечные, очень полезные для меня разговоры на богословские и религиозно-философские темы. Тогда же я близко

сошелся с иеромонахом Дамаскином (ныне митрополитом). Я довольно часто приходил к нему (он играл мне много на пианино и много и хорошо пел). Он меня ввел в сербское общество «Христианских Сестер», где я читал несколько лекций, он же познакомил меня с патриархом Димитрием, который однажды присутствовал на моей лекции (переводил ее на сербский язык иеромонах Дамаскин). В эти месяцы (до осени 1920 г.) я часто думал на тему «Россия и Православие» (на эту тему еще в 1915 году я написал в «Христианской мысли» большую статью) и думал, что я с моим пониманием того, как должно связывать Россию и Православие — остаюсь пока совершенно одинок.

Поздней осенью 1920 г. я уехал в Варшаву (в поисках путей для пересылки денег моей матери в Киев), вернулся в январе 1921 г., и тут началось мое знакомство и связь с русской молодежью (я читал лекции по психологии по-сербски и по истории русской этики — по-русски). На эти лекции приходило очень много русской молодежи.

К осени 1921 г. начались у меня лекции на богословском факультете. (История философии, этика, психология — все по-русски). Мне очень была по душе наполовину русская аудитория — и с отдельными студентами у меня стали завязываться беседы.

Однажды, в конце ноября 1921 г., один из студентов, Н.М. Терещенко, встретил меня, когда я шел к своей учительнице сербского языка (А.Н. Глушевич), стал говорить о том, что среди студентов-богословов существует небольшой русский религиозный кружок. Он прибавил, что очень мне советует его посещать. «Это будет для Вас очень полезно в религиозном отношении», — сказал он.

Я очень обрадовался этому сообщению — и на ближайшее же собрание, которое состоялось почти за городом, на квартире у Зерновых, пошел. Если мне память не изменяет, там было без меня 6-8 человек (иногда, впрочем, было и до 20): трое Зерновых (Коля, Соня, Маня), Афанасьев, Терещенко, Расторгуев, Гога Троянов, Клепинин Дима и его брат Дода (иногда и его

жена Наташа), Анна Николаевна Гиппиус, Ирина Васильевна Степанова (Окунева), Ася Оболенская, Ольга Веригина и другие. Верных, постоянных членов в кружке было всего 7–8. Это была весна кружка, самая ранняя и самая важная по существу его стадия. Прежде всего все они были *православные*, строго и вдохновенно церковные, и у всех было одно и то же стремление — исходить во всем — и в жизни и в мысли — от Церкви. Едва ли формула «оцерковление жизни» была в ходу в этот период, но по существу именно она была руководящей. Говорили мы решительно на все темы и всегда сходились на том, что в свете Православия, в свете Церкви все вопросы получают свое верное и исключительно глубокое решение. Председателя формально в кружке не было, но было естественно, что я, как старший, вносил поправки, «резюмировал», выдвигал темы и т.д. Я очень любил эти собрания — они были для меня и радостью общения с чистой молодежью, и утешением, что она есть. («Ныне отпускаеши» — я часто говорил сам себе).

В то же время я получил невольно новую, столь желанную аудиторию — глубокою, окрыленную. Я сам шел к ним всем с любовью, со своими знаниями — они тянулись тоже ко мне. В этот период (до июня 1922 г., когда Зерновы уехали на лето к родителям и встречи кружка прекратились), я особенно часто встречался с Гогой Трояновым, с Н.Н. Афанасьевым, с Маней и Колей Зерновыми. Очень помню трогательно грустное прощание со всей молодежью на последнем заседании. Я нашел в сущности новую семью, и мне расставаться с ними было так больно.

Летом 1922 я получил приглашение приехать в Берлин на конференцию молодежи, — но этому предшествовали некоторые факты, о которых нужно рассказать.

Брат мой Александр с весны 1921 г. переселился из Константинополя в Берлин, и я летом 1921 г. провел в Берлине у него около двух месяцев. Тут я очень сблизился с проф. П.И. Новгородцевым, нас сблизили встречи в храме. Я бывал у него не раз. Однажды, уже незадолго до моего возвращения в Белград, П.И. спросил,

не соглашусь ли я сделать религиозно-философский доклад «для церковных людей» на квартире Е.Н. Безак (о которой я знал от брата). Конечно, я принял это предложение и в следующее воскресенье сделал доклад. На собрании было до 50 человек. Здесь я впервые встретил Ф.Т. Пьянова, который тогда работал в берлинской YMCA. Когда А.И. Никитин, который после съезда 1920 г. в Пекине вместе с Липеровским, Холлингером (от YMCA) и Мисс Rous (тогда генеральный секретарь Всемирной Студенческой Христианской Федерации) входил в комитет по организации религиозной работы среди русских и был уже секретарем болгарского Движения, побывал ранней весной 1922 г. в Берлине, он узнал от Ф.Т. Пьянова обо мне и о кружке русской религиозной молодежи в Белграде — и, едуци назад в Софию, остановился в Белграде и пришел ко мне. Мне он очень понравился, и я пригласил его придти вместе со мной на следующий день на заседание кружка. С этим между прочим связан один грустно-комический эпизод моей жизни. Никитин много рассказывал о Федерации, о Движении религиозном среди молодежи всего мира, о желательности создания русского аналогичного Движения и т.д. Тогда методы Федерации были строго интерконфессиональны; вероятно, в словах Никитина было что-то, что заставило нашу молодежь, очень строго и бережно относившуюся к идее центральности Церкви во всем, насторожиться — а Н.М. Терещенко вдруг заболел подозрением, что я с Никитиным оба масоны и что я показываю Никитину результат моей работы... О своих подозрениях мне он ничего тогда не сказал, но они запали в его душу. Месяца через два в Белград приехал (ныне покойный) Ральф Холлингер, плохо, но все же немного объяснявшийся по-русски. Он был на заседании кружка и до такой степени всем пришелся по душе, так хорошо всем стало при нем, что Терещенко не только поверил ему, что он действительный христианин, но ему вдруг стало стыдно, что чужому человеку он поверил, а своего, которого видел в его любви к Церкви, заподозрил в масонстве. Он пришел ко мне, покался в своих подозрениях, и с

тех пор мы на всю жизнь остались близкими (я позже стал крестным отцом его девочки Таси).

Никитин писал Пьянову обо мне и кружке, и, когда Пьянов организовал летом 1922 г. первую конференцию русской молодежи в Германии, он позвал в качестве руководителей П.И. Новгородцева и меня.

Конференция эта была организована скверно — все ехали по существу «в бесплатную экскурсию, но с обязательством слушать профессоров...» Но среди этой пустой и неподходящей молодежи было несколько глубоких натур (особенно помню Юру Лунина). Эта конференция (на которой я впервые узнал Г.Г. Кульмана и П.Ф. Андерсона) не оставила никакого следа ни у нас, ни у молодежи, а я стал более сурово относиться к замыслам YMCA работать среди русской молодежи, стал с известной подозрительностью относиться и к Федерации. Во мне тогда с чрезвычайной остротой жила мысль, что православные пути в работе с молодежью должны быть свободны от берлинских методов. Идея православного русского Движения впервые стала предноситься мне со всей силой.

С осени 1922 года работа белградского кружка стала чрезвычайно интенсивна. В течение лета у меня была удивительная переписка со всеми членами кружка, особенно с тремя Зерновыми. С осени в кружке появилось немало новых и замечательных людей (самым замечательным был К. Керн, нынешний архимандрит Киприан), упомяну также Н. Иванова, ныне епископа Серафима, Леру Губанову (ныне монахиню), Е.Н. Воробьеву. В кружке появилось больше 25 постоянных членов, работа приобрела более систематический характер. О нашем кружке уже много говорили в русском обществе в Белграде — особенно с тех пор, как некоторые члены (особенно С.М. Зернова) стали собирать пожертвования на постройку русской церкви в Белграде.

Из той жизни, которая стала ключом бить в кружке, ясно определились и организационные задачи. Был выбран президиум в составе Коли Зернова, Н.Н. Афанасьева и, кажется, Керна, — на заседания звали обычно и меня. Но уже в эту зиму определились

и трудности в кружке, связанные, главным образом, с семьей Зерновых. Трое Зерновых, все яркие, одаренные, вдохновенные, постоянно между собой говорили о жизни кружка, о его задачах, привлекали новых членов — вообще были исключительно активны и, конечно, достойны были всякой похвалы. Но не раз выходило так, что кружок превращался, по ядовитому замечанию Терещенко, в «салон Зерновых» — ибо они на свой страх и риск приглашали на заседания новых людей. И так как заседания происходили у них на квартире — то это как будто было и естественно — но другие болезненно переживали это давление Зерновых, появилась «оппозиция». С особой силой все это обнаружилось при принятии в члены кружка П.С. Лопухина (впоследствии ставшего вместе с Ю.П. Граббе, тоже членом кружка в Белграде с 1923 г., деятельным работником Епархиального Управления в Карловцах, — ныне в той же должности в Париже у Карловацкого Еп. Управления). Предчувствие мое, Афанасьева и других, что из этого добра не будет, слишком, увы, оправдалось впоследствии, но Зерновы, забежав вперед, связали себя обещанием ввести его в состав кружка. Его мы уже приглашали на т. наз. открытые собрания — и никому он не нравился, но Зерновы ему покровительствовали, и это создало такую обстановку, что не принять его было уже нельзя. Позднее сами Зерновы (уже будучи в Париже) разорвали связь с Лопухиным, который вообще погубил кружок в Белграде, когда Зерновы покинули его.

Зимой (январь) 1923 года митрополит Антоний посетил кружок. Здесь был очень мучительный и трудный вопрос о встрече моей с митрополитом Антонием. Я хотел, было, уклониться от этого, но митрополит Антоний, уже наслышавшийся о моей работе с молодежью, настоял, чтобы я присутствовал на собрании. Перед собранием (за день) он встретил меня в церкви, благословил, облобызал. На собрании был вообще исключительно внимателен ко мне. С тех пор у меня с митр. Антонием навсегда уже утвердились добрые отношения.

Что особенно было замечательно в белградском кружке, это обилие ярких, сильных, самостоятельно пришедших в Церковь людей, особенно женщин. Соня и Маня Зерновы, Веригина, Лерочка Губанова, Ася Оболенская — называю самых замечательных (было много еще). Замечательны были их твердость в верности Православию, глубокое ощущение (это, конечно, была интуиция, дар свыше — знаний о Православии еще не было) правды и полноты Православия, могущего осветить и освятить всю жизнь, все вопросы личной и общественной жизни.

Замечателен был яркий, вдохновенный, *миссионерский* дух: наши члены не просто исповедовали лично веру во Христа, но с силой и вдохновением всюду говорили о Христе Спасителе, о Церкви.

Кружок привлекал к себе все чистые сердца, все талантливые натуры — и сам горел ярким пламенем, которое передавалось от одного к другому.

В феврале 1923 г. меня стали звать в Прагу в предположенный к открытию Русский Педагогический Институт. Это было связано с моей многолетней работой по вопросам психологии, педагогики, — я не мог поэтому отказаться. Расставаться с кружком, который стал моей семьей, было прямо мучительно — и если бы все члены кружка настойчиво просили не уезжать (как на этом настаивала пылкая Анна Николаевна Гиппиус), я, вероятно, все же не покинул бы Белграда. Но кружок сам настолько уже вырос, что особой нужды во мне (как то было в прошлом году) уже не было, я это чувствовал и согласился на перевод в Прагу. Но Белград навсегда определил для меня путь церковной работы с молодежью, дал мне основной материал для уяснения того, как должна складываться эта работа.

Оценивая теперь, через 30 лет, все то, что я сам переживал в работе с кружком в Белграде, что я находил у его участников, я больше всего ценю его горячее религиозное одушевление, которое создавало миссионерский пыл, глубокий и серьезный интерес к изучению Православия. В этом горячем одушевлении была не только чисто эмоциональная отданность вере, но было

также и определенное убеждение в том, что Православие таит в себе ключ к разрешению всех вопросов личной и исторической жизни. Все еще глубоко жили страшной русской трагедией, живо чувствовали тоску по России, — и в религиозном одушевлении искали разгадки русской трагедии. Даже не зная всех исканий русской интеллигенции в прошлом, они несли в Церковь все свои думы и мечты — и если это вытекало из юношеского идеализма, то все же это было сознательное и безоглядочное возвращение в Церковь. Эта молодежь как бы осуществляла в себе лично и в своих замыслах то, о чем писали и думали предыдущие поколения.

Прага (1923–1926).

Переезд мой в Прагу состоялся в марте месяце, но уже в конце апреля мне удалось вернуться на неделю в Белград. Связано это было с нашим Движением, и об этом нужно рассказать.

Недели за две до Пасхи я получил сообщение из Белграда, что наш кружок получил из Женевы приглашение принять участие в съезде так наз. «Юго-Восточной Европы», организуемом Всемирной Студенческой Христианской Федерацией. При этом нам сообщали, что будут русские студенты из Христианского кружка в Праге, будет А.И. Никитин.* Меня запросили из Белграда, как быть? Я отвечал, что ехать следует (съезд был под Будапештом), что я сам готов поехать тоже, что очень прошу до моего приезда никаких выступлений не делать. Белградский кружок делегировал С.С. Безобразова (ныне еп. Кассиан), бывшего уже больше полугода членом белградского кружка, и С.М. Зернову. Я приехал на второй день или третий день Пасхи, нашел там типичную для Федерации конференцию с библейскими этюдами, молчаливой молитвой, докладами и

* Из Софии был также А.И. Чекан, очень скоро все же примкнувший к белградской группе (ныне прот. в кафедральном Соборе в Париже).

дискуссиями. Во главе съезда стоял Nenriod, который принял нас, русских, исключительно тепло и даже предупредительно. С особой внимательностью, я бы сказал, зазывающей нежностью, отнесся он к нам, приехавшим из Белграда — видно, ему говорили уже о строгой церковности белградского кружка, его настороженном отношении к встрече с протестантами. И в частных беседах, и особенно в заключительном собрании Nenriod все время подчеркивал, что участие во Всемирной Христианской Студенческой Федерации вовсе не означает отхода от своей Церкви, а наоборот, ведет к более тесному и живому участию в ней. Эти заявления внешне нас удовлетворяли, но внутренне мы сознавали себя чуждыми всему этому течению. С особенной силой это сказалось в нашей встрече с русскими студентами из Праги.

Это были члены кружка, руководимого (ныне покойной) М.Л. Бреше (которая тоже была на съезде). Кружок пражский возник, таким образом, в недрах Федерации (М.Л. Бреше была членом Федерации, а финансовую поддержку кружок получал от Д.И. Лаури, т.е. от русской секции американской YMCA — и основной формой его работы был, собственно, чисто «библейский кружок»).

Члены кружка изучали Св. Писание, т.е. читали и толковали его, отчасти руководясь некоторыми руководствами, изданными Федерацией, отчасти по собственному разумению.

Мы были поражены тем, что русским православным студентам даже в голову не приходило заглянуть в те толкования, которые были составлены св. отцами, и всем нам была ясна опасность духовного снижения до плоского рационализма при таком подходе к Св. Писанию. Самый метод — ставить на первый план тексты Св. Писания в собственном истолковании — до такой степени, так явно был связан с традициями протестантизма, что это одно уже настораживало нас. С первого же дня началась наша «борьба» с представителями пражского кружка, к чести которых надо сказать, что они очень скоро и без особого сопротивления сдались

нам в плен (кроме, конечно, М.Л. Бреше — см. дальше о ее выступлениях в Nyborg strand, а также и А.И. Никитина). Уже сдавшись нам в плен и с увлечением слушая речи наших делегатов, они сами стали рассказывать такие подробности о своих собраниях, которые показались нам не только страшными, но и прямо возмутительными. Так, выяснилось, что на собраниях кружка в Праге нельзя было повесить иконы — ввиду того, что люди неверующие «могли бы тоже придти на собрание, а иконы будто бы могли их соблазнить». Все это было так странно, так неверно, так было далеко от той преданности Церкви, которая господствовала в белградском кружке, что пропасть между нами была явно непроходимой. Русские студенты (Хирьяков, Бобровников, Костенецкий) были нам близки и симпатичны, но направление, какое принял их кружок в Праге, было решительно неприемлемо для нас. И то, что наша маленькая группа «победила» не только русских студентов из Праги, но и завоевала общие симпатии на съезде, служило для нас как бы внешним признаком того, что борьба за торжество Православия не безнадежна, — и это, конечно, лишь увеличивало пыл нашей белградской группы. У нас, русских, было несколько своих собраний (т.е. общих у белградцев с пражанами, а также при участии делегатов конференции от других стран, говоривших по-русски), и на этих собраниях с какой-то небывалой силой, я сказал бы, огненностью и глубиной проявился церковный дух белградского кружка. «Белград» не просто «победил» другие кружки, но он как-то засиял перед ними. Я живо помню ту особую почтительность, доходившую до какой-то влюбленности, которую проявляли в отношении к нам, белградцам, студенты из Праги. Белградский кружок вдруг стал чрезвычайно авторитетным, стал как бы мериллом церковности — и эта традиция распространилась (после съезда в Пшерове) на все русские кружки. Это особое значение кружка в Белграде в глазах других кружков не было очень длительным — после 1924–27 года особая авторитетность и значительность кружка в Белграде стала падать.

После съезда под Будапештом я заехал на несколько дней в Белград, где в кружке были обсуждены доклады делегатов. Их сообщение о впечатлениях от съезда под Будапештом было принято не без холодка — во всяком случае линия строгой церковности в работе кружка обозначилась еще более ясно после встречи с пражскими студентами и с представителями Всемирной Студенческой Федерации.

В Праге я раза два-три был на собраниях христианского кружка (так наз. «Алешовского» — по названию улицы, где находилось помещение кружка). Я ближе узнал Л.Н. Липеровского и его жену, М.Л. Бреше, студентов, — но особого сближения с деятелями кружка не было. В мае месяце 1923 г. в Прагу приехал о. С. Булгаков, с которым меня связывала старая дружба. Вокруг о. Сергия стало группироваться немало молодежи, преданной Церкви, и в связи с этим и у о. Сергия, и у меня возникли планы о создании в Праге православного кружка молодежи, подобного тому, который существовал в Белграде. Я не раз рассказывал о. Сергию и нескольким еще лицам (сестрам Рейтлингер, Г.Н. Шумкину, А.Н. Кубареву и другим) о кружке в Белграде и настойчиво выражал свое желание устроить такой же православный кружок и в Праге. Надо заметить, что в Праге в течение целого года очень успешно работал по собиранию ищущей молодежи Л.Н. Липеровский, который вместе с А.И. Никитиным входил в «Комитет содействия русским религиозным кружкам». Липеровский работал вместе с Д.И. Лаури, который был тогда директором Студенческого Дома в Праге, и с М.Л. Бреше. Изредка Л.Н. заходил и ко мне, но тогда мы оба относились друг к другу очень сдержанно, во всяком случае я видел тогда в Л.Н. проводника «интерконфессионального» метода религиозной работы, тем более мне неприятного, чем более искренней религиозности и миссионерского таланта находил я в нем. У Д.И. Лаури секретарем служил В.С. Слепян, который вел социальную и отчасти религиозную работу среди русской студенческой молодежи в Праге, Брно и Братиславе, а также и в Пшибраме, где в Горной Академии

было несколько русских студентов. (Слепян был позже секретарем РСХД в Берлине. В 1946 г. был арестован Советами; по-видимому, он погиб в Сибири).

Пражский кружок М.Л. Бреше и Л.Н. Липеровского имел уже свой первый съезд летом в 1922 г., и естественно, что на лето 1923 г. тоже намечался съезд, который был намечен на середину июля в Штернберге (близ Праги). В связи с тем сдвигом, который уже наметился на съезде под Будапештом, этот съезд было решено создать по возможности ближе к «церковному» типу съезда. Всего на съезде было до 70 человек (считая гостей из Белграда, — откуда приехали Н.Н. Афанасьев и А.В. Оболенская, — из Парижа, откуда приехала М.Н. Андрусова, — из Софии, Брно и Берлина). На съезд были приглашены от профессоров о. С. Булгаков, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве и я.

Прежде рассказа о самой конференции, упомяну о моей поездке в июне месяце 1923 года в Париж с обеими сестрами Зерновыми. Парижский кружок, возникший по инициативе члена Французской Студенческой Христианской Федерации А.А. Мироглио и знавший А.И. Никитина, который посетил кружок весной 1923 г., вступил со мной в переписку, приглашая меня приехать в Париж для прочтения ряда лекций в Париже. Деньги на поездку мне давал А.И. Никитин (из средств упомянутого комитета), он готов был субсидировать поездку еще кого-либо из состава кружка в Белграде. Я выбрал С.М. Зернову, уже имевшую опыт по съезду под Будапештом; прибавив к средствам, данным мне А.И. Никитиным, некоторую сумму от себя, я смог взять с собой и сестру С.М. — М.М. Зернову. Мы пробыли вместе в Париже целую неделю, и за это время состоялось, кажется, 4 собрания парижского кружка, а также имелось много отдельных бесед. Уже тогда было ясно, что в Париже может образоваться сильное христианское Движение. Из наиболее видных участников парижского кружка того времени надо назвать М.В. Лаврову, М.Н. Андрусову, В.В. Петрова, П.Е. Ковалевского.

Возвращаясь к съезду в Штернберге. Перед началом съезда о. С. Булгаковым был отслужен молебен, а затем

начались занятия съезда. По утрам были «библейские» этюды с разного рода «поучительными» беседами. На съезде присутствовал и только что выехавший из Москвы В.Ф. Марцинковский, который оставил у меня, да и у всех, тяготивших к православной форме Движения, очень тягостное и неприятное впечатление своей придирчивой и настойчивой критикой Православной Церкви (не случайно он примкнул потом к баптистам).

Не буду говорить о докладах, записи о них имеются в «Духовном Мире Студенчества» (журнал, издававшийся Л.Н. Липеровским, № 2), но отмечу, что съезд проходил под знаком все более обострявшегося расхождения между «белградским» и «пражским» направлением. Вокруг белградцев собралась довольно большая группа молодежи (до 15 человек), которая настойчиво проводила ту мысль, что все русские кружки должны решительно порвать связь с интерконфессиональной традицией и строить свою работу по типу той, которая велась в Белграде. Эта группа несколько раз устраивала особые свои собрания, что возбудило чрезвычайное напряжение у остальных членов съезда. Между тем это было естественно: как же иначе было разрушить уже окрепшую традицию интерконфессиональных кружков? Атмосфера борьбы всегда неприятна — особенно когда одна сторона наружно готова на компромиссы, не уступая по существу, но маскируя свою неуступчивость внешними переменами. Съезд в Штернберге лишь продолжил то, что началось под Будапештом. Он подчеркнул внутреннюю ценность белградской позиции, ее религиозную значительность, — и, с другой стороны, выявил бедность и узость позиции пражан. «Победа» Белграда здесь стала еще крепче, но главный эпизод всей этой борьбы за Православие должен был разыграться позже. [1 стр. рукописи утеряна] «номинализма» в среде православных. В чистой «номинальности» принадлежности к церкви, в отсутствии четкой личной преданности Господу Иисусу Христу Марцинковский видел главную духовную причину того, что безбожие так легко овладело Россией. Все это звучало презрением к Церкви, непониманием ее значения для русской

души. Правда, бывшая в сообщениях Марцинковского, так невыносимо обрастала клеветой на духовенство и церковный народ, что его речи окончательно отвратили всех, у кого не ослабела связь с Церковью, от группы «интерконфессионалов». Все это создавало внутреннее напряжение в кружках Праги — а между тем срок, определенный Никитиным и его сотрудниками для первого общеэмигрантского съезда представителей русских религиозных кружков, надвигался. В начале августа в Прагу приехал Никитин для работы в организационном комитете. На некоторые заседания приглашали и меня — в этих заседаниях принимали обычно участие Никитин, Липеровский, Бобровников, Хирьяков, Лаури, П.Т. Лютов и еще несколько человек (не помню точно кто). На одном из первых же заседаний у меня разыгрался с комитетом конфликт, имевший несомненное симптоматическое значение для будущего русского Движения. Обсуждалась программа дня на будущем съезде — причем на каждый день молитвенная часть слагалась из чтения Евангелия и некоторого meditation — точнее говоря — проповеди на тему Евангелия. Хотя церковные молитвы и предполагались в начале и конце съезда, но в промежуточные дни церковных богослужений не предполагалось. Я предложил устроить ежедневно литургию, молитвенное и вдохновляющее действие которой, конечно, не может быть сравниваемо с проповедью молодого человека. Мое предложение было категорически отвергнуто, опять же во имя интерконфессионального метода. Этим настойчивым подчеркиванием основного значения в постановке религиозной работы именно интерконфессионального метода, он, силой вещей, скажу еще, тупым пристрастием к нему его руководителей, становился главной темой для предстоящего съезда. После отказа иметь ежедневные литургии со стороны Организационного Комитета, я имел совещание с о. С. Булгаковым, и оба мы пришли к решению, что в данном пункте мы уступить не можем, — и на следующем заседании Организационного Комитета я от имени о. Сергия и своего заявил, что мы отказываемся от участия в съезде.

В связи с тем, что белградская группа, часть пражской и парижской были определены уже с нами (о. С. и мной), наш отказ грозил срывом самого съезда — и тогда комитет предложил нам такой компромисс: если найдутся 5–6 желающих иметь утром литургии, «допустить» их до начала дневного порядка (день должен был начинаться в 8 час утра, время для литургии отводилось на 6½ час. утра). Мы с о. Сергием пошли на этот компромисс, уверенные, что литургии соберут достаточно народа, но я лично все же отказался, ввиду общей интерконфессиональной тенденции Организационного Комитета, быть председателем первого съезда (как это намечалось комитетом): председателем съезда стал А.И. Никитин.

Из событий, предшествовавших съезду в Пшерове, запомнился мне еще один эпизод — характерная беседа с Д.И. Лаури. Он, кажется, субсидировал организационный комитет, во всяком случае стоял близко к созыву съезда. Будучи секретарем YMCA, он мыслил русские кружки (которые сам начал заводить — из его кружка вышли Ю.Г. Бобровский, Л.П. Филатов, Вася Кадьянов и др.) как «отдел» YMCA или Федерации. Когда я ему сказал однажды, что нужно будет на съезде выбрать «Бюро русских религиозных кружков» (что должно было означать возникновение самостоятельного русского Движения), он воспринял мою мысль, как фантазию, не имеющую никакой основы. Еще одно воспоминание должен здесь записать — мое предложение о. Сергию создать некоторое объединение профессоров, связанных с Церковью. Моя мысль заключалась в том, что возникновение религиозного Движения среди молодежи — возлагает чрезвычайную ответственность на нас, профессоров. Я видел уже в вопросе о допущении на съезде литургии, как важно пристально следить за всеми сторонами движения. На одной беседе в квартире о. С. Булгакова, где, кажется, присутствовал П.И. Новгородцев, было решено, что я должен быть проводником в студенческое Движение нашего профессорского влияния, но это как раз и предполагало, что мы, профессора, будем сами между собой обсуждать разные вопросы,

связанные со студенческим Движением. Чтобы договорить на эту тему, скажу здесь же, что на съезде в Пшерове состоялось первое профессорское собрание (о. Сергей Булгаков, Новгородцев, Бердяев, Карташев и я), на котором, по предложению Карташева, было решено не создавать нового общества, а восстановить здесь, за границей, деятельность братства св. Софии, учрежденного в России в 1918 году и утвержденного патриархом Тихоном (из членов братства за границей были Карташев и Лосский). Собрание приняло предложение Карташева, мы признали себя отделением Всероссийского Братства во имя св. Софии; председателем был избран о. С. Булгаков, я — секретарем, в члены братства включались еще Г. Трубецкой, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, Г.В. Вернадский, П.А. Остроухов, П.Б. Струве — очень острым был вопрос о Л.П. Карсавине, которого так и не пригласили в состав братства (как и И.А. Ильина). Так возникло наше братство, о котором впервые евразийцы пустили дурные слухи (письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому с разными нелепыми обвинениями против нас). Устав поручили выработать А.В. Карташеву, совместно с Г.Е. Трубецким — всю эту историю, чреватую тяжкими церковными событиями, не буду здесь рассказывать.

Пшеровский съезд (1–7 октября 1923 г.)

Мы выехали из Праги около 3 час. дня — уже съехалось много молодежи из Белграда (Соня и Коля Зерновы, Ася Оболенская и др.), из Парижа (Милица Лаврова), из Софии (А.И. Чекан, Никитин, кажется, Владимирский), из Берлина (Пьянов, [пропуск] Кульман), из Латвии (Литвин, Истомина), из Эстонии Анна Федоровна Шмидт (потом жена о. Г. Шумкина), Т.Е. Дезен, но главное большинство было из Праги. Всего съехалось 33 делегата молодежи. Из старших приехали о. Сергей Булгаков, Новгородцев, Карташев, Бердяев и я; из иностранцев — мисс Rous, Холлингер, Кульман, Лаури. Был также Л.Н. Липеровский, Л.А. Зандер (приехавший в Прагу с Дальнего Востока летом). От станции

железной дороги все пошли пешком: был прекрасный день, идти нужно было проселочной дорогой. Наша вся компания растянулась, вероятно, на полверсты — шли группами, знакомясь друг с другом.

В замок пришли около 4¹/₂–5 час. и стали размещаться. Замок представлял собой сочетание двух зданий под углом. Направо, внизу, был огромный зал, который был отведен под заседания, в углу отвели место для церкви. Дальше внизу шла столовая, наверху спали мужчины. В левом здании расположились женщины. Позади замка шел огромный парк, опускавшийся уступами.

Вечером предстоял молебен, а утром на другой день литургия — поэтому нужно было приготовить место для церкви.

Тут начались странности — какие-то мистические преграды для церковных служб. Началось с того, что священные сосуды, привезенные о. Сергием, нельзя было вынуть из ящика, т.к. о. Сергей забыл ключи, пришлось искать плотника, а за отсутствием его — молоток и т.п. Затем Ал. Ал. Петров (ныне игумен Афанасий), который знал пение (он был псаломщиком у епископа Сергия) и должен был «изображать» (в единственном числе, как нам казалось) «хор», сел в шезлонг, в котором разорвалась материя, и, упав, он так больно ударился кончиком спинного хребта, что потерял сознание. Слава Богу, через 1/2 часа он оправился.

Юлия Рейтлингер, которая должна была приготовить алтарь (ибо для литургии все надо было приготовить с вечера), приехала с тяжелой мигренью и не могла взяться за работу (ее потом заменила Ася Оболенская).

Мы сидели в зале с Новгородцевым и переживали это «мистическое противление» всей обстановки церковным службам с грустным, болезненным чувством, особенно я, но Новгородцев утешал меня, говоря, что все в конце концов наладится. Слава Богу, так и вышло.

Вот настало время молебна. Алтарь оказался уже отделенным простынями от остального зала, престол уже покрыт полотенцами, на него были положены Евангелие и крест. На простынях висели иконы. Стали

зажигать лампы, и на наших глазах в углу засветилась наша церковка. У икон стали зажигать свечи — да в таком количестве, что для них уже не было места. Образовался неожиданно и хор. Вот вышел в облачении о. Сергей и начал свое слово — полное силы, вдохновения, призывных молитв. Словно электрический ток пробежал по всем — и когда начался молебен, многие становились на колени. В зале было уже темновато, но тем свободнее, горячее молились. Уж в этот вечер вдруг все почувствовали, что все мы церковные люди, что Церковь есть наша опора и радость, что здесь мы будем искать для себя вдохновения и указаний... После молебна о. Сергей объявил, что литургия начнется (часы) в 6 час., и это было не приказание, а приглашение, которое было принято всеми (вопреки уверениям Никитина и др.) как абсолютно естественная вещь. Вечер прошел во взаимном знакомстве, и на другой день к литургии собрались решительно все. Так началась и с этого времени навсегда утвердилась та особенность русского Движения, что оно является литургическим, т.е. что каждое утро служит литургия, в которой члены собрания находят молитвенную помощь и которая дает основной тон всему дню. Самое сочетание в одном дне двух служб (литургии, а вечером вечерни с утреней — последнее было сверх программы, но без позволения руководителей вошло в состав дня), доклады и прения, еда и прогулки — все это было слито, спаяно чем-то общим; основой дня все же оставалась Церковь, которая как бы доминировала над всем.

С утра на следующий день, после литургии и «медитации» (они продолжались 4 дня, явно ненужные и постепенно отмершие) начались доклады и прения. Не помню подробностей, отмечу лишь сообщения Карташева, о. С. Булгакова и Бердяева.

Доклад Бердяева, в некотором смысле, был основополагающим, т.к. в нем была до исключительной очевидности показана неправда и ослабляющая сила «интерконфессионального» метода. Как всегда у Бердяева — новых мыслей не было — он сказал то, что думали и чувствовали многие, но он придал такую

яркую и даже блестящую форму этим мыслям, что противиться им было невозможно. Никитин и Марциковский как-то еще пробовали защищать интерконфессиональный метод, но безуспешно. Помню, что Никитин еще многие годы после Пшерова, отмеченного таким сиянием для всех, вспоминал о нем с горечью и болью. Думаю, что это зависело от боли, нанесенной Бердяевым его основному тогда убеждению (что интерконфессиональный метод будто бы стоит выше церковности). Бердяев чрезвычайно просто и ясно показал, что при интерконфессионализме встреча христиан идет по линии *минимализма*, т.е. снижения нашего церковного сознания до минимума. В речи Бердяева интерконфессиональный метод был отвергнут нашим Движением — и главная, освященная традицией в мировой Студенческой Христианской Федерации преграда для нашего Движения выйти на путь церковности отпала. Этот доклад, вместе с господствующей напряженностью церковного настроения на съезде, произвел тяжелое и глубокое впечатление на инославных друзей, которые собрались после него для обмена мыслями. Потом Холлингер, Rous, Кульман просили о. Сергия и меня для особого разговора и поставили вопрос — оставаться ли им среди нас ввиду ярко выраженного церковного характера, какой обнаружился в объединении русских кружков. Этот вопрос, вероятно, заключал в себе разочарование (со стороны таких правоверных защитников интерконфессионализма, как Rous, хотя, впрочем, последняя, когда оставила работу в Федерации, тоже перешла на церковную работу, вступив в деятели объединения протестантских миссионерских обществ). Со стороны Холлингера, Кульмана — это было, наверное, выражением их деликатности: как представители междухристианской организации (УМСА), они считали, что не должны вмешиваться в те дела, которые ведутся Православной Церковью непосредственно. Этим объяснялась тема нашей беседы. Мы оба — о. Сергий и я, — не сговариваясь заранее, стали на точку зрения, которая впоследствии получила наименование «экуменической». Мы указали, что всячески

стремясь углубить и укрепить церковный характер в религиозной работе с молодежью, мы вовсе не хотим поворачиваться спиной к братьям — западным христианам, а наоборот, хотим сотрудничать с ними, хотим учиться у них их большому опыту христианской, социальной и педагогической работы. Наш ответ успокоил наших друзей, но нотка осторожности, некоего боязливого недоумения, некоторого торопливого согласия «заранее» на все, что захочет Русское Движение, осталась у руководителей УМСА и Федерации до сих пор — для них встреча с русскими до сих пор является дверью к пониманию Православия, великого, но непонятого им. Не следует забывать (это очень хорошо выразил американский богослов Морисон в статьях после Оксфордского съезда 1937 г. в журнале «Christian Century»), что понятие о Церкви у протестантов бедное и узкое: для них Церковь в плане историческом не включает в себе ничего мистического, никакой объективной трансцендентной реальности. Поэтому эта сила и яркость прикосновения к запредельной реальности, какие отличают наше православное благочестие, их поражала, умиляла, привлекала (вся история духовного перелома у Г.Г. Кульмана выросла из этого).

Если доклад Бердяева был решающим в смысле отхода от традиционной интерконфессиональной системы работы в Федерации, то доклады Карташева и Булгакова вводили в проблемы Православия по существу. Помню, что после доклада Булгакова, который зачаровал аудиторию так, что она словно не в силах была придти в себя и молчала, — встал Карташев и сказал молодежи, взяв слова Спасителя к самарянке: «Если бы ты знала, кто перед тобой». Личность о. Сергия, его личная страстная молитвенность (на всех глубоко действовало его служение, мне, впрочем, слегка тяжелое по напряженной страстности), его глубокие проповеди и какая-то тайна мысли, отпечатлевшаяся в его задумчивом выражении лица — все это заранее как бы отдавало молодежь в рабство о. Сергию, который предстоял перед всеми, как некая вершина мудрости, правды и отрешенности от грязи и суеты в самом Православии.

Слова Карташева верно отразили то, что сам он думал об этой почти провиденциальной встрече одного из самых ярких и замечательных русских людей, отдавших весь свой талант и силу и жизнь Церкви, — с новой молодежью, в оцерковлении которой для нас, старших, открывалась надежда на воскресение России.

Доклад Карташева поразил другим. Он говорил о назревшей необходимости организации церковных сил, о выявлении полноты и богатства Православия в жизни. Всем известно «магическое» красноречие Карташева, обаянию которого поддаются все, и старые и молодые. Но здесь, на фоне все более раскрывающегося богатства Православия, — эта задача, которую он ставил — «нести всему миру икону Православия», — казалась не только сияющей, как бы свыше намеченной для русских людей, но и непосильной. Вообще Пшеров был для молодежи откровением о Православии, о Церкви; это откровение окрыляло, раскрепощало в глубине души то, что таилось там, заставляло звучать эти новые струны, вдохновляло сладостным призывом, но и доводило души до изнеможения, сладостного по своей мистической полноте, — но и мучительного по своей непосильности. Душа загоралась, но и как бы тут же сгорала; все, что рассеивалось в дневной суете, за ночь вновь собиралось в душах, которые со дня на день становились все более насыщенными. Недаром к концу съезда у многих было чувство «хорошо, что съезд кончается, ибо душа не может больше выдержать такое напряжение». Речь Карташева потрясла не тем, что говорила о полноте Православия, а тем творческим призывом, который звучал в ней. Для нас, старших, было только чуждо сильное звучание католических образов (Карташев говорил, например, о возможности появления «орденов» в Православии и т.п.), но и нас она волновала. После речи Карташева, во время перерыва, я подошел к нему и, не говоря ни слова, поцеловал его — так сам я был счастлив, слушая его речь. Мне рассказывал потом Хирьяков, что кто-то подошел к нему и сказал: «Смотри, Зеньковский целуется с Карташевым», — на что Хирьяков, сам взволнованный,

ответил: «Подожди, через день-два мы все будем целовать друг друга».

Эти слова оказались вещими.

Прежде чем подойти к описанию двух последних дней, имевших какой-то солнечный, можно сказать, ослепительно сияющий характер, — хочу сказать пару слов об участии высшей иерархии на съезде 1923 г. Это было время номинального примата православной чешской архиепископии; архиепископом был арх. Савватий. Он чувствовал себя чужим среди русской публики, побаивался ее, на съезд приезжал всего на один день, дал благословение, ничего не сказал и уехал. Наш русский епископ в Праге, еп. Сергей, пробыл, кажется, два дня, тоже ничего не говорил, но, с присущей ему любовью, много общался с молодежью. Что касается еп. Вениамина, который был викарием арх. Савватия в Прикарпатской Руси, то он приехал, кажется, на 4-ый день, войдя — начал с довольно сердитого наставления о том, что Движение не должно ставить себе никаких миссионерских целей, т.к. само ничего не знает о Православии, — однако, через день уже, после общения с молодежью — его настроение совершенно переменялось. Епископу Вениамину, как известно, присущ редкий дар общения — с ним все сходится просто и без затруднений. На съезде он был вечно окружен молодежью, без конца рассказывал о русских монастырях и подвижниках. Рассказывал он, увлекаясь сам и зажигая этим увлечением молодежь. Карташев удачно охарактеризовал его речи, как «живое Добротолубие». Это, действительно, была как бы хрестоматия, вроде книги Поселянина — в этих рассказах перед очами молодежи раскрывался богатый, не знающий границ мир внутренней жизни, духовного делания. Часто уже вечером, смотришь — сидит где-то в уголке еп. Вениамин, а вокруг него масса молодежи мужской и женской, все слушают его с таким трогательным вниманием, с такой сосредоточенностью на лице, точно они молятся, точно уходят всей душой в мир внутренней жизни. Это не были лекции — это было свидетельство человека, часто лично видевшего тех, о ком он говорил (например, об о. Иоанне Крон-

штадтском). Если прибавить к этому, что еп. Вениамин, кроме дня, когда он сам служил, участвовал в церковном хоре и своим уверенным и звучным тенором вел хор, то не будет преувеличением сказать, что в последние дни он стал как бы душой съезда. Неверным в этом выражении будет только то, что съезд имел еще другие свои живые центры, вокруг которых кристаллизовалась жизнь съезда — имел и свой надличный центр, могуче и неотразимо приковавший к себе души — Церковь и богослужение. Я совершенно точно могу сказать, что для целого ряда лиц, помимо общего, потрясающего откровения о полноте, силе и богатстве Православия, сами богослужения, при четком и ясном чтении и пении разных частей его, впервые открывались и в своем содержании, и в своем мистическом смысле. Подошла суббота — предпоследний день. Духовное состояние съезда, если бы можно было сюда применить эти образы, достигло такой температуры, что дальше, казалось, некуда было идти. За предыдущие дни прошли в душах такие глубокие, существенные сдвиги, которые в других условиях надо считать просто невыносимыми. Я сам был свидетелем того, как не в одной душе таяло все, что стесняло, угнетало внутреннюю религиозную жизнь. Вот пример — одна девушка, вышедшая скоро замуж за одного из лучших моих друзей-учеников, уже на третий день простаивала богослужения почти в непрерывных слезах. Я ничего не говорил ей, она и не замечала того, что я ее вижу (я стоял сзади), я потом узнал, что она 15 лет не говела, хотя и хотела говеть, но ложный стыд ей мешал. Это возрождение души, это раскрытие ее недр производило на меня самого чрезвычайное впечатление — я и тогда и после говорил сам себе, что тем, что съезд помог хотя бы одной душе вернуться прямо и просто к Богу, — он навеки оправдан. Но такие же или аналогичные процессы происходили еще у многих. *Без труда, без усилий души отдавали себя Церкви*, как бы безмолвно давали Богу обет служить Ему всей душой. Эти процессы, естественно, сопровождались волнением в глубине души, — и электрическим током волнение одних пере-

давалось другим. Казалось, что благодатное осенение душ уже достигло своего предела, что дальше уже никуда и не следует идти, чтобы не дать разболтаться этому священному одушевлению, этому религиозному огню, который пылал в душах с исключительной, дотоле незнакомой им силой... Но вот окончились дискуссии, путь Движения определился, я был выбран председателем Движения, Липеровский его секретарем, было выбрано бюро из представителей всех стран. Деловая и идеологическая часть съезда была окончена, но нас ждало еще его мистическое увенчание. Его предчувствовали, к нему нас подготавливали, но никто не мог представить себе того, что было в действительности.

В субботу вечером, после всенощной, о. С. Булгаков попробовал устроить общую исповедь. Это было глубоко и сильно, он после общих молитв перед исповедью просил всех каяться по тем указаниям о грехах, которые он будет делать. В зале было полутемно, горели лампы, немного свечей перед иконами — а вся огромная зала уже было в полумраке. Разбросанно, каждый как бы войдя во внутреннюю клетку, часто стоя на коленях, слушали слова священника — «каюсь в том, что недостаточно любил Господа нашего Иисуса Христа» и другие слова, и в ответ слышался шепот «каюсь». Каждый испытывал себя. После общего отпуска грехов началась дополнительная индивидуальная исповедь, продолжавшаяся приблизительно с 9 час. вечера до 4 час. утра. Незабываемая ночь, непостижимая тайна и радость исповеди, когда шепотом говорились слова покаяния и шепотом священник делал свои указания. К индивидуальной исповеди шли буквально все — и это братство в покаянии, эти коленопреклоненные фигуры, в безмолвии, в темноте искавшие у Бога ключа к новой жизни, далекий, неразличимый шепот исповедника и священника — это была огненная, живая и палящая сила, которая свыше, благодатным озарением освящала душу, укрепляла, утешала, вдохновляла и звала. Нельзя забыть эту ночь... Многие, уже после исповеди, долгое время еще молились. Я и теперь не могу без

волнения вспоминать эту ночь, которая мне кажется чудом, как бы видением того, что должно делаться в юной душе. Спали все очень мало. Хотя литургия в воскресенье (заключительная) была назначена на 8 час., но все так привыкли вставать в 6 час., что встали в то же время и в воскресенье. Уже с вечера, когда вообще и деловая часть кончилась, и мысли всех устремились к Церкви, барышни стали убирать, чистить зал, где была церковь, нанесли много зелени, цветов. Утром собрали поздние осенние цветы, все убрали, церковь и зал стали неузнаваемыми, словно все готовились к браку. Это и была Кана Галилейская или наша Пятидесятница... Как описать литургию, это особое, торжественное, почти жуткое ожидание св. Причастия? Когда пришел его момент — казалось — что душа больше не выдержит, что она разорвется в слезах, что нужно как-то выразить внешне, что скопилось в душе всю неделю. После св. Причастия и юноши, и девушки стали, поздравляя друг друга, — целовать друг друга, и в этом было что-то от св. Пасхи. Оттого так и естественно родилось пение пасхального канона и песни «Воскресение Христово видевше». Казалось, что все точно во сне, что это не наяву. Возбуждение, которое накоплялось так долго и достигло своего мистического завершения в исповеди и св. Причастии, теперь рвалось наружу. У всех было чувство свыше пришедшего обновления, если угодно — рождения в новую жизнь — притом дающего и новые задачи и новые силы. Все значение ПШЕРОВА в истории Движения тем именно определилось, что в переживании восторга и радости не было ничего чисто психологического, а наоборот, был действительно духовный подъем, как бы временное преобразование. Не только все участники съезда — старшие и младшие стали братьями и сестрами, не только взаимные отношения вдруг стали легкими, радостными, дорогими, но именно это сознание какой-то свыше данной благодатной радости, Богом завещанного в ней задания определило преданность Движению. Пшеров стал священным знаменем Движения, а не только сладостным воспоминанием, с Пшеровом связана в

Движении его чистая и беспредельная преданность Церкви, его безмолвно, но твердо данное обещание отдать свою жизнь на службу Церкви. Как в акте венчания душевная связь двух людей в любви не только свидетельствуется перед Церковью и благословляется, но объективно сама становится малой Церковью — так в Пшерове исчезла тема «Мы и Церковь», и взамен ее родилось сознание, радостное и ответственное, «Мы в Церкви», мы прикоснулись к ее тайне, мы вобрали в себя эту тайну, мы обещались, мы хотим нести миру эту тайну о Церкви, это благовестие о ее силе и полноте, о ее жизни и радости. В Пшерове мы все как бы духовно рождались — это странное и, вероятно, неточное выражение все же дает намек и на то глубокое потрясение, которое пережили все, на тот перелом, который увел всех на новый путь жизни, и которое, вместе с тем, было не внешним обязательством, а горело в душе огнем светлого, укрепляющего вдохновения.

Удивительный финал, истинное осияние свыше благодатию св. Духа. Считаю и себя, и всех тех, кто был на Пшеровском съезде, счастливыми, ибо его неопишуемая радость не может быть повторена. Конечно, как показала дальнейшая жизнь Движения, всякий, кто глубоко и от всего сердца входил в Движение, — переживал «свой Пшеров», приобщался к той неугасимой, горячей лампаде, которую возжег в сердцах наших в Пшерове Господь, но завет Пшеров, его живая мелодия, его непоколебимая отданность Церкви в любви и радости, живет в сердцах именно тех, кто пережил Пшеров. Когда на втором съезде Движения (1924 г. в том же Пшерове), где половина участников состояла из лиц, бывших на первом Пшерове, захотели как бы искусственно, нарочито вызвать то же умиление сердца, то же горячее движение любви к Церкви, какими были наполнены сердца на первом Пшерове, т.е. захотели *погрязать* первому Пшерову — эта затея, естественно, не удалась... После св. Причастия был чай, потом свободное время, когда возбужденно говорили, обмениваясь впечатлениями, — возбуждение это стало постепенно

мельчать, терять свою духовную сущность, подменяться больше душевным, чем духовным веселием.

Днем состоялись благодарственный молебен и заключительное собрание, после которого все двинулись в Прагу. Жалко было покидать место, где столько было пережито, не хотелось расставаться друг с другом, и мы решили в тот же день вечером пойти к о. Сергию Булгакову (который жил тогда в Dejvice — в предместье Праги). Когда мы действительно встретились все у о. Сергия вечером, то только и говорили о том, что будем «делать». Это было так характерно и так отвечало тому, что скопилось в душе во время съезда... Соня Зернова, возвращаясь домой, завернула перед Белградом в Хоповский монастырь к игуменье Екатерине и о. Алексею Нелюбову (который был тогда духовником всех членов белградского кружка), чтобы рассказать о том, поистине чудесном, что загло и ее, уже до Пшерова пламеневшую миссионерским пылом.

Пшеров кончился, рождение русского Движения совершилось, и оно вступило в жизнь.

Итоги Пшеровского съезда.

Еще во время Пшеровского съезда (в предпоследний день) Холлингер и Кульман, уже зная, что я буду избран председателем Движения и руководителем его центрального органа, повели со мной «тайный» разговор о Марцинковском и Липеровском, как двух оплачиваемых Комитетом по русским делам (после оказалось — Всемирной Студенческой Хр. Федерацией в Женеве) секретарях. Их вопрос заключался в том, считаю ли я желательным, чтобы содержание М. и Л. шло через наше бюро или независимо от него. Оба прибавили, что в полное распоряжение бюро будут даны некоторые средства из Женевы на дальнейшее развитие русского Движения, но жалованье М. и Л., финансируемое из Женевы (по 25 фунтов в месяц), не может быть изменено без Женевы. Я отнесся с чрезвычайной осторожностью к вопросу Холлингера и Кульмана и сказал, что я лично считаю более желательным, чтобы М. и Л. получали

деньги помимо нас. Мои мотивы были следующие: 1) Марцинковскому я не доверял и не считал возможным, чтобы он оставался секретарем русского зарубежного Движения (звания председателя Российского Движения мы не могли, конечно, отнять у него). 2) В Федерации Движение в России сохраняло свое членство, мы же, как зарубежное Движение, до тех пор, пока не определилась наша связь и наше отношение к Движению в России (Сов.), были для Женевского Центра «случайным» образованием, почему же нам нужно было иметь назначаемых Женевой секретарей?

Я вообще еще не утратил в 1923 г. моего прежнего сдержанного и даже недоверчивого отношения к Федерации — и поэтому считал более предпочтительным сотрудничество с Федерацией, но не более. Ведь от Федерации и во имя ее шла со стороны Никитина, Липеровского, Бреше упорная борьба за сохранение интерконфессионального метода в работе. Наш Пшеровский съезд категорически разорвал с этим методом, — а М., и даже Липеровский, будучи на службе Федерации, лишь мнили бы себя на нашей службе. И не мы их себе выбирали в секретари, а нам их дарили, т.е. навязывали. Поэтому, не отказываясь от сотрудничества с ними, я считал правильным, чтобы они оба оставались в прежнем положении и чтобы мы не были связаны обязательством в отношении Марцинковского и Липеровского. Этот порядок, т.е. что М. и Л. получали содержание помимо нас, сохранился, если не ошибаюсь, до 1926–27 года, после чего уже все секретари, выбранные съездом, получали деньги от нас (исключение составлял Ф.Т. Пьянов, но о его положении в Движении скажу дальше отдельно).

Недоверие со стороны русского Движения к услужливым дарам от Женевы было не у меня одного. Оно, к сожалению (не стыжусь это сказать), охватывало почти все русское Движение — и хотя я не разделял глупых подозрений, что мы находимся в сетях масонов, я должен был считаться с общим настроением. Я сознавал одно — мне надлежало помочь молодому и новому (в истории русской интеллигенции) течению — найти

свои формы, и если в этих исканиях нам может быть полезен заграничный христианский опыт, мы должны его использовать, но все же всегда держаться своего пути. Это было очень нелегко — собственно вполне «своим» был лишь белградский кружок, да в лице Кульмана, я сразу это чувствовал, мы обрели человека, желающего помочь русскому Движению найти свой особый путь — все же остальные (с исключением, пожалуй, и Холлингера), и особенно русские секретари (*plus papistes que le pape*), стремились непременно втиснуть нас в общие формы Федерации. К тому же в ряде мест у нас не было «своих» людей. Вот география Движения осенью 1923 г.: 1) Париж — находился под влиянием Федерации, через Мироглио. Однако в Пшерове парижане, особенно в связи с моей и сестер Зерновых поездкой летом 1923 г. в Париж, тянулись (но не больше) к Православию. 2) Берлин — царство УМСА с русским секретарем Ф.Т. Пьяновым. Берлин уже подпадал, благодаря Бердяеву, Франку и др., под влияние Православия (впервые определенно в Движении это сказалось на съезде 1924 г., куда пригласили еп. Вениамина), — но в 1923 г. это было место еще ненадежное. 3) Прага — с одной стороны определенный и яркий Православный кружок (во главе с Юлией Рейтлингер), а с другой стороны — Алешово с М.Л. Бреше во главе, с традиционным и закоренелым интерконфессиональным методом, за который все еще стояли многие из русской молодежи. 4) Белград — ярко и сплошь Православный кружок. 5) София — царство А.И. Никитина с интерконфессиональной идеологией. Однако Никитин, как самый чуткий из прежних деятелей, явно шел навстречу «оцерковлению» Движения, хотя разрыв в Пшерове с интерконфессиональным методом он пережил очень тяжело. 6) Прибалтика — пока царство УМСА, но с тяготением к Православию. В этих условиях мое решение относительно М. и Лип. мне и сейчас представляется верным.

Я должен тут же отметить, что очень долго мои отношения с Липеровским были трудными и натянутыми — окончательно стали хорошими лишь когда

мы прожили вместе в 1926 г. в одной комнате две недели в Нью-Йорке (на 125 ул.). Но осенью 1923-1924 г. было еще много тяжелого между нами. Так, после Пшеровского съезда, кто-то из членов Православного кружка предложил собраться на квартире Ю. Рейтлингер всем «стоящим за Православие» членам Пшеровского съезда. Об этом собрании стало известно Липеровскому, и он очень болезненно пережил то, что большое и оживленное собрание было без него. При первой же встрече со мной он горько жаловался мне, особенно нападая на меня самого, считая меня инициатором этого, как он говорил, «обособления», все говорил о том, что мы таким образом не объединяем, а разъединяем русское Движение. Липеровский долго не мог забыть этого эпизода, который положил тяжелую печать на наши личные отношения. Раз в 7-10 дней он приходил ко мне, мы с ним обсуждали разные дела, но оба мы чувствовали, что нарастает «двоевластие». Я, по старым навыкам русской работы, да отчасти и по дурной черте своего характера самому все делать, считал, что, став председателем Движения, я являюсь не только «почетным» главой его, но и его руководителем, его иерархическим возглавителем. Липеровский же, исходя из западной практики и считая себя «генеральным секретарем», а во мне видя нечто вроде «свадебного генерала» — для почета, хотел все держать в своих руках. Я вообще всегда считался с его мнениями и планами, но постепенно брал в свои руки все личные отношения. Не только Белград, отчасти Париж и Прага, но и Берлин считались со мной, вели со мной переписку. Настоящего «центрального органа» у нас поэтому не было, а было два центральных лица — я и Липеровский, каждый имел свои связи, друг друга осведомляя, конечно, обо всем. Меня это положение не тревожило, т.к. я сознавал, что не могу сразу взять все в свои руки — особенно те группы, которые были связаны с УМСА (Берлин, отчасти Прага), так как тут были налицо специальные иностранные секретари (Э.И. Макнотен, П.Ф. Андерсон, Г.Г. Кульман); с Федерацией и ее ставленниками — я чувствовал — легче установить пра-

вильные отношения. Всегда тактично и мирно, но настойчиво я связывал с собой все дела; Липеровский чувствовал, что центральное его значение все слабее, и это его и волновало и раздражало. Я часто чувствовал, что он смотрит на меня исподлобья. За осень Прага и ее окрестности быстро покрылись рядом кружков — все они были или православными, или «евангельско-православными» (напр., кружок Ю.П. Степанова в Горных Черновицах — тут изучали Евангелие, но руководствовались св. отцами при толковании его). На Рождестве кружки собрались в студенческом доме в Праге для общего праздника. Было шумно, весело, счастливо. Я должен тут же упомянуть, что, будучи председателем Движения, я чувствовал себя очень связанным и с профессорской группой — больше всего, конечно, с о. Сергием, который все больше (через Ю. Рейтлингер) входил в работу Православного кружка в Праге, ставшего в это время центральным для Праги. Ряд церковной молодежи (А.А. Петров, ныне игумен Афанасий, Н.С. Седов, ныне о. Серафим, Г.Н. Шумкин, ныне о. Г. Шумкин, создавший со своей женой — он женился весной — Анной Федоровной кружок в предместье Праги) и др. примкнули к Православному кружку. Такие яркие люди, как Юля (сестра Иоанна) и особенно ее сестра Катя (ныне Е.Н. Кист), В. Новгородцев, Хмырев придавали заседаниям кружка особенно живой характер — часто все же пылая ревностью о Церкви больше, чем нужно было — в смысле резких оценок «Алешовского» направления. Две струи (православная и интерконфессиональная) все же не сливались, и это сильно осложняло нашу пражскую жизнь. В Православном кружке было много девушек, часто очень незаурядных (Дюна Бонч-Богдановская, ныне Любимова, Марианна Андрусова, ныне Афанасьева, Ася Оболенская, ныне монах. Бландина), и этот особый «аромат» «девичьего» пиэтизма вызывал и зависть и острую критику. Отец Г. Флоровский (тогда еще не священник) пустил тогда острое, недоброе слово о Движении, как «организации умиления». Справедливо здесь было лишь то, что возникавший в это время (особенно среди нашей женской

молодежи — впереди всех здесь шли талантливые сестры Рейтлингер) культ о. Сергия Булгакова уже имел в себе нездоровые элементы. О. Сергий пускал к себе только «избранных», посещал только собрания (не всегда, впрочем) Православного кружка; с великого поста начались особые его богослужения в помещении, где жили студенты и профессора (в Худобине — на краю Праги), и это дало дальнейший толчок культу о. Сергия, во многом им заслуженному, но имевшему в себе некоторые нездоровые черты.

Возвращаюсь к жизни в Движении. За осень в Праге очень выдвинулся Л.А. Зандер, приехавший к концу лета из Владивостока. Его блестящий дар изложения, профессорский опыт, глубокая церковность делали его очень нужным для всех кружков человеком, но его личная дружба с Липеровским все же больше его связывала с Алешовым, чем с Православным кружком. Он очень тяготился этим положением — он уже тогда был страстным поклонником о. Сергия Булгакова, все его симпатии влекли его к Православному кружку, а его личная близость к Липеровскому (с которым он, кажется, жил тогда) отделяла от Православного кружка. Все же, когда, по просьбе парижан, наметилась необходимость поездки лекторов в Париж — было решено (не помню где и кем), что кроме Липеровского туда поедет и Зандер. Поездка имела место во второй половине января. Оба должны были вернуться к съезду бюро Движения — этот съезд должен был состояться в середине февраля в Праге. Поездка Зандера и Липеровского в Париж получила огромное значение для образования Движения в Париже. Здесь, прежде всего, при них создалось братство св. Троицы, донныне уцелевшее в своей глубокой духовной сущности — во главе братства встал недавно переехавший из Константинополя в Париж о. Александр Калашников; горячим апостолом братства была его старшая дочь Валентина (ныне Зандер). Созданием братства было положено твердое и незыблемое основание для «православности» Движения в Париже. Такие яркие люди, как Павел Евдокимов, В.А. Зандер, Катя Серикова (ныне Меньшикова), ее

брат Жорж, ныне о. Георгий, Петя Ковалевский — это все были исповедники Православия — к ним примкнули прежние «интерконфессиональные» деятели, среди которых сразу выдвинулась высокодаровитая, глубоко религиозная и духовно утонченная Милица Лаврова (ныне Зернова). Во время поездки Липеровского и Зандера было решено летом 1924 г. собрать в Париже первый местный съезд (он состоялся в Аржероне).

Помню хорошо то утро, когда ко мне на квартиру в Праге пришел очень взволнованный, только что приехавший из Парижа Липеровский. То «торжество Православия» в парижском Движении, свидетелем, участником и создателем чего он сам был, как бы закончилось в нем *отрыв* от старого типа кружковской жизни.

Ведь Липеровский — сын священника, лично всегда очень преданный Церкви — поэтому для него лично не было никакой трудности в том ярком и властном обращении молодежи к Церкви, какое обнаружилось в Пшеровском съезде, но то, что «православная группа» Праги и Белграда его, так сказать, не принимали (тогда ведь не без оснований), видя в нем одного из проводников интерконфессионализма, — это его отделило, как бы отбросило в сторону интерконфессионального течения. Он *тяготился* этим положением, невольно его отрезавшим от «церковников»; но вот в Париже никакой стены между ним и тамошними «церковниками» не было: при удивительном даре сближения с людьми, Липеровский легко и сердечно сошелся с этими церковниками Парижа, и именно это чувство влекло его по приезде в Прагу ко мне — он как бы невольно хотел предстать передо мною как деятель и участник именно церковного течения в Движении.

Приближалось время съезда бюро в Праге. Никто из нас, руководителей, ясно не представлял себе, в чем собственно должна состоять работа, мы только одно знали наверное — что нам нужно было подготовиться ко второму общему съезду осенью 1924 г.

Приехали из Софии Никитин и А.И. Чекан, из Белграда Н. Зернов, из Парижа П.Е. Ковалевский и М.В. Лаврова, из Берлина Федоровский, а также представители

Праги. Кроме того были Холлингер, М.Л. Бреше и Д.И. Лаури. Наша работа началась с молебна в малом приделе, отведенном Православной Церкви в св. Николаевском храме. Еп. Сергей сказал очень теплое слово на тему: «Не бойся, малое стадо». Затем мы отправились на Алешово, в помещение кружка, и начали работу.

Прежде всего пошла информация, показавшая, что православный характер нашего Движения всюду обнаруживается со все возрастающей силой. Затем были обсуждены вопросы местных съездов (в Германии, Франции, Болгарии, Праге), были намечены контуры бюджета (поездки и т.п.). В общем бюро наше явило и свою реальность, жизненную силу Движения, которое стало расширяться, и рост после Пшеровского съезда — с какой-то необыкновенной силой, — и вместе с тем вскрыло организационную дряблость Движения. Я лично это чувствовал очень сильно, сознавая свою ответственность за это, ибо на меня, как на председателя, Пшеров наложил особую задачу — так сказать «хранить дух Пшеровова». Из информации с мест выяснилось, какую громадную роль играют посещения тех или иных мест, где есть русская молодежь, лекторами и секретарями Движения.

С другой стороны, становилось все яснее, что нарастает контраст между «расширением» и «углублением» Движения. С одной стороны, Движение сразу стало как бы кристаллизационной точкой для самых различных групп молодежи; Движение, в известном смысле, становилось быстро и легко «модным» — но ясно было, что к Движению примыкали слишком различные группы, хотя все тяготеющие к Православию, но слишком по-разному понимающие его. Особенно сложно было положение в Берлине, где одна группа, уже сплотившаяся раньше на политической почве, образовала кружок и вошла в Движение. В составе этого кружка был даже известный политический деятель, крайне правый монархист Тальберг, о котором я еще в России слышался много скверного. Мои опасения, увы, очень скоро оправдались — так же, как и недовер-

чивое отношение к Лопухину (в Белграде). Но как было отказать в приеме в состав Движения группе, бесспорно преданной Православной Церкви? Тем настойчивее выдвигался вопрос о конкретном раскрытии идеологии Движения. Этим, в значительной степени, определилась программа предстоящих летом съездов — помимо чисто «миссионерской» (призывной) части, в нее предложено было включить темы о конкретном понимании церковной идеи. Обращусь к характеристике местных съездов 1924 г.

Прот. Сергей БУЛГАКОВ

ЦЕРКОВЬ, МИР, ДВИЖЕНИЕ (Доклад на съезде в Аржероне в 1924 г.)

Понять задачи и цели нашего Движения в их положительном отношении к Церкви и миру — значит увидеть их — и нас самих — в свете, который падает с высоты. Но свет от солнца; а наше Солнце — Христос, Свет истинный, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир. И этот Свет озаряет и глубины нашего сердца, и наши пути в мире и ведет нас к тому, что для нас важнее всего и первее всего — к служению Христу, к жизни в Церкви. Мы рождаемся в Церкви, живем среди церковного народа, окружены церковной обстановкой; это для нас привычно и нормально. Но те, кто приходят к Церкви для того, чтобы отдать Ей свои силы, — как бы рождаются во второй раз, просыпаются к иной жизни, чувствуют себя по-новому призванными Господом, который «призвал тех, кого хотел». Господь как бы говорит нашей душе: «Мария», — и она радостно отвечает Ему: «Раввуни», — и с воплем бросается к Нему, чтобы обнять Его ноги... Мы не можем приравнивать нашего служения апостольскому. Но мы должны помнить, что *каждый*, поскольку он говорит: «верую, Господи, и исповедую» — тем самым выполняет завет Спасителя, данный им своим ученикам. И первое, что мы можем и должны делать в нашем служении Господу — это исповедание его Имени, свидетельство о вере нашей. Однако, чем громче звучит наш голос, исповедующий Истину, тем настоятельнее возникает в душе вопрос: в вере ли мы сами? умножается ли вера наша? дает ли достойные плоды?

В жизни нашей — личной и в жизни Движения — были моменты, которые поистине можно назвать праздниками веры; когда Господь так ясно говорил с нами, что сердце наше не могло не отвечать Ему. Однако после праздника всегда наступают будни, за духовным

цветением наступает как бы некое оцепенение души, и тогда мы взываем — кто из нас не знает этих минут? — «верую, Господи, помози моему неверию»... Личная обращенность к Богу, наша молитвенная связь с ним как-то тускнеет, отступает на задний план, оттеняется другими — часто добрыми и значительными — целями: нашим послушанием тем или иным конкретным церковным задачам, нашим суетливым и часто беспорядочным служением Движению. И нет уже сил, не остается времени молиться, быть близкими Богу — как первоначально. Но рядом с этим в душе живет и другая опасность. Темная бездна, неизменно присущая нашей душе (ибо и созданы мы из «ничего»), подымается в нас, как мятежное богоборчество, как неприятие Бога и его мира, как непонятная, иррациональная стихия бунта и самочиния. Этого нельзя ни замолчать, ни обойти. Но мы знаем, что рядом с сатанинским противлением Богу есть и правое богоборчество — тот упор, о который отталкивается наш дух для воспарения ввысь, та сила, которая должна быть обуздана и покорена, но не убита, не уничтожена. Ибо Господь требует, чтобы мы принесли ему нашу силу, а не слабость, наш труд, а не пассивность, наш подвиг, а не вялость. Весь Израиль боролся с Богом — подобно родоначальнику своему Иакову, — и за это Господь и избрал Его. И христианство есть не только подвиг и труд, но сила, горение, буйство, а не кисло-сладкое складывание на пустой груди ненужных рук, хотя бы они и складывались в знак креста.

Поэтому мы не должны смущаться ни холодностью нашей души, ни темными провалами в ней. Все это необходимо и неизбежно; все это дано нам, как препятствие преодолеваемое, как трудность, побеждаемая нашим усилием и любовью. Только одно надо всегда помнить: мало, если мы скажем — себе или другим: «Да, мы исповедуем Христа, мы — христиане». Вера есть постоянный труд, непрекращающееся усилие; борьба с малодушием, с маловерием, преодоление бездны: постоянное, неизменное. Ни минуты покоя, ни минуты сна: вечная готовность к борьбе, напряженность нашего духа...

Наше Движение рассчитано не на год и не на два. Задачи его растут с каждым днем. Поэтому основную нашу задачей являются не те или иные частные достижения, а общее укоренение себя в том, что есть Столп и Утверждение Истины — в нашем церковном бытии, в христианском устройении нашего духа. Чтобы Церковь действительно была для нас тем Царством, которое мы ищем прежде всего; чтобы она была для нас не первой в ряде жизненных ценностей, а единственной и ни с чем не сравнимой жемчужиной, солнцем, без которого все теряет свои краски, погружается во тьму; и чтобы мы ощущали ее и жили в ней, как в конкретном единстве неба и земли, единстве вечности и времени — которому не страшны волны жизни, разбивающиеся о ее гранитные твердыни... Бывают в нашей жизни минуты, когда душа наша истает в умилении и не хочется уходить из храма; редки и непродолжительны эти огненные мгновения. Но они залог нашей церковности — искомой, взыскуемой, достигаемой подвигом любви, терпения, молитвы. И вот здесь — в нашем совместном подвиге, в преодолении наших немощей — мы должны крепко держаться друг за друга, подавать друг другу руки, помогать друг другу, — чтобы никогда ни один из нас не чувствовал себя одиноким, оставленным — без молитвенной помощи брата, без ободряющего слова такого же, как и он, борца и трудника за веру. В этом главная ценность нашего Движения: единство во Христе, помощь друг другу, соединение у чаши Христовой и единство в молитве, подвиг и труд.

Русская душа сейчас раздирается — и только Церковь способна собрать воедино то, что отторгается от нее. И наша великая радость — в том, что через наше Движение Господь дал и нам часть в этой работе, и, объединяясь друг с другом, собирая вокруг себя — мы воссоздаем клетки церковного тела, служим единству и славе Церкви.

Но мы живем в мире, окруженные его соблазнами, его заботами и делами. И здесь нас ждет трудность, выраженная в кажущемся противоречии Писания. Ибо

«так возлюбил Бог мир, что послал Сына Своего Единородного»; и вместе с тем: «не любите мира, ни того, что в мире»... Как соединить эту любовь к миру (ибо разве можем мы не любить того, что возлюблено Господом?) с этим отрицанием мира и того, что в мире? Тонкая грань отделяет здесь правильное отношение — нашу любовь к Божьему созданию — от недолжного и греховного пленения нашей души немощью природы, червоточиной первородного греха, разлитого во всем бытии и имеющего в каждом из нас свои подземные ходы.

Нам хорошо, тепло, уютно в храме. Но живем мы вне храма, в иной — не духовной обстановке, и от нее мы также не имеем права отмахиваться и презирать ее.

Улица истории часто представляется нам чем-то докучным, ненужным и даже страшным; хочется уйти от нее, уклониться от ее задач, отрицать ее смысл. Это желание естественно и понятно: оно проходит через всю историю Церкви. Но верно ли оно для нас, имеем ли мы право отрицать жизнь, современность, уходя из нее и отворачиваясь от ее страданий и скорбей? — Так жило первохристианство. Оно не знало времени, не знало истории и жило только одной молитвой, одним порывом: «ей, гряди Господи Иисусе!». Но уже со второй половины II века эта молитва замолкает и заменяется иной — *de mora finis* — о замедлении конца. Второе пришествие становится страшным («Страшный суд»). — Оно отодвигается на неопределенное время. И время это заполняется человеческими подвигами, человеческой историей, вхождение в которую Церковь ознаменовала канонизацией Константина Великого... Радостное ожидание конца для нас невозможно и неверно. Мы должны быть к нему всегда готовы, но мы не имеем права отстраняться от тех *христианских* задач, которые нам завещаны историей и являются нашим церковным долгом сегодняшнего дня. — Еще более неверным является эсхатологический испуг, охватывающий нашу душу при виде ужасов, которые таит в себе наша эпоха. Опасным и греховным является тот страх (последние времена!), который заставляет нас ощущать силу антихриста живее и сильнее, чем силу Христа, и побуждает

нас уклониться, уйти, спрятаться, — и где-то в потемках ожидать конца. Мы не имеем права устанавливать самочинно конец истории и тем отдавать ее во власть антихриста; мы должны стоять в ней до конца и не убегать малодушно от грядущих ужасов, но, «восклоня главы своя», обретать в словах Господних веру и радость веры, которая сильнее зла и смерти.

Поэтому живой и действенной является для нас и современная жизнь. Не тем, что она «современна», но тем, что она имеет прошлое и будущее, что она осуществляет собою творчество истории, без которого не может быть и ее конца. И в этом отношении наше ущербное и скорбное время таит в себе безграничные возможности.

Ибо целые области, близкие и доступные современному человеку, еще не прозрачны для христианского сознания, не покорены Церкви.

Природа, которая, по самому существу своему, есть явленная в камнях, растениях и животных книга Бытия.

История — как откровение о силе и действенности Христового слова в плоти человечества.

Хозяйство и профессиональная жизнь, которая вся призвана быть путем христианского служения, а на самом деле является позором нашего бессилия и немотствования перед торжествующей бессмыслицей.

Социальный вопрос, который весь должен быть принят на христианскую совесть и ответственность и изъят из ведения социалистов и коммунистов, которые сделали из него свою монополию.

Наконец, наука и искусство — подчиненные ложным принципам, служащие ложным идеалам...

Все это принадлежит Христу, все это должно быть видами церковного служения, церковной жизни. Какие же задачи стоят перед нами, какая свобода для творчества, какие подвиги для воли и духа!

Поистине, для современного христианина нет границ творчества, и одно это сознание должно окрылить его на дерзание свершить невозможное...

Не покоряясь миру и не насилуя его — преобразовать мир, приобщать его Божественной жизни, превращать

его в Церковь. Вот задача и путь, которые были бы для нас невозможны и немыслимы, если бы мы надеялись на себя. Но мы помним слова Господа: «Без Меня не можете творить ничего» — и знаем также, что не ложно Его обетование: «Верующий в Меня дела, яже Аз творю, сотворит и больше сих сотворит»...

Наша историческая — данная нам в нашем Движении — задача заключается в том, чтобы, приходя из мира в Церковь, живя в Церкви и Церковью — оставаться в мире, трудиться для мира, преображать мир. И мы верим, что эта задача послана нам Богом, и что грядущее — которое всегда в нас и с нами — дано нам для его творческого осуществления, — чтобы в чреде событий мы прозревали волю Господню и служили ей всей нашей любовью и разумением.

Н.А. БЕРДЯЕВ

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ*

Когда YMCA сейчас приходится работать в русской среде, то ей приходится иметь дело с совершенно особыми условиями, непохожими на те, которые она встречает в других национальностях. Это, конечно, сознают лидеры YMCA. И является вопрос, оправдывается ли деятельность среди русской эмиграции, плодотворна ли она? Всякий признает, что в Советской России невозможна никакая организация христианского движения молодежи, которая явилась бы противодействием движению безбожному. Внутри России возможна напряженная духовная жизнь, возможно мученичество, но не организованная, социально выраженная борьба за христианство. Только за рубежом возможно организовать движение русской христианской молодежи. При всех обычных недостатках эмиграции, только в ней может быть создана примерная христианская организация молодежи, которая потом будет перенесена в Россию.

Христианское движение русской молодежи за рубежом имеет двойную цель, более близкую и более далекую. Близкая цель — духовная помощь русской молодежи, рассеянной по всему миру. Эта молодежь находится в очень тяжелом не только материальном, но и моральном положении. Она легко может опуститься и морально разложиться. Участие в организованном христианском движении, охватывающем все места русского рассеяния, предотвратит разложение и распыление русской молодежи, духовно укрепит, сохраняя ее связь с Россией. Но есть и более далекая цель движения, более важная. Русская молодежь все-таки может иметь надежду рано или поздно вернуться в Россию. И отдельным членам возможно это возвращение. Ей

* Обе статьи из парижского архива Н.А. Бердяева, без даты, написаны в начале 30-х годов. Печатаются впервые.

предстоит встретиться в России с результатом длительного насаждения безбожия. Она должна выдержать длительную борьбу за христианскую веру, она должна быть на высоте этой трудной борьбы. Только за рубежом могут готовиться кадры людей, которые могут выдержать борьбу за христианскую веру внутри России. Только здесь может быть создана примерная организация молодежи, которая может быть перенесена внутрь России. И в этом важном деле русская христианская молодежь учится у западных христиан, создавших уже на Западе мировое христианское движение, помощью которого она пользуется. Уже около 15 лет в огромной стране, среди огромного народа государство всеми приемами насаждает безбожие. Явление беспрецедентное в истории. Явление это не только русское, но и мировое, им затрагиваются судьбы христианства в мире. И христиане Запада, особенно христианские организации Запада, не могут быть равнодушны к этому явлению. Россия и русские занимают сейчас центральное положение в мире [пропуск], но и небывалым в мире безбожным движением. Все это делает работу среди русских и помощь им очень значительными. И, собственно, нет другого пути помочь русским христианам в борьбе за христианство, кроме помощи движению за рубежом. Но русское движение за рубежом только в том случае может иметь значение, если в эмиграции будут силы, не чувствующие себя очень оторванными от России, от ее внутренней судьбы. За годы существования движения много было сделано для преодоления надлома эмиграции, оторванной от новой России и обращенной лишь к прошлому. В значительной части молодежи, участвующей в христианском движении, произошел поворот лицом к России и раскрылась возможность признать не только отрицательный, но и положительный общественный опыт революции. Только внутри христианского движения были преодолены эмигрантские политические распри и оказалась возможной работа людей, принадлежащих к разным политическим направлениям, обычно очень враждебным между собой. У русских есть особый опыт, которого не имеют

западные христиане, и опыт этот может быть полезен и для Запада. Это не есть опыт организации, в котором люди Запада всегда были сильнее; это опыт знания внутренних истоков безбожного движения в мире и связи с движением социальным, опыт трагический, неизвестный людям западного христианства, может быть не только защиты и охраны, но и творчески-созидательный. Это есть опыт пережитого страдания, которого западные христиане в такой форме не испытали. От соприкосновения и общения русских православных с христианами Запада может народиться что-то новое в недрах христианства, может дать очень плодотворные результаты для всех исповеданий христианского мира. Понять задачи [пропуск], можно только поняв изменение положения христианства во всем мире, трудные проблемы перед нами стоящие, и новые задачи, перед нами возникающие.

Положение христианства в мире давно уже начало изменяться, но сравнительно недавно окончательно выявились результаты этого процесса. Это изменение прежде всего связано с отношением христианства и государства. В прошлом христианство было очень связано с государством, и православие в особенности. С времен Константина Великого государство считало себя христианским и церковь пользовалась поддержкой государства, которое мечом охраняло христианство в мире. Особенно христианство восточное, православие, которое было сначала преимущественно византийским, а потом русским, было тесно связано с империей, которая почиталась священной. Христиане привыкли чувствовать себя под охраной государственной власти. Сама организация церкви была тесно связана с государством. Христианское устройство социальной жизни было передано государству, царю. Все это радикально изменилось. Государство стало или безразличным к христианству, а затем и враждебным. [Так в рукописи] И это есть мировое явление. В России это произошло катастрофическим путем и привело к гонению на религию. Но нигде больше христианство не может рассчитывать на поддержку государства. И это имеет и положительные сто-

роны. Но это предполагает изменение духовной структуры христианства, изменение отношения христиан к жизни. Христианское государство, которое часто было христианским лишь по имени, ослабило ответственность и активность христиан. Разрыв государства и христианской державы привел к тому, что безбожное движение, которое нарастало в мире уже давно, но не могло себя долго выявлять при старой государственной власти, окончательно себя выявило и приняло организованные формы. Совершенно ново для наших дней не столько безбожное движение, сколько его организованность и внешняя активность. В Советской России советская власть не только пассивная сторона, но она-то и последовательно активна. Во Франции государственная власть не гонит христианства и не совершает насилий, но она враждебна христианству, и дело воспитания ведется в духе лаичном, безрелигиозном. Христиане всех верований не могут больше возлагать на государство дело борьбы против безбожия и защиту христианства. И это хорошо. Это дело только христианства в мире по-новому трудное, требующее непривычной, новой активности христиан. Это хорошо, потому что уничтожает неискренность, требует большей правдивости, отделения христиан настоящих от христиан фальшивых. Церковь должна сама себя организовать, не полагаясь на помощь государства. Ответственность христиан страшно возросла. Против безбожия нельзя уже бороться методами государственно-полицейскими, нужно противопоставить ему духовную силу, умственную вооруженность, способность к социальной организации христиан. Христиане Запада — и католики, и протестанты — в своем прошлом более привыкли к активности и самостоятельности, чем христиане Востока, чем православные. Между тем как центр безбожного движения сейчас в православной стране, в России, где церковь была связана с государством, с монархией. Это делает положение особенно трагичным. Из России пропаганда и воинствующее безбожие идет на Запад, прививается в странах, прилежащих к России. Возникновение противоположного движения для защиты

церкви и христианства — для православных за рубежом. И это требует единения и сотрудничества с христианами Запада. Изменение положения христианства в мире требует от христиан большей активности, чем та, которая была в прошлом, требует выработки новых методов борьбы, новой вооруженности. Это требует решения из глубин христианства социального вопроса, который сейчас мучает мир.

Новое положение христианства в мире требует не только христианского разрешения социального вопроса, т.е. действия христиан в социальной жизни, но и объединения раздробленных частей христианского мира. Поэтому экуменическое движение приобретает особое значение в наше время. Перед лицом общей опасности христианам необходимо сблизиться между собой и ставить общие задачи. Православие, не принимавшее участия в исторической борьбе протестантизма и католичества, представляет благоприятную почву для интерконфессиональных общений и сближений. И не случайно довольно значительные интеллектуальные силы очутились за границей. Это — факт провиденциальный. Движение социального христианства и движение экуменическое возвышают положение христиан в мире. Православный христианин уже не может не участвовать в христианской организации христианского мира. И то, что представляется как бы ослаблением и утеснением христианства в современном мире, может пойти ему на пользу. Потенциальные силы христианства огромны, но они недостаточно актуализованы. Настало время для такой актуализации. И в наше время отношение христианства к движениям, происходящим в мире, не может быть лишь пассивно-охраняющим и защищающим, оно должно быть творчески-наступательным и активным. Охрана и защита не могут сами по себе вдохновлять. Вдохновляет лишь творчество и активность, лишь стремление к новой жизни. Поддержка русского движения за рубежом со стороны христианства мирового есть единственная возможность поддержки православного христианского мира, есть

единственная возможность услышать голос представителей православия в новую христианскую эпоху. Поэтому такое значение приобретает поддержание издательства, которое есть единственный выразитель православной мысли в нашу эпоху. Это дело, обращенное к будущему, которое лишь в будущем будет вполне оценено. Результаты будут осознаны тогда, когда никого из нашего поколения уже не будет в живых. Плодотворность поддержки русского христианского движения за рубежом может быть недостаточно видна сейчас. Она будет вполне выявлена, когда в России возможна будет организация христианской работы. Тогда будет оценено все, что сделано за это время.

Н.А. БЕРДЯЕВ

ОБ ИДЕЙНОМ КРИЗИСЕ ДВИЖЕНИЯ (Задачи Движения и грозящие ему опасности)

Русское Христианское Движение молодежи переживает тяжелый финансовый кризис, который поглощает много внимания и сил. Но оно переживает еще гораздо более тяжелый идейный кризис, о котором молодежи следует глубже задуматься. Ошибочно думать, что, признав себя православным и увидав в служении Православию свою задачу, Движение определило себя. В нем не только не произошло идейного самоопределения и осознания своих задач, но парализовано желание такого самоопределения и осознания. Идейное беспокойство, связанное с жизненными проблемами нашей эпохи, отстраняется от Движения и даже по-видимому признается не соответствующим характеру Движения. В действительности Православие может быть лишь базисом, духовной основой христианского движения молодежи, но не может быть конкретной задачей Движения. Конкретной задачей может быть лишь раскрытие из глубин Православия, из глубин христианства отношения к полноте жизни. Движение не может быть лишь движением к православной церкви, Движение должно быть движением из православной церкви, как источника духовного питания и крепости, ко всем мучительным вопросам, поставленным жизнью. Движение может быть лишь раскрытием многообразного жизненного содержания Православия. Это содержание не может заключаться лишь в утверждении благочестия, по преимуществу храмового. Это есть обеднение Православия. Благочестие есть прежде всего явление личной духовной жизни и оно не может быть лозунгом Движения, которое всегда есть явление социального порядка. И нельзя корректировать эту обедненность тем, что смешивать православное благочестие со спортивным и военным воспитанием юношества без всяких

посредствующих звеньев. Благодаря этому Движение не имеет органического стиля. Христианское Движение есть неизбежно явление социальное и культурное, а не только явление личной религиозной жизни, и потому оно должно иметь идеи, должно быть взволновано проблемами, которые волнуют сейчас мир, чувствовать поступь истории. Оно не может быть чуждо тому культурному и социальному кризису, который бесспорно имеет религиозные корни. Выработка и реализация христианского отношения к культуре и социальной жизни не может не входить в задачи Движения. Но для этого необходимо всемерно бороться за повышение интеллектуального и культурного уровня состава Движения, бороться против варваризации, которая все более и более захватывает молодые поколения. Нельзя допустить, чтобы отношение русской христианской молодежи к жизни социальной определялось исключительно непросветленными инстинктами и неосмысленными традициями прошлого, потерявшими реальное значение в нашу эпоху. Движение сознательно отстраняет от себя вопросы политики, но бессознательно политика в Движение вносится и в некоторых отделах работы приобретает господствующий характер. Под лозунгом аполитизма и аполитического национализма ведется очень определенная право-националистическая или фашистская политика, как будто бы сама собой разумеется ее связь с православием. Вот это, по моему мнению, не может быть терпимо. Необходимо пролить свет христианского сознания и христианской совести на эти вопросы, ничего не оставляя недоговоренным, не допуская никакой двусмысленности. Движение в духовном ядре своем остается как бы под стеклянным колпаком благочестия. А поскольку оно расширялось вовне, оно впитывало в себя элементы молодежи, органически не связанной с христианской духовной жизнью, и допускало методы, практикуемые в направлениях, одержимых национально-политическими страстями нашей эпохи. Я убежден, что Движение будет жизненным лишь в том случае, если оно выйдет из-под стеклянного колпака, из тепличной атмосферы на более

широкую арену и приобретет характер христианско-социальный и христианско-культурный, если оно будет впитывать в себя новые поколения молодежи, но при обязательном условии подчинения этой молодежи христианскому духу. Христианский же дух противится той стихийной власти плоти и крови, которой повинуются слишком многие из современной молодежи в своих национальных и политических влечениях. Мир сейчас растерзан самыми грубыми политическими и национальными страстями, которые связаны с насущными, жизненными нуждами молодежи. Но дело христианства внести в эту тьму страстей и инстинктов просветление. Для этого необходимо из глубины христианской совести определить свое отношение к насущным политическим и социальным вопросам нашего времени. Просветление не будет достигнуто, если отвернуться от этих вопросов и если допустить работу в этой области, лишь механически связанную с ядром христианского движения.

Русская христианская молодежь должна более внимательно присматриваться к движениям христианской молодежи Запада, и притом не только к методам организации. В лучшей части христианской молодежи Запада сейчас происходит пробуждение христианской совести в отношении к социальной жизни. С точки зрения чистой христианской совести пытается оно судить капитализм, милитаризм, национализм. Это особенно нужно сказать про молодежь французскую, католическую и протестантскую, и про молодежь английскую, англо-католическую. Но то же пробуждение христианской совести можно найти в немецкой и швейцарской протестантской молодежи, находящейся под влиянием бартианства. В западном христианстве есть сейчас сильное движение против войны, против милитаризма, движение, основанное не на гуманистических, а на христианских принципах. Есть сознание вины христиан, грехов, допущенных церковными людьми. Было бы постыдно, если бы только русское Православие стояло за милитаризм, за языческий национализм, за государственный гнет и социальную несправедливость. Это

возможно у нас вследствие аффективной реакции против коммунистической революции. Но это противоречило бы лучшим традициям русской религиозной мысли XIX в., русским исканиям Царства Божьего и социальной правды. Молодежи постоянно следует об этом напоминать. Сейчас в мире есть два типа молодежи: одна ищет прежде всего христианской правды в полноте жизни личной и социальной, другая ищет прежде всего силы и власти. Второй тип можно было бы назвать фашистским, хотя термин этот требует уточнения. Но пора наконец решительно сказать, что фашизм, особенно немецкий, носит резко антихристианский характер. Фашизм по своей идеологии есть языческий натурализм, возврат к языческому, дохристианскому обоготворению государства и национальности. Это есть трансформация римской идеи поклонения Кесарю. Фашизм пользуется религией и христианской церковью как своим орудием, поработав христианские церкви государственно-национальным интересам. В Германии, где фашизм в тысячу раз хуже, чем в Италии, — в Италии он заключает в себе и положительные элементы и во главе его стоит замечательный человек, а не уродливый медиумический истерик, — в Германии это приобретает отвратительный характер. И вновь обнаруживается рабство христиан. В этом отношении фашизм и гитлеризм хуже и для судьбы христианства опаснее коммунизма, который честно объявляет себя врагом христианства и преследует его. Преследование лучше, чем превращение в послушное орудие. Фашистский тип молодежи жаждет насилий и готов всегда применить методы борьбы, глубоко противоположные христианскому духу. В русской эмигрантской молодежи есть сильный националистический инстинкт и очень слабый инстинкт социальной правды. Но это так называемые «пореволюционные течения», которые в христианское движение молодежи не входят. Их отталкивает Движение и они сами от него отталкиваются, не чувствуя в нем достаточно жизни. Об этом нужно тоже задуматься. Нужно дать возможность войти в Движение более свежим, активным и творческим элементам. На-

ционалистические же инстинкты, сопровождающиеся жаждой насилий, должны быть просветлены, с их грубыми проявлениями необходимо беспощадно бороться. Соловьев достаточно выяснил, что между национализмом и национальностью такое же различие, как между эгоизмом и личностью. Национализм несоединим с христианством, он противоположен христианской вселенскости, не знающей различия между иудеем и эллином. Воинствующий национализм есть сейчас величайшая опасность для самого существования человечества. В связи с этим нужно признать величайшей опасностью для Движения внесение в методы его работы милитаризации.

Милитаризация молодежи есть сейчас преступление. Она означала бы создание в Движении гитлеровских отрядов. События в Германии есть великое предостережение. Оценка их есть испытание христианской совести. Нельзя смешивать спорта, которому сам я придаю большое положительное значение — физического воспитания, развития мужественного характера, — с милитаризацией. Это явления совершенно разного порядка. Милитаризация совсем не есть укрепление и развитие личного характера, милитаризация есть явление социального характера, предполагающее целую систему идей государственно-политических и национальных, она ни в коем случае не может быть признана аполитической. Мы видим результаты этого в Германии и в Советской России. Милитаризация молодежи есть целиком последствие мировой войны, она означает продолжение мировой войны и укрепление воли к войне, она сопротивляется замирению мира, духовному объединению человечества. Вопрос о существовании сильных армий есть вопрос совершенно иного порядка. Во Франции существует самая сильная в мире армия, и вместе с тем Франция — страна наименее милитаристическая. Армия для нее лишь инструмент, орудие защиты родины и поддержание ее престижа в мире. В Германии же, как верно говорит Зибург, милитаризм есть не столько орудие, сколько

внутренняя организация общественной жизни, немецкое понимание отношений между людьми. Но от этого немцы совершенно лишены гражданского мужества и достоинства, они мужественны лишь в полку, лишь в организованных военных кадрах. Сам я происхожу из военной семьи и получил военное воспитание, я воспитывался в кадетском корпусе и шесть лет обучался строевой службе. Поэтому я в этом отношении имею некоторый опыт, которого не имеют люди глубоко и безнадежно штатские, но склонные бряцать оружием. Мои воспоминания и наблюдения убеждают меня в том, что военное воспитание, имеющее некоторые преимущества в большей внимательности к тренировке человеческого тела, совсем пренебрегаемого в воспитании гуманистическом, совсем не способствует развитию личного характера, личной самостоятельности и гражданского мужества, оно воспитывает не социальность, а стадность. Уклон к милитаризации в работе с молодежью может быть совершенно бессознательным, он может быть незаметным потаканием непросветленным инстинктам молодежи, которые ищут себе выхода. Столь же бессознательным может быть внесение националистически-фашистской политики в Движение. Но именно вследствие этой бессознательности необходимо внести в эту область сознание и волю. Эта бессознательность в работе, это отсутствие идейного руководства поддерживается кажущимся аполитизмом Движения, отклонением от себя социальных проблем христианства. Все будет иначе, Движение приобретет большую цельность, более богатое содержание и большую актуальность, когда перед руководителями и главными деятелями Движения станут вопросы о сознательном отношении православия, христианства ко всей полноте жизни, ко всем сферам жизни, когда лозунг «оцерковление жизни» перестанет быть формальным и означать лишь формальную верность православной церкви, а станет творческим раскрытием христианства на всем поле жизни культурной и социальной. Тогда невозможным станет совмещение внутри Движения православного благочестия с языческими

инстинктами плоти и крови, принявшими обличье бессознательной традиции. Оцерковление жизни, как цель Движения, осталось безжизненной формулой, оно ни в чем не выражается. Хождение в церковь по воскресениям и праздничным дням не есть еще оцерковление жизни. Борьба за ценность и достоинство человеческой личности, которые сейчас подвергаются осмеянию и со всех сторон подвергаются угрозе, борьба за свободу духа и духовность жизни есть христианская задача и христианский лозунг. Также христианская задача есть борьба за духовную культуру и ее ценности и за социальную справедливость в отношении человека к человеку. Это лозунги, которые, по моему разумению, должны быть провозглашены в Движении и должны быть реализованы. Это может привлечь в Движение новые кадры молодежи, более живой и творческой, может вдохновить их и исправить самый главный недостаток Движения — отсутствие смены.

Необходимо указать еще на одну опасность Движения — опасность бюрократизации его аппарата, превращения его главных руководителей в профессиональных чиновников. Эта опасность подстерегает всякую социальную организацию при ее расширении. Бюрократизация есть смертельный враг всякого творческого горения, она охлаждает всякий интерес к живым идеям и ослабляет активную инициативу в непосредственном жизненном деле. Внесение творческой идейной жизни в Движение предполагает ослабление бюрократизма, доведение его до необходимого минимума.

Я критикую Движение и обличаю его недостатки не со стороны, как противник, а изнутри, как друг. Самокритика же всегда необходима для того, чтобы Движение было движением, а не застоєм.

о. Г. Флоровский, о. Сергей Булгаков и С.С. Безобразов
(будущий епископ Кассиан). 1925 г.(?)

Прот. Г.В. ФЛОРОВСКИЙ (1893–1979)

ОТ ЕВРАЗИЙСТВА К Р.С.Х. ДВИЖЕНИЮ Письма к П.П. Сувчинскому и Н.С Трубецкому

В начале 20-х годов Георгий Владимирович Флоровский примкнул к евразийству, участвовал в первых трех евразийских сборниках, но уже начиная с 1923 г. стал тяготиться просоветской ориентацией многих евразийцев и политической идеологизацией всего течения. Судя по печатаемым ниже письмам из архива П.П. Сувчинского, разрыв Г. Флоровского с евразийством был ускорен сближением с о.Сергием Булгаковым и участием в Пшеровском съезде, утвердившими примат церковно-духовных ценностей над политикой.

Петр Петрович Сувчинский (1892-1985), по призванию музыковед, был вместе с географом-экономистом Петром Николаевичем Савицким (1895-1968) и лингвистом князем Николаем Сергеевичем Трубецким (1890-1938), основоположником евразийства. — Публ. и прим. Н.А. Струве.

Praha IV (Hradčany) Keplerova ulice 8, Hotel "Savoy".

1923.VIII.31(IX.13)

Дорогой Петр Петрович,

Отправляя мое прошлое письмо, я предвидел, что огорчу Вас; но все же надеялся, что мы *поймем* друг друга. Очевидно я поторопился и высказался неясно. Не стану поэтому повторяться. Для меня остается загадочным, почему Вы перетолковываете мои слова понапрасну. Никакого личного ультиматума, ни в какой форме я никогда не ставил. «Психологизмов» и личных мотивов не отрицал и не стану отрицать. Но зачем же предметные расхождения и предметные доводы заменять личными и потому отводить? В продолжение чуть ли не восьми месяцев в письмах Вам и князю и в разговорах с Сав.[ицким] я развивал свои планы и проводил свою мысль о правильном пути евраз. действия. Против моих планов по существу никто не возражал, но в решитель-

ные моменты они либо отодвигались на вторую (полу-безнадежную!) очередь, либо вовсе устранялись. Без моего ведома явилось Евраз. Книгоизд. и т.п. Претендовать мне не на что, ибо такова воля большинства. Но я не вижу оснований ему подчиняться, раз я считаю избранный путь вредным для дела. Ничего я не валю в одну кучу. Ваши статьи мне нравятся, но *c'est le ton qui fait la musique*. Я начал свои беседы с Вами в Берлине с того, что «обще-евраз.» матерьяла мало и нельзя браться за сборник. Это повторял и повторяю, и только. «Врем.[енник]» будет жидок и потому претенциозен и демагогичен. «Воистину» — «Евраз. самоутешение»... При чем тут мое расхождение с Сав.[ицким]?! Вспомните историю с моей статьей... Чем больше я в нее вдумывался, тем менее вижу оснований и возможности ее изменять. Стало быть, она отпадает, но вовсе не потому, что я ее не даю. Сколько бы я ее не «смягчал» все равно выйдет для воинствующего евраз. неприемлемо. А менять свои основопол. убеждения по малодушным поводам я не привык.* «Помочь» мне мешает немного обостренное отношение к Сав.[ицкому]. После его припадочных выходок со дня отъезда из Берлина я не считаю безопасным с ним спорить. Да и к чему? Единомыслия все равно с ним не достигнешь. Именно он все перелагает на самолюбие, а не я. Да будет Вам известно, что со времени его поездки в Б. в мае я имел самые смутные представления о ходе евр. дела и ясно понимал, что меня «хотят» мажоризировать и устранить. С моей стороны были в это время самые миролюбивые отношения, даже чересчур. Ради мира я и в Б. больше молчал. Сообразите все это и поймите, что я *по существу* не одобряю ваших планов, а Сав. охотно буду «игнорировать». Но что же из этого?

Перехожу к «Устоям». Мне представляется более целесообразным, чтобы *окончат.[ельные]* переговоры с

* Евразийский временник, книга третья, вышел (Берлин, 1923) без статьи Г. Флоровского. С тех пор в евразийских изданиях он больше не участвовал, но в сентябре 1925 определил полемику против евразийцев как «окаменелое бесчувствие» (*Путь*, № 2, янв. 1926, стр. 128-133).

Бул.[гаковым] вел человек, облеченный общим доверием и именно тот, в чьем распоряжении деньги. Во-первых, по той технической причине, что я не в курсе дела по вопросам о сроках, стоимости и пр. А во-вторых, во избежание недоразумений, связанных с передачей через вторые руки. Я просил о. Сергия написать свои соображения. А Вас прошу со своей стороны написать ему (я предлагал это Вам еще в Берлине) с предложением взять на себя *организацию* рел.-фил. журнала (1 №). Это самый верный способ заинтересовать и закрепить его за собой. Я перейду на роль сотрудника и как бы «заведующего редакцией». Это самый лучший *modus vivendi* для Булгакова. Надо, чтобы *Вы* написали ему ясно и с изложением внешней стороны. Иначе выйдет вот что: Бул. не знает, верно ли я передаю взгляды евразийцев, а вы — верно ли я защищаю евраз. позиции, раз впавши в «ересь». Надобны *непоср. стычки*. А вот итоги моих бесед с о. Сергием:

1. Марка Евр. изд. для него *безусловно* неприемлема, — не знаю, стоит ли превращать этот вопрос в *casus belli*.

2. В качестве заглавия он предлагает «Церк.[овная] мысль».

3. По вопросу о гонораре о. С. просит иметь в виду, что желательно привлечение лиц, *безусловно* подлежащих оплате; пример (не для огласки!) — Ельчанинов (занимался р. мистикой и друг о. П. Флоренского), служащий работником на огороде. Поэтому надо определенную часть денег отделить — для оплаты *нек.* возможных участников и редакт.[орского] труда. Для этого нужна смета и расчеты, кот. ждем от Вас.

4. Булг. предлагает либо не ставить имен ред. вообще, либо свое и мое. Я предлагаю — только Булгакова. Ибо *фактически* это не важно, а своего имени я не хочу выдвигать на *церк.* журнале.

5. Программу мы не устанавливали, т.к. это связано со сроком и *размером*. Б. предлагает 10-12 листов.

6. Преномируется № 2.

7. К участию привлекаются лица *разных* направлений, причем в случае если ред. держится иного

взгляда, тут же дается не «примечание», а предметное разъяснение.

8. Допускается полемика.

9. Должна быть хроника и обзор.

10. Персонально имеется в виду Григорий Н. Трубецкой, Зызыкин (канонист, София, знает князь), Ельчанинов, Колемин, — кроме намеченных раньше.

11. В решении ред. вопросов участвуют Б., Вы и я.

— Имея в виду все эти пункты, если они Вас удовлетворяют, напишите «предложение» Б., — пошлите, если угодно, через меня. Его собств. адрес: Praha-Bubeneč, Navliškova třída 36^{IV}, panu prof. Kn. S. Bulgakovu. Желательно очень скоро, т.к. 1-Х здесь будет Карташев, и надо вопрос выяснить. Известите и меня.

Рел.-фил. изданию я придаю оч. большое значение и потому так тороплю Вас. По п. 1, 3 и 6 поговорите (или спишитесь) с Меллером и сообщите ему мой адрес. Я понимаю всю трудность моего личного положения при сложившихся отношениях. Как будет стоять вопрос, если Вы не найдете удобоприемлемыми «условия» Б.? Состоятся ли «Устои»? Мое личное условие — полное невмешательство Сав[ицкого] в это дело, просто потому что я не хочу с ним встречаться.

На этом кончаю. Не пошлю на днях, но только после того, как Вы санкционируете посылку заказной банд[еролью], потому что может оказия у меня будет верная только в начале Х. Простите мое самоуправство.

Привет Вашим.

Целую и обнимаю. Ваш Г.Флоровский.

P.S. Возвращаюсь к «Врем.». «Большая» статья без *перделок* забракована и в форме неприятной — психированное [нрзб.] удаление на [нрзб.] из [нрзб.]. Переделывать по существу я не могу. Это раз. И два — декламации Сав[ицкого] для меня неприемлемы, а возражать ему я не могу. Кое-что для Вас тут неясно, т.к. я не хочу писать о Сав[ицком] лично. Его поведение непереносно. В итоге и сумме Врем. — павлиний хвост!

А Вас я очень люблю и дорожу В[ашей] дружбой, кот., надеюсь, не прекратится. Да? Будете работать в «Ц[ерковной] М[ысли]»? *

Флоровский

P. P.S. Если увидите Арс[еньева], попросите его прислать свою статью мне возм. скоро. Прочтите ее. *Соглашайтесь на №1.*

Praha IV - Hradčany, Keplerova ulice 8,
Hotel "Savoy", číslo 16 neb. 17.

17.X.-1923

Дорогой Николай Сергеевич, большое Вам спасибо за Ваше теплое и тонкое письмо. С Вашей оценкою «происшедшего» сердцем я совершенно согласен, «ум же промолчал, как идиот». Но именно поэтому я еще больше утверждаюсь в своем скепсисе: мы все оказались много хуже, чем мы должны были быть, чем надо быть для нравственно-оправданного религиозно-общественного деяния. И потому я еще резче чем раньше чувствую его преждевременность, — конечно, эта *ε'ποχή* относится только к определенным, к авторитарно-декретивным его формам, в которые облекается «Евраз. Временник». Я молчал целый месяц потому, что выжидал «движения событий», — т.е. итогов своей переписки с Сувчинским, которые оказались даже «хуже», чем я ожидал. Мне не хочется на кого-то сваливать вину и самого себя я отнюдь не ощущаю невинным, но самая возможность тех *неприятных* трений, которые возникли вокруг *предметного* расхождения, показывают лишний раз нашу неприготовленность. Я категорически утверждаю, что мы собрались сейчас размахнуться совсем по-кадетски, «ничего не приготовив ни вне себя

* План издания церковного журнала осуществлен не был. Евразийцы ревниво оберегали сплоченность своей группы и отказывались от сотрудничества со всеми, кто не разделял их установок.

ни внутри себя». И страшно становится за «успех», — нет, за *правду* нашего дела. Учить и наставлять я не собираюсь, мне хотелось — предостеречь. И, каюсь, — сделал я это очень неудачно. Готов нести все последствия своей бестактности и чем хотите ее загладить. Конечно, не нарушая категорических императивов своей, быть может, сейчас очень обожженной совести.

Отрицать «личные» мотивы и «личные» разрывы я не стану. Ваш анализ верен и чуток. И одна из главных причин нашего разлада в том, что мы недостаточно «хороши», чтобы исповедовать друг друга и налагать друг на друга эпитимьи. Мы молчали о многом из ложной стыдливости, — о том, о чем надо сказать. Признаю прямо, я перестал доверять Савицкому, а с его стороны последовал ряд более чем несдержанных, мелочных, дурно самолюбивых выпадов, которые сделали для нас невозможным и нежелательным личное общение. Я не чувствую в нем искренности и прямизны, не могу отделаться от ощущения, что религиозная проповедь для него тактический прием, что главное для него — некий «эффект», *ériter le bourgeois*. Но сказать ему этого нельзя. Неприятно и другим об этом говорить. Думаю, что прав, когда предполагаю у него некую зависть к себе и стремление быть *всюду* на первом месте, даже и там, где нужно было скромничать. Не обвиняю Савицкого. Дурно лишь, что всякий самый любовный намек с моей стороны он принимал болезненно-самолюбиво. Его надо любовно вылечить от самолюбия и честолюбия. Иначе между нами двоими и позже никогда не будет возможна искренность. Меня смущало его иррациональное отталкивание и прятки от о. С. Булгакова и его попытка отклонить меня от сближения с о. Б., под предлогом, что Б. не «пригоден» для личного общения. Между тем я сразу встал с ним в *очень* близкие отношения. После нашего «разрыва» Сав.[ицкий] меня удивил вторично, — он стал искать сближения с о. Б. и вести с ним переговоры об английском рел.-фил. сборнике. А в то же время Сувч.[инский] молчал на мое письмо с изложением моих переговоров с Бул. Все это производило на меня странное впечатление. Непости-

жимо для меня и то постоянное недоверие, которым окружал меня Сав. и с его слов Сувч., — постоянные подозрения, что я под чьим-то влиянием, лишь только я заспору о чем-либо, точно я так уж слаб, что и заблудиться и съеретичествовать *propter motu* не в состоянии. Не стану отрицать, что подпадаю под влияния, но прямо скажу: беда, что я так устроен, что и хорошему влиянию поддаюсь слабо, только тогда когда сам того захочу. А со «старыми гримзами» я непрестанно задираюсь. Не могу только их извергнуть из общения. А мое становление идет своим органическим ходом. Вы неправы, говоря, что с евразийцами мне не хочется достигать соглашений. Нет, очень хочется, но я боюсь лезть на рожон. Поэтому *на время* отхожу в сторону, рву *все* деловые связи, выхожу и из издат., и из америк. сборника, чтобы не тратиться на преждевременные споры, кот. *пока* к единодушию не приведут. Ибо за всем стоит *предметное* расхождение. На этом я упираюсь, как баран. Оно есть. И сводится вот к чему, — подчеркиваю, это *новое* нечто. Нельзя пропагандировать религиозную культуру, можно проповедовать *только веру*. А прочее приложится... Иначе получается демагогия. Вместо православной веры получается вера в православие, подмененное ущербляющими формулами: православное царство, святая Русь и т.д. И когда с этим сочетается лукавый оптимизм, что дескать в Евразии райские сады расцветут и православный царь всея Евразии от мыса Дежнева до мыса Доброй Надежды будет упражнять свою деспотическую власть, мне становится *религиозно-страшно*. Не уподобляемся ли мы Шатову, который в Россию иступленно верит, а в Бога — будет верить... Не тогда ли поверит, когда камни в хлеб обратятся и погонят большевиков?! Вот в каком смысле я возражаю против «демагогии». Вот почему я против «евразийства». Здесь я в то же время против всех «старых гримз», — против Карташева, Новгородцева, Зеньковского, о. Сергия и особенно против Струве. Вот почему я боюсь за вас, и чую у вас струвизм... А *тактически* не стоит свеч проповедь национализма, великодержавности и т.д., ибо это и так уже пришло... А *не пришло* именно смире-

ние и покаяние. Будет или не будет Великая Россия, а православным надо во всяком случае быть, надо ожидать для себя церковное предание, надо воцерковиться себя, не думая о том, поможет ли это большевиков прогнать, а над романогерманцами взять палку. Не отрицаю надобности говорить о технических и злободневных вопросах, но под условием их бескорыстной постановки. Я-то имею право призывать евраз. братьев к смирению. Давайте «мириться», я не рискну оказываться в нетях пред лицом сатанинских искушений. Но помолимся сперва о погашении разжжения евразийской страсти! Здесь корень зла. Об этом я твержу уже более полугодом, но меня не хотят расслышать и стараются отыскать суфлера... Уверяю, что такового не было и нет. Это я сам такой скверный... Право тягостно думать, что стало хуже, когда люди пошли в церковь. Мне ближе сестра коммуниста, убитого сейчас в Болгарии, которая до того не верила, а теперь ходит изливать свое горе в русскую церковь, чем те, кто включается в организацию прихода, в рассуждения о религиозной культуре и т.д. Ибо в первом случае загорелось большое сердце, а во втором самоспасается интеллигентная гордыня. И только медленно и аскетически завоевывается право на религиозную общественность. Я себя считаю еще далеко не правомочным и от полноты сомнения говорю и советую и всем нам *повременить*. Вот и все. Есть «малые» дела сейчас и они-то грандиозны: самому воцерковиться и другим от скудости своей уделить крошечку этого духа, а ослепительные грезы бросить... Для этого надо понять, что задачами мы обставлены со всех сторон, а не решениями, и что нет у нас талисмана.

Если вы захотите быть со мною, я не стану упираться. Но берите меня такого, каков я есмь. Другим я, вероятно, и не стану. Ко всем вам я ближе, чем к кому бы то ни было. Но захотите меня понять! На одном из заседаний р.-ф. общества я припомнил некоторые слова Влад. Соловьева (т.е. не его, а им приведенные) — «Проклят всяк творяй дело Господа с небрежением». Все были сконфужены от сознания их соответствия:

нет у нас страха Божия и мы строим Святую Русь теперь, как двадцать лет назад наши отцы поднимали на «освободительное движение»... Себя я не считаю свободным от этой академатической угрозы, оттого и полагаю поставить запор на свои уста. Боюсь, что вы торопитесь. Как только вы почувствуете, что я говорю о предметном, мы сразу начнем снова сходить. Тогда будут возможны «уступки», — а пока они вредны... Потерялось инстинктивное доверие. Почему? Я рассчитывал на него безотчетно и потому шел напролом, и вызвал смуту. Почему? Потому что доверия уже не было. Потому что были уже тактические уловки... Скорбно до боли о том, что выйдет злосчастный «Евр. Временник» и боюсь его «удачи». Это будет крах всего дела. Успех собьет на дурную дорогу потворства человеческим слабостям. Тогда мы никогда не встретимся. Тогда переубедимость мы навсегда потеряем и впадем в тоскливое доктринерство. Желая от всей души неуспеха «Временнику». Вернемся на путь «культуры». Пожертвуем «влиятельностью» и «славой». Если бы я почувствовал в Сав.[ицком] хоть слабый намек на эту жертвенную готовность, мое сердце открылось бы для него настезь и я готов был бы идти на любое унижение, чтобы снова сойтись с ним. Так личное переплетается с предметным.

Сувч.[инский] все мне «удивляется». Трудно все расписать по нотам. У меня не выходит. Его уязвило то, что будто бы я против того, чтобы на «Устоях» была марка евраз. изд. Во-первых, это не я, а о. Булгаков, а я только не советую им этого делать *casus belli impeditum dirimens*. Но не скрою, что в глубине души я с тягостным чувством переживаю такую евраз. исключительность, ибо стоит ли что-либо отстаивать ценою расстройств церк. начинания? Здесь для меня злоеущий *симптом*. Зачем Сувч. иронизирует надо мною, что УМСА, «вероятно», для меня приемлемей. Это дурное и опрометчивое чувство! Из чего сделан этот ядовитый вывод? Из того, что я поехал на конференцию р.[усскую] студ.[енческую], устроенную америк.[анцами], где совокупными усилиями Бердяева, Карташева, о. Булгакова и Зеньковского, да еще влад. еп. Веннамина, был

провален принцип интерконфессиональности, отвергнуты библ. кружки *expressis verbis*, объявлено ложью все кроме православия, и этим зажжены студ. сердца. Причем я лично не раскрыл рта и в самые боевые минуты случайно отсутствовал... «Старых гримз» за то, что они сделали на конф., люблю от всей души! И не знаю, *для чего* их надо избегать, лишь бы *марка издат.* восторжествовала. Ведь это просто вздорно! Не боюсь этого резкого слова, ибо право то, что было на конф. *религиозно* значительнее, чем «Евраз. Врем.». Мне больно за дело, а не за самого себя, что из-за злосчастной марки Сувч. вдруг решил, что со мною незачем иметь дело. Я понимаю его чувства, но почему обо мне судят через призму? Кончаю — вы меня не хотите, а я к вам иду с протянутой рукою. — Привет княгине. Целую в.[аших] детей.

Пишите. Ваш Г. Флоровский.

22.XI.1923. Дорогой князь, посылаю Вам свое старое письмо. То, что больше месяца я не мог собраться отослать его, достаточно красноречиво свидетельствует, насколько я запутался. Многое следовало бы еще прибавить. Я имел вскоре после написания того письма длинный разговор с Сав., очень мирный и очень спокойный. Но увы, все мои подозрения подтвердились. Резкий и неприязненный тон Сувчинского, объясняется тем, что я послал ему письмо не по почте, а через Бердяева, и притом не запечатавши. Отсюда делается вывод, что (1) я посвятил Берд. во все интимные подробности евраз. разногласий и (2) сам Б. прочел мое письмо. Я ездил на конфер. р. студ., устроенную Америк. Ст.[уденческой] Федер.[ацией], — отсюда вывод, что я передался УМС'е. Право, у меня нет ни малейшей охоты при такой злостной подозрительности добиваться «восстановления» добрых отношений. Это скучно и бесплодно. Я не в силах заставить себя написать Сувчинскому. Такого странного отношения к чужой искренности и откровенности я не могу простить. Савицкий имел дов.[ольно] смущенный вид при беседе со мною и собирался повторить ее, чтобы выяснить литерат. перспективы. Эта беседа пока не состоялась. Я скорее рад

этому. Думаю, что я прав, поспешно отступивши по всем пунктам, т.к. иначе тянулась бы бестолковая канитель придирчивого недоверия. У меня нет времени толочь воду в ступе. Вопросы надо обсуждать по существу, а не обвинять других в мнимых личных мотивах. Повторяю, для меня сейчас одни только церковные вопросы актуальны и всякая возня с иными делами кажется мне вредным изворотом внимания. Обличите и опровергните меня, а не пишите злых слов. — Это не Вам, а Сувч. предназначается. Я был бы очень рад, если бы вся эта чепуха кончилась.

Свящ. Александр ЕЛЬЧАНИНОВ (1882-1934)

**ИЗ ПИСЕМ К МАРЬЕ ЛЬВОВНЕ И
АНДРЕЮ ТОЛСТЫМ***

(...)

Февраль 1930 года

Дело Кутепова и нас всех очень волнует. Слабое утешение — это общее возмущение европейского общественного мнения: вообще оно мало стоит, на большевиков вряд ли производит впечатление, а прямые действия европейских государств, как например разрывы, вряд ли улучшат положение русского народа, принеся, правда, нам некоторое моральное удовлетворение. Слепота и тупость европейцев не имеет границ, и я все больше боюсь, что они жестоко за это заплатят: раньше я не верил, а теперь вполне допускаю, что большевизм может заразить все европейские страны; коммунизм развивает диавольскую энергию, а демократические европейские государства противопоставляют этому толерантность, свободу мнений и действий, свободу пропаганды в войсках и флоте и с парламентской трибуны. При таких условиях, несмотря на всю свою противоестественность, противность всему строю и духу европейских народов, он все же может победить. А тогда и нам и детям нашим придется не сладко, и может быть разрешится вопрос, мучающий иных совестливых людей: почему мы здесь благодушествуем, а весь русский народ томится в рабстве.

* М.Л. Толстая (в первом браке кн. Оболенская, мать Дмитрия Оболенского, ныне здравствующего историка-византолога) сначала жила в Ницце, потом в Париже и была начальницей девичьей дружины РСХД.

За исключением некоторых мест, включенных в *Записки*, письма печатаются впервые.

Июль 1930 года

Чем больше стареешь, тем больше приучаешься ценить прочность дружеских отношений в этом непрочном, неверном, призрачном мире.

(...)

Митрополит Сергей, по существу, пленник, который не только заграничной церковью, но и Российской управлять не может, хотя бы по отсутствию права переписки, с вытекающей отсюда полной неосведомленностью о положении церкви в России.

Август 1930 года

Для меня по-прежнему ясно, что нельзя подчиняться Владыке Сергию, пока он не правит: это то, что в логике называется аналитическим суждением: «лгун — лжет», «вода содержит водород» и т.д. «Сергий не правит, следовательно — мы не управляемся».*

(...)

У отроков чувство подавленности, депрессии неизбежно в возрасте между 12 и 14 годами, в большей или меньшей степени, но неизбежно; связано это не только с первыми движениями пола, но и вообще с физиологическими процессами — с ростом костей, внутренних органов, мускулов. Все измерения показывают в этом возрасте ослабление памяти, увеличение рассеянности, проявление произвольной грубости и т.п. Но может произойти и от отдельного какого-нибудь тяжелого случая — неприятного разговора с товарищем, чего-либо, что считаешь грехом, и т.д. Я был очень нормален всю мою жизнь, но у меня в возрасте 13-15 лет были всякие чисто фантастические «фобии», которые исчезли бы без остатка, если бы нашелся мудрый человек и

* После участия в молитвенном Собрании о преследуемой Церкви в России, митрополит Евлогий был запрещен митр. Сергием и перешел под омофор Вселенского Патриарха Фотия. Однако часть приходов осталась верна Московской Патриархии.

разъяснил бы мне, что я мучаюсь несуществующим: ведь определить и формулировать свою боль часто обозначает и избавление от нее (объяснение, почему рефлектирующие особи обладают слабыми чувствами).

Август 1930 года

(...) до сих пор схема моих отношений к людям часто бывала такова — человек очень нравится, идеализируешь его, искренно не видишь ничего плохого, и вдруг прорвется человек в чем-либо — наврет, расхвастается, струсит, тебя же продаст. И вот делаешь переоценку, перечеркиваешь все, что видел раньше (и что все-таки продолжает существовать), и выкидываешь человека из своего сердца. Я давно понял, что это неправильный и грешный способ отношения к людям. В основе такого обращения с людьми лежат две неосознанные мысли: 1) я — вне греха и 2) человек, которого я полюбил, тоже безгрешен. Как же иначе объяснить и резкое осуждение других, и удивление, когда хороший, добрый, благочестивый человек — согрешил. Не знаю, ясно ли я выразился. Это выводы из горестных размышлений о своем собственном сердце и сознание, что сам способен на всякий грех.

(...) а между тем норма отношения к нашим близким — прощать без конца, так как мы сами бесконечно нуждаемся в прощении. Главное не забывать, что доброе, что мы ценим, — оно остается, а грех всегда тоже был, только его не замечали.

Ноябрь 1930 года

Если есть дружба, даже не дружба, а просто добрые отношения, то прежде чем рвать их из-за какого-нибудь недоразумения, надо применить правило Иисуса сына Сирахова, как бы очевидна ни была вина друга:

Гл. 19, ст. 13: Расспроси друга твоего, может быть не сделал он того; а если сделал, пусть впредь не делает (какое евангельское долготерпение и кротость).

ст. 14: Расспроси друга, может быть не говорил он того; а если сказал, пусть не повторит того.

ст. 15: Расспроси друга, ибо часто бывает клевета.

ст. 16: Не всякому слову верь.

ст. 17: Иной погрешает словом, но не от души, и кто не погрешал языком своим?

Особенно важно последнее — кто не погрешал словом? Как часто мы говорим злые, обидные, лживые слова в раздражении, малодушии, легкомыслии, душевной слабости или одержимые другим грехом — кто считает себя свободным от этих грехов?

Январь 1931 года

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и новым годом. Как-то неудобно желать счастья в такие печальные времена. Пожелаем же друг другу хотя бы терпения, хотя бы сил душевных и духовных — надо не только переносить невзгоды, но и видеть в них руку Властителя судеб.

Январь 1931 года

Спасибо Вам за дружеское приветствие. Отвечаю Вам тем же — помощи Вам с мужем и детьми в терпении совершать свой путь по этому многоскорбному миру. Все же в нем бывают утешения. Да утешит и Вас Господь то дружеской встречей, то радостями семейными, то молитвой и богомыслием.

Март 1931 года

(...) Я часто себя спрашиваю, в чем эта ясно ощущаемая, но с трудом поддающаяся словесному выражению несомненная праведность почившей?* И прихожу к убеждению, что это именно была типичная правед-

* Кн. А.М. Меликова.

ность — тихая, без блеска, незаметная, неназойливая, ни в чем определенном не выражавшаяся. Про нее нельзя сказать, что она «горела ярким пламенем», но в ней был прежде всего глубокий внутренний мир, тот мир, о котором говорил св. Исаак Сирин — «Умирись с собой, и умирятся с тобой Небо и Земля». Самые мало-чувствительные к духовным явлениям люди тянулись к ней и отдыхали душой около нее. Она никогда ни на чем не настаивала, ничего ни от кого не требовала, никого ни в чем не упрекала; я, по крайней мере, никогда не слышал от нее дурных отзывов о ком бы то ни было. Я не представляю себе, чтобы она могла обидеться и т.п. — именно потому, что она ничего не искала для себя. Для меня — вспоминать о ней (и писать) это значит повторять поучительный урок, созерцать образец для подражания.

Если будете писать, не откажите написать и о церковных делах.

(...) для меня все это — картина полного падения церковной дисциплины и греховного своеволия. Я не могу себе представить, путем каких силлогизмов, кроме дьявольской гордыни, какой-нибудь птенец 20-25 лет разрешает себе менять свое подчинение Владыке Евлогию на какое-нибудь другое по своему вкусу и выбору. Бог им судья!

Май 1931 года

Для меня ясно, что церковный человек, а тем более священнослужитель, не может отделяться от своего епископа. Реально ничего не меняется, признаем ли мы Фотия или м. Сергия; те же догматы, та же вера и таинства, та же глубокая связь с Россией, у каждого в меру его сил, — к сожалению только духовная. Жить и реально-общей жизнью с Российской Церковью мы не можем; так в чем же разница и для чего новый раскол? У отколовшихся есть жажда подвига и страданий вместе с Россией, но ведь для подвига и страдания есть прямые пути помимо раскола. Что же касается свободы

митр. Сергия, то сторонники его утверждают нечто несообразное: все в России порабощено, народ, труд, семья, искусство, наука, театр, печать, даже сама коммунистическая партия, но есть одно исключение — церковь и ее правители, которые пользуются полной свободой.

Февраль 1932 года

Я все больше ценю Движение, и не как русскую христианскую молодежь, а как собрание и собирание всего живого и честного в Церкви, всех тех, кто принимает Христианство не как традицию, не как слова, не как быт, а как жизнь.

Апрель 1932 года

(...) скажу Вам, к чему я давно пришел из чтения св. отцов: периоды скудости вполне естественны и их надо переносить с терпением и благодушием. Эти периоды укрепляют в нас смиренную мысль о нашем бессилии и принуждают все надежды на оживление нашего сердца возлагать на Бога.

Вообще, жизнь идет негладко, и эта «негладкость» делается уже какой-то привычной нормой: неужели было время, когда люди жили спокойно, качались в гамаках, толстели, ходили на охоту, устраивали пикники? Это так далеко (и внутренне далеко, а не только внешне), что даже не вздыхаешь об этом. Конечно, это общее место, давно всем известное, особенно нам, русским, что страдания полезны для души; но я недавно как-то по-новому пережил этот трюизм. Наши трудности и горести, если мы их несем добровольно (соглашаемся на них), питают и укрепляют душу, они непосредственно превращаются в богатства духовные — «кратковременное страдание производит в безмерном избытке вечную славу» (2 Кор. 4, 6-17); это благодатный ветер, надувающий паруса нашего духа; конечно, если

заеваешься и неправильно поставишь руль, то можно и перевернуться.

Июль 1932 года

Это очень правильная и естественная мысль — из разрозненной толпы холодноватых, зевающих «отдельных посетителей» прихода — выбрать и сгустить наиболее активных и живых. Постарайтесь, чтобы не проникли к вам всякие «непогребенные мертвецы», лицемеры и ханжи, которые своим мертвым дыханием способны вызвать разложение в самом здоровом деле.

(...) со вступлением в «бесплодное отрочество» (выражение Л. Толстого) будет «умаление» духовной жизни и переход интересов во внешнее. Насколько я заметил, новый ренессанс наступает в 15–17 лет. Есть очень хорошая книга Чемберлена, американского психолога, с характеристикой детских возрастов, «Дитя» в двух томах (есть русский перевод) — я оттуда почерпнул много интересных сведений.

Август 1932 года

Съезды, в том виде, как они теперь осуществляются, меня не так уж привлекают — они как-то сильно потеряли в своем удельном весе. Я относился к ним очень горячо, потому что их атмосфера напоминала мне отдаленно тот горячий воздух тесных христианских общин апостольского века, о котором я всегда мечтал, в котором дышит Дух Святой и творятся чудеса, без которых христианин задыхается и является только тенью, только схемой христианина.

Август 1932 года

(...) Мы говорили о Розанове, о России, об общих друзьях, о чтении. Во всех этих разговорах для меня самое важное был сам мой собеседник и радостное

чувство дружеского с ним общения. Конечно, я не удовлетворен, — прежде всего краткостью наших бесед и случайностью тем, что всегда бывает при таких внезапных встречах. Да и кроме того, с теми, кого любишь, не удовлетворяешься общением даже продолжительным — словесным, ментальным, душевным; хочется общения жизненного, конкретного, деятельного. Но это уже как Бог.

Ноябрь 1932 года

Утешают светлые, голубые и золотые дни; такой был весь октябрь: это всегда утешает; даже просто смотреть, как поднимается зеленым пухом укроп на грядке, как зеленеет не вовремя посеянная морковь; а если подняться немного повыше нас — сейчас же начинаются террасы хризантем и гвоздик, на которые не наглядись.

(...) Я как огня боюсь этого проклятого самолюбия, съедающего души, разрушающего семьи, губящего всякое общее дело. Я так чувствую в нем настоящее дыхание дьявола. Прекрасные слова для этого нашел Бердяев — «О назначении человека» стр. 194–196. Собственно, для христианина было бы достаточно слов апостольских: «почему бы вам лучше не оставаться обиженными» (I Кор. 6, 7), но хитрый человеческий ум сейчас же находит лазейку, что он мог горячиться не о себе, а о справедливости и т.д. Вообще, как трудно Богу с людьми, как упорно они строят Ад, как не хотят они света и блаженства! Чем больше живешь, тем убедительнее видишь, как силен Сатана...

Декабрь 1932 года

(...) Хуже с делами внутренними, но и с ними всегда плохо; не дай Бог, если мы увидим в один прекрасный день, что все у нас в душевном хозяйстве прекрасно! Так и будет, пока Господь по бесконечному своему милосердию примет нас к себе — и сильных, и слабых,

и больных грехами, и праведных — хотя бы за нашу любовь к Нему.

Январь 1933 (во время болезни детей)

Вот уже Господь не дает нам дремать — все время требуется полная духовная мобилизованность, ни одного дня отдыха, ленивого успокоения, дремоты! Какая ежечасная проверка нашей веры!

Март 1933 года

Даже для воспитания детей — ведь самое важное, чтобы они видели своих родителей живущими большой внутренней жизнью.

Я читаю сейчас (взял на великий пост) Исаака Сирина, и очень он мне пришелся по сердцу. Читали ли Вы его? Я давно хотел его почитать, но считал, что это чтение для самых совершенных. Оказалось, что у него много мудрых советов и для начинающих (каковыми мы останемся, вероятно, до самой смерти). Вот, например, отрывок о страданиях, на которые обречены в этом мире все, не имеющие совершенной любви: «Лишенные любви Божьей, если и в правоте ходят, — едят хлеб пота в делах своих. Пока не приобретем любви, делание наше на земле терний; и хотя сеяние наше бывает сеянием правды — и сеяли и пожинали мы среди терний и ежечасно уязвляемся ими».

Май 1933 года

Пасхальные дни и недели мы провели, в общем, благополучно; но мне всегда грустно от этого постепенного убывания духовной жизни: сначала нарастание духовных сил по мере углубления в Великий пост, все внутренне делается много легче, чище и спокойнее на душе, больше любви, лучше молитва; потом — всегда необыкновенные дни Страстной недели, потом Пасхаль-

ная радость (не знаю, как и благодарить Бога, что он допустил меня, как священника, максимально участвовать во всем этом), всякие «житейские попечения» по боку, об уроках и не вспоминаешь. Но вот наступает суббота Светлой недели, канун Фоминой, закрываются врата алтаря (ведь они были открыты всю неделю при почти ежедневных службах), как будто запираются двери небесные, и все становится труднее, душа ослабевает, малодушествует, ленится, всякое духовное усилие становится трудным. Все же как-то живем. Я, в частности, нахожусь в периоде увлечения «Добротолюбием», особенно Исааком Сириным, и это чтение очень меня поддерживает. Вообще, я убедился, что ежедневное чтение св. отцов и житий — в наших условиях главнейшее и действительнейшее средство для поддержки нашей веры и любви; и надежды тоже; это чтение конкретно рисует нам область, куда мы стремимся, дает нашей вере образы, идеи, чувства, указывает пути, обнадеживает описанием ступеней, этапов внутреннего движения, согревает сердце влечением к блаженной жизни святых подвижников и т.д. Как можно любить то, чего не видишь, от чего не имеешь постоянных впечатлений? первые христиане оттого и горели такой верой — любовью, что «слышали, видели своими очами, рассматривали, осязали руками» (I Иоанн 1). Эту возможность иметь прямые впечатления от Божественного света дает нам или общение с живыми святыми, или общение с ними же через проникновение, путем чтения, в их внутреннюю жизнь. Естественно Вы скажете — разве не ближе путь к тому же через чтение Евангелия. Конечно да, для тех, кто способен читать его с пользой. Есть множество людей, которым Евангелие ничего не говорит — или оттого, что оно с детства «зачитано», или свет евангельский слишком силен для слабых глаз, и не все способны воспринять его, нуждаются в смягчающей среде жизни святых, в которых тот же свет евангельский, но в более доступном нам виде.

Вы правы — зрелище смерти всегда поучительно. Какая бы она ни была, она — всегда чудо и таинство; наша мысль, а если это близкий человек — наша любовь, вместе с умирающим как будто переступает через эту грань и заглядывает в иной мир и удостоверяется в его существовании. Я испытал это впервые, когда кто-то при мне раздавил ногой и растер «в небытие» уховертку. Тогда впервые у меня стало отчетливое чувство, что ничто нельзя уничтожить, что это бессмыслица, непереносимая нашим умом и духом, что даже уховертка перешла в другой мир, исчезла из нашего плана бытия, но не уничтожилась.

Март 1934 года

Вот какими неожиданными зигзагами ведет нас Судьба! мог ли бы я думать, что когда-нибудь, и так скоро, и таким необыкновенным способом мне дана будет возможность не только встречи, но и работы с друзьями? Кто-то как-то ляпнул при мне, вскоре после смерти о. Георгия, о возможности для меня попасть на Дагу;* я принял это как неуместную шутку. И сейчас причины этого шага Владыки Митрополита для меня непонятны, и я спасаюсь от чувства смущения и тревоги перед новой работой — только чувством послушания с закрытыми глазами. Впрочем, и не совсем с «закрытыми». Во всем этом мне чувствуется, в лучшие минуты, — воля Божья: тут и настойчивая воля Митрополита, и наименование храма (Алекс. Нев.), и то, что я там был посвящен — в нижней церкви, и даже в том, что впервые я услышал о своем назначении от о. Иоанна Шаховского, которого мы с Мусей** очень полюбили и оценили и который мне настойчиво советовал не отказываться. Поэтому я принял перелом в моей судьбе спокойно, хотя и плохо понимал его, а с другой стороны, ясно видел, что мой уход из Ниццы, временно, мно-

* После смерти о. Георгия Спасского, в кафедральный собор в Париже (на rue Daug) был назначен о. Александр.

** Тамара Владимировна, жена о. Александра.

гим повредит, особенно молодежи и детям. Проводы показали, как я глубоко врос в приход за эти 8 лет, как много начато и не доделано, сколько нежных и живых нитей придется просто рвать. Но все это Владыке Митрополиту известно, а Господину Церкви — тем более. Наш приход, такой значительный, такой трудный и важный, сейчас остается ведь и без Владыки, без всякой уверенности, что Владыка сможет вернуться к служению.* Потом, как здесь легко работать! Почти все сейчас стянулось к Собору (Gambetta, Gay, Châteauneuf), как легко в один прием сделать пять-шесть посещений, как все облегчается вечно ясным небом, краткостью расстояний, тем, что всех знаешь! Конечно, нормально священнику не двигаться с прихода. Одно было трудно — вечная полунищета, долги, нехватка, вечная спешка и разрывание между Церковью, домом и уроками (что Вы так хорошо знаете). Что и как будет в Париже — я не знаю. Во всяком случае, если Владыка Митрополит благословит, то как мне ни хочется немедленно броситься в работу с молодежью, но по крайней мере на 1/2 года, до осени, я хочу посвятить себя без отвращения приходской работе. Сейчас я лежу после гриппа — слабость сердца; мотор еще работает, а карросери сдает и надо экономить силы. Простите, что все о себе да о себе. Пишу это, т.к. не знаю, когда увидимся. Если Богу угодно, в субботу утром я уже в Париже и начинаю свою неделю. Семья приедет в начале 6-ой недели. Ваши общие приветствия меня очень тронули; получил я письмо и от Пьянова, Зеньковского и еще кое-кого из друзей. Все это, конечно, очень ободряет. Вы правы, Муся была очень смущена и потрясена даже этим событием. У нас образовался круг близких людей: иные из них кажутся даже незаменимыми и необходимыми. А потом — страх за детей, за меня. Сейчас мы успокоились в этом последнем: для детей Ницца была определенно вредна, и первое время даже Париж будет лучше, тем более, что район, в котором мы будем жить, не плохой. Я знаю, как вы заняты, и представляю себе, как буду занят я, и

* Речь идет об архиеп. Владимире (Тихоницком), управляющем тогда приходами юга Франции.

поэтому у меня самые грустные мысли о возможности нам скоро встретиться. Ведь Вы не бываете на Дагу? Может быть проще всего мне приехать к Вам к завтраку или обеду, когда Вы дома?

ИЗ ПИСЕМ К ЖЕНЕ

(о съезде Движения 1925 г.)

Но самое чудесное — это наши богослужения. В церкви, сделанной руками близких, милых людей, служит о. Сергей, давний друг многих из нас, духовный отец и руководитель остальных, или о. Александр, руководитель большинства парижан, или о. Софроний, с прекрасным высоким тенором и редкой музыкальностью, сделавшийся общим любимцем за свой светлый характер, постоянную радость и дружелюбие. Читают братья Ковалевские, Карташев, поют в хоре они же + кн. Трубецкой + все имеющие какой-нибудь голос. Церковка маленькая — все поневоле близки и друг к другу, и к священнослужителям, и к алтарю.

У многих было чувство: ничего больше не надо: так и оставаться в храме и не уходить. Особенно чувствовалось это вечером. Одиннадцатый час, всенощная кончилась. Приложились к кресту, получили общее благословение; в полутемной церкви прочитаны уже вечерние молитвы, но все стоят в глубоком молчании и не расходятся. Потушены свечи. Горит один огарок, пахнет ладаном, задернуты царские врата. Кто-то положил земной поклон и приложился к образу святого. Все за ним: еще 5 минут задержки. Тут же стоит один из наших священников; кто-то подошел проститься и взять благословение: за ним все: еще несколько минут. Наконец, медленно, задерживаясь в узких дверях, расходимся по одному, парами, шепотом прощаясь на ночь. В пояснице приятная боль, усталость во всем теле, но публика не сразу успокаивается — долго еще

идут тихие беседы, по комнатам, в коридорах — а ведь завтра вставать в 6¹/₂ часов! Литургия в 7. Говение.

Конспект доклада Н.А. Бердяева

Хочет еще больше усложнить. Готового решения нет, надо творить. Новый исторический возраст. Период Константина Великого кончен для всего мира. Православие более чутко к разнице двух миров. В прошлом Православие решило эту проблему — святость Самодержавия, освящение быта и т.д. Но это кончилось и рассыпалось со времен раскола, через Петра Великого и всю историю нашей интеллигенции. Революция все это обнаружила. Это означает, что настоящего разрешения не найдено, решения оказались временными. Каждый отдельный православный возлагал всю ответственность на церковь, а Церковь — на Царство. Так продолжать нельзя. У нас есть религиозная обязанность к миру, к истории, к культуре. (Сейчас тихонько вошел, только что приехавший, Кульман, крупный деятель УМСА — ужасно милый дядя — атлет, крупный, широкоплечий, с детскими, добрыми-добрыми глазами — как раз нашел свое место: сейчас он сидит рядом с барышней Шидловской и они оживленно разговаривают; он немец и протестант, но хорошо знает русский язык и очень любит нашу церковь). Мешает нам наше неумение жить настоящим, мечтательность, ожидание общего преобразования без своих усилий. Обязанность максимальной активности каждого — это возможно при любых условиях — при Нероне, под татарами с большевиками. Путь Европы — к новому средневековью, когда, с разрушением Империи, церковь стала центром всей культурно-государственной жизни. Отсюда значение братств, приходов, общин. Кстати — это и средство спасения национальности.

(...)

ОТЕЦ ДИМИТРИЙ КЛЕПИНИН (1905–1944)

К 50-летию со дня смерти

1. СЛОВО МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ НА СОБРАНИИ ПАМЯТИ ОТЦА ДИМИТРИЯ КЛЕПИНИНА

Париж, 1944

Мы все горько оплакиваем безвременную, трагическую, почти насильственную смерть о. Димитрия Клепинина, всеми нами любимого и уважаемого молодого пастыря. Настоящее собрание посвящено его светлой памяти. Хочется и мне, его епископу, сказать несколько слов, положить свой скромный цветок на его неведомую нам и дорогую могилу.

Я познакомился с ним со времени его поступления в наш Богословский Институт. В число студентов первого выпуска поступил юноша несколько оригинальный, очень скромный, застенчивый и по внешности неуклюжий, несколько угловатый, мешковатый, из тех, кого в общезнании называют «медвежонок». Ничем он не выделялся, и мы не подозревали, что в этом «медвежонок» таится богатая духовная сила.

Несколько ближе меня познакомила с ним его тетка, сестра* его умершей матери, блаженной памяти Анна Николаевна Гиппиус, ныне почившая, женщина высокого христианского качества, праведница и в жизни такая одинокая... Мне кажется, она имела большое духовное влияние на Димитрия Клепинина и очень его любила. Эти два одиноких существа в моем представлении как-то стояли рядом, близко друг к другу. Она называла его уничижительным именем Димка, и сначала меня это несколько шокировало, но когда я разглядел, с какой любовью произносится это слово, то примирился с этим. Разговоры с А. Н. заставили меня несколько внимательнее присмотреться к студенту Клепинину.

* двоюродная (прим. - Т. Ф. К.)

Вскоре представился другой случай, обративший на него мое внимание. К нам в Институт приехал в гости митрополит Антоний, бывший Киевский. Мы его встретили по чину; по окончании молебствия студенты стали подходить к нему под благословение. Когда дошла очередь до Д. Клепинина, — он со всего размаха большим монашесственным поклоном — бух ему в ноги. Признаться, мне это не понравилось, зачем это оригинальничанье, подумал я. Да к тому же это было неэстетично: в коротком пиджаке и узких брюках... Но Владыка Антоний посмотрел на это глубже. «Смотри, — сказал он мне, — какой церковный студент, чтобы не было никакой ошибки в чине поклонов». Конечно, он был прав, и я стал еще внимательнее к студенту Клепинину...

Я не берусь характеризовать всю студенческую его жизнь. Я наблюдал ее всегда издали и не знал ее подробностей. Я рисую лишь некоторые характерные эпизоды.

Перехожу к обстоятельствам его женитьбы или, точнее, его сватовства, когда он подумал идти в священники. Уже А. Н. Гиппиус намекала мне, что в этом отношении у него предвидятся трудности, так как он плохой кавалер, а такие типы не очень нравятся современным девушкам. Вскоре это и обнаружилось, он никак не мог найти себе невесты. Старались в этом деле помочь ему некоторые его друзья, даже я, несмотря на все несоответствие этого моему сану, принять в этом участие. Но все напрасно. Наконец, слышу, что Клепинин уезжает в Америку. Ну, думаю, поехал искать себе невесту за море, или, обескураженный неудачами, совсем убежал далеко за океан от всяких невест. Но оказалось, я ошибся; он там еще немного поучился, расширив круг своих знаний, и вернулся обратно. И вот здесь Господь явил ему Свою милость и послал ему такую прекрасную во всех отношениях подругу жизни, которая дала ему счастливую семью. Мы все хорошо знали и сердечно любили супругу Димитрия Тамару Федоровну за ее золотое сердце, которое она отдала своему мужу, создала ему тихий семейный очаг, дала двух

прекрасных деток, и вообще пошла с ним нога в ногу по всему жизненному пути, по пути пастырства и наконец по страдальческому пути, так трагически закончившемуся. А какие чудные письма писал он ей из своего заточения, как утешал ее, как нуждался в молитве. Да, несомненно, она скрасила его одинокую жизнь и в самом заточении, и, умирая, благословлял ее имя и ей поручал двух своих малюток.

В пастырском отношении Господь судил о. Димитрию получить приход необычный, особенный и, скажу, очень трудный. Во главе прихода стояла известная монахиня мать Мария, увы, теперь заточенная, человек огромной энергии, с широким размахом воли, не всегда укладывавшимся в рамки церковной дисциплины. На этой почве возникали уже не раз конфликты с бывшими настоятелями. Признаюсь, не без тревоги я назначал его на это место. Как он, молодой и неопытный, будет налаживать с нею свои отношения, думалось мне. Своею сильной личностью она совсем заслонит, затмит этого скромного и смиренного батюшку. И тут я, к моему великому утешению, очень ошибся. Через некоторое время я узнаю, что между отцом Димитрием и матерью Марией устанавливается прочный дружественный контакт. Я был, конечно, страшно рад. На чем покоился этот контакт? На взаимном понимании, на взаимном уважении и еще на одном редком качестве, которым Господь щедро наградил отца Димитрия. На его полном самоотречении и полном отсутствии житейского самолюбия. Он был как-то совсем не чувствительным к этому самолюбию, и эта высокая, очень редкая христианская черта делала его неуязвимым и непобедимым; она как магнит притягивала к нему сердца людей, и скоро он, молодой иерей, становится любимым и популярным духовником для наиболее трудной части нашей паствы, для интеллигенции, которая потянулась к нему, потому что от него веяло духом Христовым, потому что почувствовала в нем Христов образ, ту воду живую, которой так жаждут души человеческие, и без которой они так страдают, засыхают.

Эта высокая христианская добродетель самоотречения особенно ярко проявилась в нем в последние дни его жизни на свободе, перед самым его арестом. Сначала была арестована* только мать Мария, но он добровольно счел нужным заявить, что он во всем солидарен с ней. Никто от него не требовал такого заявления, да оно по существу было не совсем правильно. Мать Мария, по экспансивности своего характера, часто была неосторожна в своих словах и позволяла себе резкие выражения по адресу немцев, отец же Димитрий, всегда ровный и спокойный, к тому же священник, конечно, таких резких выражений никогда не употреблял, и однако после ареста матери Марии во всем солидаризировался с нею и принял на себя ответственность за все ее слова и деяния. Что это такое? Не донкихотство ли, или самоотверженное желание разделить ее участь, не оставить ее одну в трудную минуту? Думаю, последнее. Но в таком случае, какая высота самоотречения, какой подвиг пастырского самоотвержения! Тут во всей своей красоте, во всем величии сказалась душа доброго пастыря отца Димитрия, положившего жизнь свою за други своя. Да помянет его Господь во Царствии своем!

2. ВОСПОМИНАНИЯ ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ

Отец Димитрий был необыкновенно прост той особой простотой, которая граничит с мудростью; к каждому человеку подходил прямо и легко, как ребенок. Не то, чтобы не знал зла, но игнорировал его сознательно, всегда полагая центр тяжести на лучшем, возможном, еще не осуществленном, но данном. Первая встреча:

* Это был еще не арест, а вызов в Гестапо.

По другой, более поздней версии слова митр. Евлогия значится: «Он стойко исповедовал перед немецкими следователями свою веру и заявил, что готов за это принять крест. Он не пожелал, чтобы за него хлопотали отдельно, выделяя его из группы «Православного Дела», и захотел разделить участь своих товарищей и сотрудников». — Прим. Т. Ф. К.

идет навстречу нам, с горы (на rue Olivier de Serres) небольшой чернородый человечек в рясе. Поровнялся, взглянул странно-искоса, прошел. Кто это? Новый священник? Кто такой? Как-то случайно пошла я к нему на исповедь и сразу пленилась его простотой и ласковостью. Я много горького тогда переживала, он стал меня лечить, и лечение его состояло в отвлечении меня от моего горя указанием на горе чужое, на необходимость действенной помощи другим. И на сцене появилась «расторгуевская нянька» — замечательная русская старушка, завезенная в Париж из Москвы богатым купцом. В Париже нянька сохранила всю самобытность московского уклада. Все у нее было степенно, домовито, чинно особым русским чином, и так патриархально, что слюнки текли. Ходила в прунелевых сапожках, косынке, кофточке навывпуск. Была богомольна, гостеприимна, незлобива и совершенно беззащитна. Она была безграмотна. Вот к этой няньке нянькой приставил меня отец Димитрий, и отсюда началось наше с ним сближение. Он радовался нашей дружбе и добродушно смеялся моим о ней рассказам. Помню, как мы как-то поспорили о ней. Я сказала, что няньке очень трудно объясниться здесь и понять окружающее, а отец Димитрий ответил, что у простых людей есть и простой подход, и что ей легче с консержкой, лавочником, сапожником и пр., чем русскому интеллигенту с французом его класса. Здесь требуется сложная работа приспособления, а там все просто, так как дело касается насущного, то есть того уровня, где все равны, будь то профессор, рабочий или лавочник.

Помню еще, как помогал мне отец Димитрий спасать одного впавшего в грехи и отчаяние человека, пьяницу. Ночей не спал, поджидая его у дверей гостиницы, на улице, у ворот. Больного лечил легко и осторожно — дружбой и любовью. Давал попить святой воды, выносил просфору, но к причастию не допускал, пока «не улягутся страсти». Мы служили молебны об его исцелении — и оно совершилось, и начало его совпало с Преображением Господним, праздником, который отец Димитрий любил особенно.

Он был очень умен, склад ума его был, как мне кажется, сократический. На труднейшие вопросы отвечал просто, часто в форме вопросительной же, и сказанное им запечатлевалось особенно в памяти.

Моя память сохранила мне несколько таких ответов. Помню, каюлась я на исповеди, что в церкви слишком все замечаю: и лица, и позы, и даже цвет одежды молящихся — а он, подумав, сказал: «А как же возможно иначе»? В другой раз я пришла сильно расстроенная и стала его упрекать за излишнюю мягкость и попустительство. А он, потрепав меня по плечу, сказал: «А вы думали, что я безгрешен»?

Он никогда не корил, не обличал, всегда как бы сам извинялся за грехи своих «детей», любил их всех равной, ласковой любовью. Строгий к себе, он был необычайно снисходителен к другим: никогда не возлагал на других «бремя тяжкое», не требовал невозможного, не наказывал, а жалел. За все время нашего знакомства я никогда не слышала от него слова осуждения, раздраженного или даже огорченного отзыва о ком-либо.

Поражала в отце Димитрии его необыкновенная готовность: в любой момент этот необыкновенно занятой человек отрывался от своих многочисленных дел и спешил на помощь. И вот я вижу, как мы бежим с ним в больницу, где лежит еще не остывший труп близкого мне человека. Смерть близкого впервые сразила меня. Я была в смятении ума и чувств, мысли мои путались, слезы так и лились, и я спрашивала отца Димитрия: «Но где же он сейчас»? — И он отвечал: «Кто же это знает»? И опять мы бежим, и опять в слезах я спрашиваю: «А вдруг как ничего нет»? И он отвечал спокойно-вразумительно, как отвечают ребенку: «Куда же девается»? И я вдруг успокаиваюсь, и слезы уже не так горьки. В эти тяжкие дни отец Димитрий не оставлял меня, молился, поддерживал меня, и с его помощью осветилась смерть.

Помню, как однажды, встретив меня на улице, он радостно сообщил мне, что назначен на Lougmel, к матери Марии. Больше всего его радовала возможность самостоятельной работы. Я сказала: «Какой большой

человеческий материал пройдет через Ваши руки. Как бы хорошо, если бы Вы могли записывать». Он с сожалением ответил, что на это у него никогда не хватит времени.

Живущие возле него знают, какой непомерный труд нес этот физически слабый человек: большой и трудный приход со всеми физическими и моральными нуждами, со всей сложностью человеческих взаимоотношений лег на его плечи. И этот не знавший покоя человек каялся перед своими духовными детьми в нерадивости, небрежении, забывчивости, лени, а между тем не было случая нужды, которой он не пришел бы на помощь, не было больного, которого он не посетил, не было прихожанина, жизнь которого он не знал бы точно и глубоко. Он настаивал на том, что человеку нужно помочь не только духовно, но и физически, и что голодному трудно понимать отвлеченное. Как мучился он за старух, живущих в доме, за их безрадостное существование! Как упрекал себя за то, что по недостатку времени не мог заняться ими, порадовать или хотя бы посмешить их.

В годы войны, гонений и всяческих испытаний отец Димитрий для многих явился опорой и многих спас. «Если человек, застигнутый грозой, убежит в церковь, чтобы укрыться от нее, имею ли я право не впустить его?» — ответил он на вопрос: «Уверены ли Вы, что все эти люди искренние?» — и еще: «Разве мы спрашиваем у человека, стучащегося в нашу дверь в чаянии спасения, кто он?»

На собрании кружка, где объяснял он литургию, помню поразительное по простоте и ясности объяснение слов: «Милость мира — жертва хваления»: лучшая жертва, приносимая человечеством Богу, есть милость, то есть любовь. И эту милость отец Димитрий явил в своей жизни максимально. И недаром написал он на вратах церкви слова, могущие служить девизом его духовной деятельности: «Всех причащающихся крови и тела твоего объедини». Эта заповедь объединения есть то, что завещал нам отец Димитрий, и мне хочется обратиться к духовным детям отца Димитрия, незна-

комым мне, но близким по духовному братству: сохраним связь между нами.

Отец Димитрий был еще молод — всего 39 лет. Он не успел ничего написать, не оставил после себя произведений, но лучшее его произведение — его к нам любовь — осталась и живет.

Будем же воистину его духовными детьми, чтобы не умерла для русских людей память об удивительном человеке, чудесном священнике, добром и самоотверженном пастыре, добровольно и мученически погибшем за «друзья своя».

3. ИЗ ПИСЕМ К ДРУГУ

...Природа любви Бога и к Богу связывается у меня с Ветхим Заветом и апостолом Павлом, который стал для меня близким и дорогим особенно в Америке, где я им, главным образом, занимался... У апостола Павла есть мысль, что основа закона — любовь. В Ветхом Завете эта любовь в законе почти не раскрывается. Она есть лишь средство к правильному взаимоотношению людей между собой и людей к Богу. Такова же любовь гуманистическая, современная. Это средство или сила, устраивающая и преобразующая жизнь. Но это все из-за того, что люди не могли вместить любви; по существу же отношение Бога к людям было то же, так как Бог неизменен. В Новом Завете отпадает прикладное значение любви. Таковы заповеди о рубахе, которую просят, и о верхней одежде, которой не просят, о поприще, которое просят пройти, и втором, которое не просят идти. Здесь дающий забывает о поводе и сосредотачивается на самой личности просящего. Здесь стирается грань своего я и другого лица. И, конечно, полнота этого — омовение ног ученикам и крестные страдания. Такова и притча о блудном сыне. Ветхий Завет исчерпывается желанием блудного сына вернуться в качестве наемника, а полное отношение Бога к человеку — возложение риз, перстня и заклание тельца.

Ветхозаветный человек не подозревает истинного отношения к нему Бога. Но и в Ветхом Завете есть окна в существо этих отношений. Особенно вспоминается Песнь Песней. Любовь души человека и Бога есть «роман» — ничего прикладного в этой любви нет. Она — содержание жизни. Сомнения, ревность, чувство оставленности; горечь одиночества; затем встречи и пленение без остатка, радость значимости для другого. Все это охватывает все существо души без остатка. Это опьянение, когда все другое не существует, даже воля пленяется. Воля есть в искании любимого, а потом даже воля отдается.

Характерно, что в будущем веке не будет веры и надежды, останется только освобожденная от всего прикладного — Любовь. Она несомненно есть содержание жизни, так как жизнь сотворена любовью и заключается в возвращении к первооснове — Любви. Все остальное есть испытание воли к этому возвращению. Все положительное вырастает из любви, все отрицательное — неправильное выражение любви — паразит на теле любви. Такова сущность всякого греха, а следствие его — страдание, отделение от любви.

Может быть, в силу моей «еретичности», в моем представлении о природе любви для меня страшнее греха прикладная любовь, любовь к Богу и к людям без «романа». Это страшно, так как цель жизни — возвращение к источнику любви — Христу. Грех может привести к познанию пустоты, а прикладная любовь есть ересь жизни, делающая жизнь самоцелью, а любовь силой гармонирующей. А в действительности жизнь есть прикладное обстоятельство ради испытания любви. В жизни будущего века жизнь и будет — любовью, а любовь — жизнью. Поэтому меня ужасает благочестивый протестантский нигилизм, не верующий в божественность Иисуса Христа. Христос — Учитель и Реформатор, а не содержание жизни, так как иного содержания жизни нет.

...Монашество есть не отказ от личного, интимного, ради высшего, отвлеченного идеала служения; а есть тот же «роман» или пленение, уязвление сердца любимым.

И монашествующий отказывается от личной жизни и от мирской любви только потому, что его интимная личная любовь к Богу и Бога к нему реальнее и сильнее пленяет его сердце и ум. Он влечется туда, где слаще и теплее. Его воля бодрствует и ведет его к моменту оставленности, потому что память о встречах делает его рассудительным, подобно купцу, купившему поле ради одной жемчужины, скрытой в нем. Если нет «романа» в такой любви монашествующего, то его монашество самая неблагоприятная обстановка для возвращения к любви Божией. В миру гораздо больше возможностей найти в себе заложенную любовь. В монастыре происходят удивительные случаи полного высыхания и даже омрачения людей, бывших в миру очень благонамеренными. Если же есть этот «роман» в любви, то монастырь есть лучшее место, так как тишина его не тревожит тайных встреч, а тогда ничто мирское не соблазнит надолго.

Особенно ярко идея любви как самоцели выражается в мученичестве. Св. Игнатий Богоносец в своей молитве перед мучениями просит зверей, чтобы они смолотили его тело, чтобы оно превратилось в зерно, дабы стать Хлебом Христовым. Показателен тропарь мученицам: «...Тебе, женише мой, люблю и ТЕБЕ ИЩУЩИ, страдальчествовую и сраспинаюся, и спогребаюся Крещению Твоему и стражду Тебе ради, яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою; но яко жертву непорочную приими мя, с любовью пожержуюся Тебе...»

...Еще, помните, мы говорили о страдании. Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня. Об этом моменте я всегда вспоминаю как о самом тяжелом в моей жизни и о самом радостном... Почти всякий человек переживал в жизни такой острый момент опустошения или кризиса. Но радость посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко

есть». Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все казалось таким запутанным и безысходным, и нашел легкое бремя Христово. Не знаю более счастливого момента моей жизни и благодарю за все, что Бог дал мне перенести. После этого я иначе устроил свою жизнь и легче было отстранить всю запутанность разных обстоятельств, и если и дальше не было легко жить, то все же я не променял бы на прежнее и не хотел бы возвращения ко многому тому, что я имел в жизни до того, как она запуталась. Сознаю свою неблагодарность [к] Богу... Но и в унынии и мало-душии не могу не признать, что жизнь — прекрасна. Чудны слова: «Милость Твоя паче живот». Как может жизнь не быть оправдана и прекрасна, если Христос есть Жизнодавец.

4. ПИСЬМА К ЖЕНЕ ИЗ ЛАГЕРЯ В КОМПЬЕНЕ

Марта 23, 1943 г.

О будущем не беспокоюсь, положившись всецело на волю Божию. Его попечение и любовь исключают возможность страха или волнения за дальнейшую судьбу. Так ясно, что все, что случилось, — надо было пройти, и что все это послужит во благо и мне и вам, несмотря на всю трудность вашего положения. Молюсь, чтобы Господь сохранил от тревоги за меня, и когда вернусь, будем радостно и бодро жить... Время здесь проходит не бесплодно. Изучаем Pratt'a,* читаем вслух или у меня на кровати, или на травке во дворе. Трудна толчея и многолюдство, но боремся за проведение программы. Вечером и утром собираемся на молитву. Все в хорошей форме. Посылки — огромная помощь. Ждем антиминос и сосуды.

Апреля 11, 1943.

Вчера два месяца нашей разлуки. Будем больше думать о радости встречи, чем о тяжести разлуки. Для

* Pratt — комментарии на Новый Завет.

меня ясна польза посланного испытания; суетность планов и расчетов, полная зависимость от воли Божией. Раньше была слишком большая ставка на то, что любовь Божия выражается в благополучии внешнем. Теперь узнается Его любовь в испытаниях. Будь бодрой, радостной, причащайся часто Святых Таин. На Благовещение служили утреню в комнате католических священников, с которыми дружба. Молились Богу за всех, кто нам помогает. Мы не голодаем благодаря посылкам. Даем наиболее нуждающимся. Русских здесь человек 15... Прочитай II Тим. 2, 3-7, 3-12 и Иак. 1, 2-3 — отвечает тому, что переживаем. Завтра подаем прошение о передаче антиминоса.

Мая 2, 1943.

Каждый день служим литургию — это все меняет. Литургическая связь с Вами ощущается так, как ты говоришь. Наша семья увеличилась на 3 русских мальчика. Главное изменение в нашей жизни — службы. Спокойно относимся к тому, что дальше, предоставляя воле Божией, но домой тянет меня с большей болезненностью — больше ощущается время разлуки. Настроение бодрое из-за сознания необходимости испытания. Количество русских возрастает, и становится вопрос о необходимости начать пастырскую работу. Раньше была забота о поддержании своей морали. Прочитали оба тома Pratt'a. Читаю Библию с комментариям Fillon'a. Сейчас 10½ час. вечера, французы улеглись — самый блаженный час. Мы сидим за столом, пишем и читаем. У нас русский угол, нас, русских, в комнате одиннадцать человек... Как приятно, что в церкви все идет хорошо. Ежедневно поминаем прихожан. Пришли несколько Новых Заветов и кратких молитвословов для раздачи. Спасибо за иконки. Кланяйся Владыке, всем близким и друзьям.

Мая 9, 1943.

Неделя жен мироносиц. Поздравляю тебя со днем Ангела, который сегодня праздновали. Не падай духом,

не ослабевай, этим и меня поддержишь. Ведь ничего трагического нет. Все это не надолго. Рассматривай нашу разлуку не как насильственное разлучение, а так, как если бы я был послан Церковью в миссионерскую поездку на несколько месяцев. Оно ведь так и есть. Я служу, проповедую, исповедую и т.д. Главное, так явна забота о нас Бога, Который всюду сохранит. Мы каждый день служим литургию. Будь радостной. Для нас очень нужно было это испытание. Я все боялся, что мы слишком уповали на благополучие. Выйдем из испытания более закаленными.

13.XII-43.

Нас неожиданно назначили к отправке в Г[ерманию]. У меня полное сознание совершающейся воли Божией и начала нового церковного послушания. Единственным тяжелым моментом является то, как примешь ты это новое испытание. Для меня ясно, что расстояние духовное не увеличивается: граница не имеет значения. Я вернусь с большим жизненным опытом, вероятно с новыми духовными силами, но будет и усталость от пережитого. Я буду ждать от тебя большой поддержки и верю, что все будет хорошо. Утешь меня своей бодростью. В этом весь залог моего настоящего благополучия, ибо я ко всему готов, кроме вашего страдания и печали. Привет всем друзьям... С нами Христос, все окружающее так неважно по сравнению с Его к нам любовью...

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РХД КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ (1934 г.)

И.А. ЛАГОВСКИЙ (1889-1941)

Съезд был в местечке Ряпина (Эстония). В Ряпина есть православный эстонский приход, приход старый. Православная церковь в Ряпина была построена еще при императрице Елизавете Петровне. Первая, Елизаветинская, церковь сгорела. Та, в которой мы молились, построена только в 1833 году. Церковь — деревянная, похожая на домашнюю. Кругом — зелень берез, кленов, поля созревающей ржи. Православная церковь вместе с церковными пристройками — совсем отдельный уголок — в стороне от большого местечка. Церковь стоит почти на обрыве — внизу довольно большая речка. Каждое утро участники съезда — прямо с соломы, служившей постелью, отправлялись туда, вниз на берег, мыться, купаться. Погода все время стояла изумительная. Батюшка и матушка — эстонцы, хорошо владеющие русским языком. Матушка согласилась быть хозяйкой съезда, сама бегала в лавки, с раннего утра была на кухне, готовила и, несмотря на страшно напряженный труд, — всегда и со всеми была ласкова, внимательна, приветлива. Батюшка входил во все мелочи нашей жизни, работы, всем горячо интересовался, заботливо спрашивал — все ли есть, все ли хорошо. Ряпинский эстонский приход отнесся к съезду с удивительным радушием и любовью. Приходской совет предоставил бесплатно помещение, эстонская школа бесплатно дала солому — для устройства постелей, прихожане окружили наш съезд такой любовью и вниманием, что трудно и передать. Например, чтобы обеспечить нам место для купания, заранее скосили по берегу речки траву. Съезд был в подлинном и глубоком смысле «вселенским», «экуменическим». Право-

славные эстонцы приезжали на наши службы (несмотря на ранний час — литургия начиналась в 6 часов утра) за 5–10 километров, высиживали всю службу (остаток лютеранской практики — вдоль стен церкви стоят специальные скамейки); вечером — приезжали снова. И это — в разгар сенокоса.

В субботу и воскресенье служили двое батюшек — эстонский и русский. Молитвы и песнопения на эстонском языке сменялись молитвами и песнопениями на славянском языке, а за этим разноязычием было глубокое чувство молитвенного единства и церковной полноты.

На съезде было около 70 человек — человек 50 крестьянской молодежи и человек двадцать движенцев и лекторов. Были представители Печорского края, Причудья, Принаровья.

Первые дни была тревога — сольются ли воедино эти случайно собранные, друг друга не знающие люди. «Деревенские» — держатся как-то настороженно — каждая деревня сама по себе: нарвские жмутся к нарвским, печорские разбились по «обществам». «Городские» — в стороне. В столовой в первый день стояла такая тишина, что жутко становилось. Движенцы, подготовлявшие помещение, постарались — столовая, она же и зала собраний, убрана красиво, на столах — белая бумага, цветы. Первый день съезда показался участникам съезда невероятно длинным и трудным. Многие из деревенских готовы были отнестись к съезду, как «к барской затейке», — «это не для нас». Кроме того, сказывалась и вековая подозрительность к «городу» — «городские нами гнушаются». Кое-кто собирался даже уезжать. Между тем — крестьянская молодежь съезда ждала, сделала действительно героические усилия, чтобы попасть на него. Отцы и матери были против «затейки» — время горячее, сенокос на носу, а тут — уезжают незнамо куда, неведомо зачем. Много попреков пришлось вынести участникам съезда, прежде чем

удалось получить согласие на поездку. Многие из девиц и парней за месяц — за полтора до съезда перестали бывать на деревенских гулянках, работали дома, чтобы только умиловить «стариков» — получить позволение поехать на съезд.

Как на первом Пшерове, богослужение было «вне распорядка дня» — литургия начиналась в 6 часов утра «для желающих помолиться». И почти с первого же дня — вся молодежь стала подниматься к литургии. Службы вели «общим пением». Из нас, случайно съехавшихся с разных концов эстонского государства, почти тотчас же после первой службы создалась сильная и гибкая «певческая масса». Напевы усваивались с полупамятки, текст служб был роздан в печатном виде, и на третий день пели уже все, пели дружно, бодро, «стихийно». Верится, что как ни силен натиск безбожия, как ни велико опустошающее влияние равнодушия к церкви, к вере, а церковная культура так впиталась в плоть и кровь русского народа, что при благоприятных данных оживет все накопленное тысячелетием жизни в церковной стихии.

Темы докладов на съезде — «Радость духовной жизни», «Душа русского народа», «Религия и культурная работа», «Чем живет и во что верит сов. молодежь», «Как устроить себя и жизнь», «Что значит жить со Христом и в Церкви». Кроме того, были три семинара — «Смысл жизни», «Наука и религия» и «Семинар по гигиене».

Трудно сказать, где создавалось и крепло то большое и важное, что обозначилось к концу съезда. Везде и в частности нигде. Что-то менялось, зарождалась новая жизнь, но все это глубоко, тихо, подспудно: «милостью Божией». Все начиналось в церкви за богослужениями, развивалось в беседах, разговорах, в «случайных», как

будто бы привходящих обстоятельствах — совершалась подлинно соборная работа.

Впрочем — несомненно — одна из основных линий работы и внутреннего самоопределения съезда шла через семинар о смысле жизни. Он, как и съезд, был откровением того, какими глубокими запросами живет русская деревня, как она культурно созрела — в лице ее передовой молодежи. Надо отметить, что на съезд в большинстве случаев попали «сливки» деревенской молодежи, «культурные ударники» деревни, что деревня в целом — часто враждебно-насмешливо относится к ним. О том, как тяжело «с культурою» жить в деревне — много и подробно говорилось на съезде. На съезде была «новая деревня», та деревня, что создалась после всех потрясений, после всех сдвигов и революций. Съезд показал, что деревня — в лице ее передовиков — живет всем тем, чем живет и современный культурный человек.

И еще — деревня ищет подлинной — «большой» культуры, а не «просвещенчества», «популяризации и упрощения», ищет подлинности и цельности. Существующая «культурно-просветительная» работа не удовлетворяет ее, она не дает ответа — полного, ясного — о «смысле жизни». Семинар приобрел характер «выкладывания» всего наболевшего, мучающего, жадного и цепкого порыва — искания настоящей, цельной правды, правды живой, творческой.

Вопросы на семинаре ставили самые сложные, начиная с вопроса о происхождении мира и человека, о происхождении зла и кончая вопросом об отношении к войне, к науке, к искусству.

Много боли и муки было высказано в связи с указанием на «дуализм» — на частое расхождение у «религиозников» слова с делом. Ставили вопрос — почему безбожники часто добрее, отзывчивее, «человечнее», чем религиозники. Пришлось говорить и о «подделках добра», об «антихристовом добре», о том, что можно, страстно любя «дальних», уничтожать «ближних» (доброта Ленина, Дзержинского и т.д.). Коснулись и вопросов о происхождении религии — начиная с

теории Лукреция («страх создал богов») и кончая утверждением, что «религия возникла из чувства слабости и навязана господствующими классами». Особенно показательны были два вечера «вопросов и ответов», когда всякий желающий подавал председателю заранее сформулированные и написанные вопросы, на которые потом общими силами искали и ответов. Аудитория была очень требовательная — если ответ не удовлетворял — заявляли — «нет, это не ясно, не довольны». Вопросы были все религиозные или религиозно-философские. Бумажек с вопросами было свыше сотни. И нужно было присутствовать при этом серьезном, подлинно философском — любознательном искании деревенской молодежи, пережить с нею радость нахождения, чтобы понять всю исключительную прелесть и радость такого философствования. Самое поразительное во всем этом было то, что деревенская молодежь, живя теми же запросами, что и так называемые культурные люди, относится к ним совершенно иначе, чем многие из нас — для нее все эти вопросы были вопросами не теоретического любопытства, а именно вопросами жизнеустройства, жизнеделания.

Трудно было с языком — приходилось касаться самых отвлеченных, основных философских вопросов, включительно до вопроса о бессилии времени и пространства над духовной жизнью и т.д. Но, слава Богу, удалось справиться и с этой трудностью.

Тема другого семинара — «Религия и наука» — тоже оказалась животрепещущей. В деревне — у многих — под влиянием устной пропаганды, под влиянием литературы (в деревню в большом количестве кем-то направлены издания «Вестника Знания» Битнера), где всюду проповедуется, что «наука доказала, что религия выдумка», господствует убеждение, что надо обязательно сделать выбор между «верой» и «знанием» — совместить их нельзя. И большинство хотя и с огорчением, но убеждено, что надо пожертвовать религией во имя науки. О том, что произошло в «науке» в последние годы, в деревне «ничего не известно» — соответствующей «литературы» нет. Нужда в таких книгах, которые

просто, но не упрощая и не снижая вопросов, познакомили бы деревню с теми переворотами, что пережила за последние десятилетия научная мысль, — огромная. Деревня в этом отношении пока целиком отдана во власть предреволюционной популяризаторской литературы или «научно»-советской.

В первый же день съезда к нам пришла делегация из села Выбс — на берегу Псковского озера. Село большое — население смешанно — эстонцы, сеты, русские. «Придите к нам, помогите... У нас на селе развивается баптизм, пропойте нам службу»... Двинулись под вечер. Мужская молодежь — вся в вышитых русских рубахах, девицы в цветных сарафанах, в ярких платках. Идти нужно было 6 километров. Кругом — ржаные поля, березовые и сосновые перелески. Чем ближе к вечеру, тем лучше. Вдали заблестело Псковское озеро, сильнее запахло березками, тонким ароматом цветущей ржи... Шли крепкой массой, с русскими песнями. Городские перемешались с деревенскими, наши гимназистки шли в обнимку с крестьянскими девушками. В Выбс пришли около 7 часов вечера. На площади, подле молитвенного дома-часовни нас встретила толпа человек в 500. Часовенка маленькая, узенькая. Нас пропустили вперед. О. Николай Хиндов, — настоятель Ряпинского прихода, к которому принадлежит и Выбс, сказал, что специального хора нет, и просил всех, могущих петь, помочь нам. В часовенке — все окна и двери настежь, народу набилось так много, что казалось — свечи таяли от жаркого дыхания. Служба шла частью на эстонском, частью на славянском языке. Чем дальше, тем шире и вдохновеннее становилось общее пение. Пели не только те, что были в часовне, а и те, что стояли на дворе. Во время «Хвалите имя Господне» и «Великого славословия», когда все опустились на колени, казалось, запели самые стены часовни. О. А. Киселев, проводивший с нами весь съезд, в прошлом — скаут-майстер, окончивший Рижскую семинарию, молодой, убежденный, горячий,

сказал за всенощной проповедь, в которой просил всех беречь то великое сокровище, какое дал нам Господь в Православии, беречь как от натиска со стороны безбожников, так и от покушений со стороны тех, кто восстает против этого сокровища, прикрываясь именем Христа. По окончании службы нас окружили живой, ласковой стеной, благодарили за радость. Многие плакали, совали в прорези наших рубах розы. Народный подъем, ласковая признательность молящихся как-то всколыхнули, захватили всех наших. Все почувствовали, что делается какое-то большое, нужнейшее дело, и что это большое делает не кто-то другой, а мы сами.

После похода в Выбс каждый почувствовал себя «хозяйном» съезда — съезд нашел свое единство и дорогу.

В пятницу — после обеда — сделали прогулку на Псковское озеро. Озеро здесь шириной в два с половиной — три километра. Противоположный — советский — берег как на ладони. Пришли. За водной гладью — крутой песчаный берег, легкие очертания белой, в русском стиле — с многочисленными главками — церкви. В бинокль, что был с нами, видно, что на том берегу кто-то купается... Как-то все примолкли, пристально глядели на ту сторону, не могли оторваться от бинокля, передавали его из рук в руки... «Да, церковь, — сказал кто-то из парней, — а что в ней»... Назад шли небольшими группами, каждому что-то хотелось сказать другому.

В субботу, на послеобеденном собрании, родилось убеждение, что надо закрепить то, что было достигнуто на съезде, надо организовать. Воля к действию рождалась с трудом. На вопрос — «надо организовываться или нет» — молчание. Никто не хочет сказать первого решающего слова... Наконец, один из деревенских делегатов, обращаясь к председателю, сказал: «Да что

же ты, Николай, думаешь? Даром что ли приехали сюда, сенокос бросили, столько насмешек приняли? Надо организовать... За ним высказались все — «надо». Поручили небольшой группе набросать к утру основы нового объединения.

Собрание закончилось словом-призывом о. Александра — начиная новое, огромное дело, надо подойти к нему с обновленной душой, подготовиться к подвигу чрез исповедь и причастие. К исповеди пошли почти все, многие — впервые после 8-10-летнего перерыва.

Всенощная кончилась поздно, по деревенским условиям — начали ее в половине девятого. Служили оба батюшки, нас сменял эстонский хор, мы его. Исповедь началась в 11 часов ночи, а закончилась в половине пятого. Из церкви почти никто не уходил. Правило перед причащением соединили с общим пением — пели припевы акафистов, запевы перед тропарями канона пред причащением... Чтение прерывалось пением «Воскресение Христово видевше», «Величит душа моя Господа»... С каким-то особым чувством пропели «Кресту твоему поклоняемся, Владыко». Батюшка исповедовал долго, внимательно, ласково... Изумительная ночь была — задумчивая, тихая, умиротворяющая. Где-то шумит водопад плотины, перехватившей нашу речку. Росяные поля, освеженные березы, клены и вдали — чуть желтеющая полоска зарождающегося утра...

Утро встало ясное, тихое, солнечное. Церковь битком набита. Когда кончилась обедня, такая ясная тишина была у всех на душе, что точно все вновь родились — улыбающиеся глаза безмолвно говорили «хорошо».

Редко приходилось переживать такие заключительные собрания, каким было заключительное собрание первого религиозного Съезда крестьянской молодежи. «Мы переживаем самое лучшее, что когда-либо нам

пришлось пережить», — сказал один из деревенских парней. — «Мы были как бы в темной долине, а сейчас поднялись на самую вершину и видим, что дает душе, что делает с ней Свет Христов... Никогда в жизни я не испытывал того, что есть у меня в душе сейчас»... Можно сказать, что — с помощью Божией — Съезд подлинно был для всех участников великим откровением Церкви, опытом жизни во Христе и в Церкви. В этом его исключительное значение и сила.

«Русское Христианское Движение Крестьянской Молодежи объединяет молодых людей, решивших посвятить себя переустройству и своей личной жизни, и всей жизни русского народа на основе Христовой правды», — в торжественной, сосредоточенной тишине медленно читает председатель параграф первый нового положения... Как ветер прошел... Замерли... Повтори еще раз... Принято единогласно... Так же принимаются и следующие параграфы. «РХДКМ ставит своей задачей: 1) объединение всех, принимающих цель, указанную в первом параграфе; 2) привлечение к вере во Христа и к Его Православной Церкви неверующих и сомневающихся; 3) развитие между своими членами дружеских отношений и взаимной помощи; 4) совместную работу над переустройством своей и общей жизни в соответствии с учением Христовым; 5) совместный труд над повышением духовного развития и материального благополучия своих сочленов»...

Избрано временное правление, которому дан наказ — подготовить материал для дальнейшей работы, разработать устав для регистрации, созвать осенью делегатский съезд... По настоянию молодежи было отмечено, что РХДКМ является завершительным звеном работы РСХ Движения, едино с ним. В качестве евангельского чтения на последнем благодарственном молебне о. Александр взял 16 главу от Иоанна — «Без меня не можете творить ничего... Не вы Меня избрали, а Я вас... В мире будете скорбны... но дам вам радость совершенную»...

Съезд закончился. Над всем, все покрывая, стояли слова песнопения «Царица моя Преблагая»...

Не было ни «учителей», ни «учеников», не было ни «интеллигенции», ни «простого народа», а были сотрудники и соратники на ниве Христовой, дети единого народа, единой культуры и — еще глубже — что выше уже и культуры и народа — дети Единой Православной Церкви, превышающей все национальные разделения и дающей им последнее обоснование и подлинный смысл...

Прот. А. КИСЕЛЕВ

Съезд произвел большое впечатление не только на его участников, но, по их рассказам, и на широкие слои молодежи: возникали новые кружки, строились планы. Весной 1935 года мы приступили к изданию собственной газеты. Она должна была быть не только газетой, дающей информацию, но на примерах жизни учить правде жизни. Углубленное понимание сути происходящего в мире должно было бы служить помощью для работы наших деревенских кружков. Газета должна была быть опорой кружковой работе, давая соответствующий религиозный и литературно-философский материал. Помню, как долго мы не могли решить, — печатать ли нам вкладной лист в одной из существующих русских газет, или издавать целиком свою газету. Первое проще и дешевле, но не дает целостности единого направления. Остановились на более тяжелом, но более целеустремленном. Газету назвали «Путь жизни».

Мы не ограничились газетой. Постепенно у нас создалось целое небольшое книгоиздательство, которое носило то же название — «Путь жизни». Действительного удивления достойно то, какого содержания книги печатались Крестьянским Движением. Это отнюдь не была упрощенная духовная литература для так называемого «народного чтения». Нет. Но судите сами — я привожу список книг издания «Пути жизни», опубликованный в *Вестнике РСХ Движения* № 2 за 1939 год:

В. Вейдле. «Умирание искусства».

Прот. С. Четвериков.

«Молдавский старец схиарх. Паисий Величковский», вып. I.

«Молдавский старец схиарх. Паисий Величковский», вып. II.

«Лик Пушкина» — сборник.

Прив. доц. В.В. Преображенский. «Из житий святых».

С. Белоцветов. «Всенощное бдение».

«О благобытии» — из бесед епископа Сергия Пражского.

«О подвиге общения» — из бесед епископа Сергия Пражского.

«Кн. С.Н. Трубецкой» — сборник.

Возникает вопрос, могли ли такие книги быть доступны для чтения в крестьянской среде? Мы уже говорили о тех глубоких темах, которыми интересовалась крестьянская молодежь. Я далек от мысли утверждать всеобщность таких интересов, равно как и думать, что они были доступны только избранным. К таким книгам тянулись и были способны читать пусть лучшие, но не единицы, а целые слои нашей крестьянской молодежи.

Где же брались средства на такие издания? Я открою вам этот секрет. Среди наборщиков типографии было несколько движенцев, которым удалось упросить хозяина типографии разрешить даром пользоваться набором и машинами в вечерние, нерабочие часы. Так печатались эти книги, имея один расход — покупку бумаги. В наше время трудно этому поверить. Но оно так было.

Конечно, не следует думать, что все в жизни нового Движения шло без трудностей, как по мановению волшебного жезла. Нет, трудности были, как были и недоброжелатели, бедность, косность привычной жизни. Кружки в деревнях возникали и работали в трудных

условиях. Вот, как пример, отрывок из письма: «В конце сентября сторож почему-то не захотел пустить участников кружка в школу (школа была место, где постоянно собирался этот кружок). Ночь лунная, холодная. По-деревенски время уже позднее. (Как правило, кружки собираются тогда, когда все «по домашности» уже сделано и можно уйти, не возбуждая особых нареканий). Все спят. Решили провести собрание на открытом воздухе... Отошли от деревни на километр в сторону, набрали валежнику, разожгли костер и уселись кругом. Из журнала «Русский Паломник» прочитали рассказ «Светоч веры». Потом прочитали и разобрали послание апостола Петра. Поднялся вопрос, что такое «помощь»? Можно ли помогать, когда знаешь, что помощь используют не для добра... Несмотря на холодную ночь, было так хорошо, что на всех лицах была радость».*

Несмотря на большие трудности, работа молодежи в деревне удивляла своей энергичностью. Было как бы подсознательное желание успеть как можно больше узнать в возможно короткий срок. Съезды общие, съезды делегатские происходили не только летом, но и зимой. Были созданы специальные курсы для подготовки руководителей религиозно-культурной работой из среды самой деревенской молодежи.**

Молодежь была удивительно самоотверженна. Она преодолевала препятствия, их почти не замечая, из-за той радости новой и просветленной жизни, тех горизонтов жизни, которые ей открывались через Движение. Приведу отрывок из воспоминаний о съезде в Нарве: «...Большинству, прежде чем попасть на съезд, пришлось пройти через насмешки и даже угрозы, но молодежь переносила все очень стойко... Часть мужской молодежи в спешке даже одеял с собой не захватили и в первую ночь ночевали просто на голой соломе,

* «Вестник», № 1-2, 1935 г.

** В ряде больших сел Принаровья были открыты детские сады. Ими заведовали глубоко идейные и образованные девушки, влияние которых на окружающую среду выходило далеко за рамки детских садов. Много и другого хорошего делалось с радостью и горячностью в те годы.

разбросанной на полу... Следующий день начался литургией в 7 часов утра. Пели всей церковью. Хотя пели без всяких спевков, но служба прошла стройно. Погода установилась «Никольская». Когда 27 ноября утром шли в церковь, была такая метель, что все приходило в церковь в виде снежных кукол. Это заставило ускорить окончание съезда, чтобы дать возможность «дальним» (за 40-50 километров) добраться домой на пароходе. Было опасение, что сегодня идет уже последний пароход...»*

Нельзя не рассказать еще о некоторых событиях из жизни тех лет, которые, как и книгоиздательство, можно считать почти чудесными, учитывая обстановку и возможности, при которых они возникали. Действительно, что вера в правоту своего дела есть та сила, которая может воспламенить огромную энергию, скрытую в каждом человеке. Мы ошибаемся, если думаем, что счастье человека измеряется количеством полученных в жизни благ. Нет. Оно измеряется совсем иначе. Чем больше вдохновения пережил человек, чем на большую отдачу он был способен, ничем иным не побуждаясь, кроме вольного своего хотения, тем счастливее и полнее была его жизнь.

Я хочу рассказать, как крестьянская молодежь построила в Печорах собственный дом.

Печоры — это небольшой уездный городок, едва имевший 3-4 тысячи жителей. Но в то же время он — драгоценное историческое место. В городе — древний Псково-Печерский монастырь во имя Успения Божьей Матери. С XVI века он приобретает большую известность, когда обносится каменными стенами и превращается в своеобразную монастырскую крепость на северных рубежах России. Там покоятся мощи преподобного игумена Корнилия. Там — чудотворные образа, там овеянность праведностью неизвестных иноков, там молитвы и слезы народа, накопленные веками... Около этих духоносных стен зарождалось Крестьянское Движение.

* «Вестник», № 1-2, 1935 г.

Я в Печорах никогда постоянно не жил, но бывал там многократно. Однажды, придя к ранней обедне,* я был удивлен, увидав там большую группу детей и подростков. Их русые головки, вместе с горящими свечами, казалось, освещают полумрак подземного храма. Позже я узнал, что это были «витязи и дружинницы» сельского учителя Николая Пенькина, пришедшие из пригородной деревни, где он учительствовал. Когда после конца службы они на монастырском дворе завтракали, я видел на них отличительные знаки витязей — вышитый белый крестик на синем фоне с красной каймой, и что-то еще. Не помню, что именно, но запомнил, что оно не гармонировало с деревенской одеждой ребят — полосатыми холщовыми штанами мальчиков и до полу, как у взрослых, юбками у девочек. Но как они гордились этими простенькими знаками отличия! В этих видимых значках была заключена для них психологическая сила — вера, которая двигает горы!

Много было таких деревень и сел, где получалось образование в 4-х или 6-ти-классной школе. Учиться дальше, т.е. попасть в Печорскую гимназию, из-за бедности родителей могли только единицы. Чтобы помочь наиболее талантливым детям, в Крестьянском Движении рождается грандиозный план: решают строить дом-общежитие для гимназистов! Образование в государственной гимназии было бесплатное; еду «натурой» может дать почти каждый того желающий отец. Если создать даровую квартиру, то и без денег крестьянскому подростку становится возможным среднее образование.

Хороша идея, да как ее осуществить? Где земля, на которой строить? О покупке земли не могло быть и речи из-за отсутствия денег.

Вспоминаю рассказ, дошедший до меня через третьи руки. Это был рассказ женщины, квартировавшей у Пенькиных, родителей Николая — учителя и деятеля

* Ранние обедни обыкновенно совершаются в древнем подземном храме, — пещере, вырытой в горе, — выходящем на свет Божий только одной стеной. Это одно из древнейших мест монастыря, как и прилегающая к нему пещера — усыпальница братии.

Движения. Невольно подслушанный рассказ о том, как Николай уговаривает родителей подарить Движению кусок их земли на окраине города, который предназначался Николаю по смерти родителей. Эта женщина не могла без слез передавать содержание разговора и говорила, что она никогда в жизни не слыхала ничего более светлого и чистого, чем эти слова сына к родителям.

Став обладателями земли, зимой, с окрестных деревень парни-движенцы стали свозить бревна. По весне застучали топоры в молодых руках, и стало расти вместительное двухэтажное бревенчатое здание — общежитие для учащихся. Стала устраиваться жизнь на новом месте. Во главе общежития стояла Татьяна Евгеньевна Дезен, талантливый и глубоко идейный человек. Она организовала пошивочную и сапожную мастерскую для пополнения средств на питание живущих в доме. Но это уже были тяжелые времена перед полным разгромом маленькой Эстонии грубой оккупационной силой. Пропаганда политической и атеистической демагогии уже не чувствовала себя стесненной. Это отражалось и на общежитии, попервоначально жившем братством. Но не долго суждено было существовать братской жизни. В дом внедрялись люди иного духа, изнутри старавшиеся разложить дело. Движение прилагало силы переделать этих людей и не удаляло их из своей среды. Не знаю, было ли это правильно, но благородно это было бесспорно.

Наступило лето 1940 года. Рухнула последняя видимость эстонской самостоятельности, и все погрузилось во власть советских органов безопасности.

Возможности какой-либо христианской работы были уничтожены. Т.Е. Дезен не могла более оставаться в Печорах. Как бывает в таких случаях, большинство друзей растерялись, а дотоле неизвестные враги показали себя.

Н. Пенькин и Т. Дезен давно любили друг друга, но занятость движенческими делами все мешала им найти время для брака. Они приехали к нам в Ревель, чтобы вместе с моей женой и со мной искать какой-либо

выход. Но было поздно. Через несколько дней мы узнали, что дан приказ об их аресте. Их жизнь, добровольно отданная служению, кончилась. В этот день я совершил над ними таинство брака, после чего они прямо из храма отдали себя в руки НКВД.

Пенькиных, как и всех арестованных в Эстонии русских, держали в Ленинграде, в тюрьме на Шпалерной. К нам на волю от Татьяны Евгеньевны дошла только одна маленькая записочка, содержащая больше забот о нас, чем слов о себе.

«Кровь мучеников — семя Церкви». Эти великие слова поучают нас земно кланяться перед сонмом новомучеников российских, числа и имен которых мы не знаем. Но всходы от их кровей, хотя бы частично, нам известны. К ним относятся те, кто из Советской России пишут нам, называя наше дело *своим* делом; это те, кто «там» представляют собой растущие новые силы Православия. Всходы их — это те, кто опустошали книжные склады ИМКА-Пресс и Движения в Париже, ныне переиздают эти книги, те, кто духовно помогают своему народу, те, кто молятся за свой «люте страждущий» народ, те, кто хоть что-то сделал для помощи гонимым братьям своим.

Каждый из нас много может сделать для духовной помощи своему народу. Беда наша не в отсутствии возможностей, но в отсутствии желания. Потому — бодрствуйте, дети и внуки тех, о ком я рассказал в этих воспоминаниях. Не смущайтесь своей малочисленностью, не соблазняйте легким путем. Не страшитесь даже одиночества. Помните: *и один* в поле воин!

Лучшие из нас жизнью своей заплатили за начало конца тьмы над поработанной Россией. Будем продолжателями их дела, будем молиться: «...Господи... тако и ныне сыном рассеяния сего ниспосли возвратиться в землю свою и к народу своему и там Тебе послужити...»

«Сторож, сторож, сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь». (Исаия 21, 11).

(1984)

Елена ФРАНЦМАН

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ (27.06.1897–23.10.1941)

С Василием Васильевичем Преображенским у меня связано много самых светлых воспоминаний юности. И это не только воспоминания; в сущности, под влиянием его личности, его глубокой убежденности были заложены основы мировоззрения, отношения к жизни, к людям. И это глубокое понимание связей, понимание жизни как служения добру и людям осталось на всю жизнь.

Я училась в гимназии О.Н. Лишиной. Хорошо помню, как в 1926 году (мы перешли в 7 класс) нам историю стал преподавать учитель старших классов В.В. Преображенский. Тогда нас с первого урока поразило совершенно непривычное отношение серьезного преподавателя к нам как собеседникам. Мы сразу почувствовали себя старше и, казалось, даже умнее.

Когда я через много, много лет сама стала учителем, а потом — заведующей Кабинетом русского языка и литературы в Латвийском республиканском институте усовершенствования учителей, и теперь, когда так много пишут об учителях-новаторах, которые находят новые, живые формы работы с учащимися, я снова и снова вспоминаю нашего учителя истории В.В. Преображенского, и понимаю, каким замечательным педагогом он был.

Сначала нас поразило то, что Василий Васильевич не просто преподавал, то есть знакомил с историческими событиями, — он всегда организовывал работу в классе так, чтобы мы принимали самое активное участие в решении сложных вопросов взаимоотношений между государствами, различными направлениями в той или иной стране. Так, помню, при изучении истории Греции в период с 331 по 395 год мы становились подданными, философами, деятелями искусства Греции

того периода. «Обязанности», как называл их Василий Васильевич, он распределял частично сам, соответственно с интересами, знаниями разных учениц, или же позволял выбирать нам самим. Мы принимали участие в завоеваниях Александра Македонского. Мы боролись за создание новой столицы Александрии. Кто-то из нас ведал вопросами создания архитектурных сооружений, кто-то «писал» законы. Материалы, как теперь мы называем — «наглядные пособия», мы могли подбирать сами у Василия Васильевича (конечно, под его ненавязчивым руководством); мы могли в любое время придти к нему домой и брать альбомы, репродукции картин, книги.

А через месяц, а может быть, два или три, мы превращались в римлян, которые завоевывали Грецию.

Помню, как в 9 классе Василий Васильевич делил нас на феодалов и вассалов, капиталистов и рабочих. Даже когда речь шла о парламенте в Англии, и тогда мы были представителями разных палат и должны были отстаивать свои «позиции». И так на всех уроках истории мы жили в ту эпоху, которую изучали, принимали самое живое участие в той борьбе, которая шла в изучаемый период в той или иной стране, государстве. И я не помню, чтобы мы заучивали даты. Просто Василий Васильевич во время урока напоминал: «А вы, господа, не забыли, какой у нас год?» или «А вы сознаете, в какой период вы живете?» «Живите же интересами народа!» Вот такие его реплики остались в памяти.

Василий Васильевич организовывал экскурсии. И опять очень серьезно готовил нас к ним. Помню экскурсию в Сигулду. Мы должны были знать много об истории Латвии, о том, какое значение имели пещеры; и когда мы пришли в Гутановскую пещеру, мы были не ученицами, а исследователями, каждая со своим заданием. Исключительно серьезной, оставившей глубокое впечатление, была экскурсия в Печоры.

И еще мне хочется вспомнить о ненавязчивой, как и во всем, манере Василия Васильевича прививать интерес к изучению своего родного и иностранных языков. Он всегда приучал нас интересоваться происхожде-

нием слов, первоначальным значением их. Он знал греческий, латинский, французский, немецкий, латышский языки. На уроках он часто писал на доске слова по-гречески или по-латыни (если хотел указать на их происхождение). С тех пор я полюбила латынь. Он приучал видеть за словом его сущность, его «душу», как он говорил.

Когда мы кончали гимназию, мы завели альбомы, в которых наши преподаватели писали нам что-либо на память.

В моем альбоме Василий Васильевич написал: «Une fausse science fait des athées; une vraie — prosterne l'homme devant la Divinité». (Voltaire). — «Ложная наука создает атеизм; истинная приближает человека к Божеству».

И еще одно направление в деятельности Василия Васильевича. Помню, это было в начале учебного года в 9 классе. В связи с ознакомлением с деятельностью Мартина Лютера мы принимали участие в сравнении основных положений лютеранского и православного вероисповедания. После урока Василий Васильевич позвал меня и предложил придти на занятие в кружке имени проф. В.В. Болотова. Этот кружок был при Русском студенческом православном единении. В кружке принимали участие учащиеся старших классов и уже окончившие школу. С тех пор я стала членом «Болотовского кружка», которым руководил В.В. Преображенский.

До тех пор я ходила в церковь с мамой; в гимназии мы всегда перед началом уроков собирались по классам в зале на общую молитву. Но это все было что-то привычное, не осознанное, как традиция, как обычай.

Впервые на занятиях Болотовского кружка я стала осознавать значение веры, начала понимать значение, суть религии. Мы читали и делали сообщения о различных религиозных направлениях. Но особенно меня увлекло изучение исторических документов, связанных с жизнью Христа. Тогда, в 1929 или 1930 году, меня поразила возможность доказательства истинности тех фактов, о которых повествовалось в Евангелии. И вот с тех пор мое восприятие религии, веры, которую

раньше многие называли «слепой», стало для меня глубоко осознанной истиной, моим глубоким убеждением, которое сохранилось на всю жизнь. Мы читали Толковое Евангелие Лопухина, произведения Ренана, свидетельства историков, живших во время жизни Христа.

Почему кружок был назван именем В.В. Болотова? «Не трудно найти место Болотова в ряду русских ученых, избравших полем своей деятельности историю церкви: бесспорно, ему принадлежит здесь первое место», — говорил и писал В.В. Преображенский о Болотове. И приводил слова проф. Б.А. Тураева: «Историческая истинность православия была для его беспощадно критического ума не только верой, но и знанием, очевидным до осязательности». До сих пор помню, как Василий Васильевич рассказывал нам о последних минутах проф. Болотова; его последние слова были: «Христос идет, Бог идет. Иду ко Христу».

Целью созданного В.В. Преображенским Болотовского кружка было и изучение, и анализ евангельских текстов. Вот основные темы, на которые было обращено особое внимание: 1. Место и время написания Евангелий; 2. Круг читателей Евангелий; 3. Авторы и цель произведения; 4. Источники (исторические данные); 5. Любимые слова и выражения авторов; 6. Лица, упоминаемые в Евангелиях; 7. Самосвидетельство Иисуса Христа.

Что было замечательно в этих занятиях — это серьезное изучение фактов путем использования самых достоверных исторических данных периода возникновения христианства и современных ученых.

Р.С.Х. Движение в Латвии и Прибалтике организовывало каждый год съезды, на которые приезжали выдающиеся ученые, такие, как проф. В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский и другие. Приезжала и монахиня Мария (Скобцова).

Первый раз я была на таком съезде в Лоберже, под Резекне. Это было в 1931 году. Василий Васильевич поручил мне сделать сообщение на этом съезде о работе нашего кружка.

Потом был съезд в Пюхтицах. Тогда Василий Васильевич поручил мне руководить семинаром по знакомству с творчеством П.А. Флоренского и изучению его.

Пишу об этом для того, чтобы рассказать, как умел Василий Васильевич руководить молодежью, приучал любить и понимать значение научной работы, как приучал жить работой мысли.

Сам Василий Васильевич принимал непосредственное и активное участие в этих съездах, выступал с докладами, вел семинары.

В русских газетах в Латвии постоянно печатались статьи В.В. Преображенского, в основном, религиозного содержания, как например, «Христос и христианство», «Кесарево — кесарю, Божье — Богу» и др. Все эти статьи были за подписью «магистр истории В.В. Преображенский»; это звание было ему присуждено в Праге.

В память проф. В.В. Болотова В.В. Преображенским был составлен и выпущен в 1929 году, в рижском издательстве «Вера и Жизнь», сборник статей В.В. Болотова, со вступительной статьей и послесловием самого В.В. Преображенского.

Р.С.П. Единением в Риге в 1934 году была издана работа В.В. Преображенского «Христианство и дохристианские религии».

Сборник «Русские в Латвии», посвященный Дню русской культуры 1933 г., был издан под редакцией В.В. Преображенского. В историческом разделе сборника очерк «Конец XII — начало XIII в.» был написан В.В. Преображенским.

В сборнике Дня русской культуры 1938 года, «Памяти 950-летия крещения русского народа», опубликована его статья о св. равноапостольном кн. Владимире — «Основоположник нашего национального сознания». Публикация была повторена в газете Р.С.Х. Движения в Эстонии «Путь жизни», № 5-6, 1938, 9 июня.

Издательство Р.С.Х. Движения в Эстонии «Путь жизни» выпустило в 1939 году сборник статей В.В. Преображенского «Из житий святых».

В.В. Преображенский был приват-доцентом Русского института университетских знаний в Риге. Преподавал он также в рижской Русской правительственной средней школе.

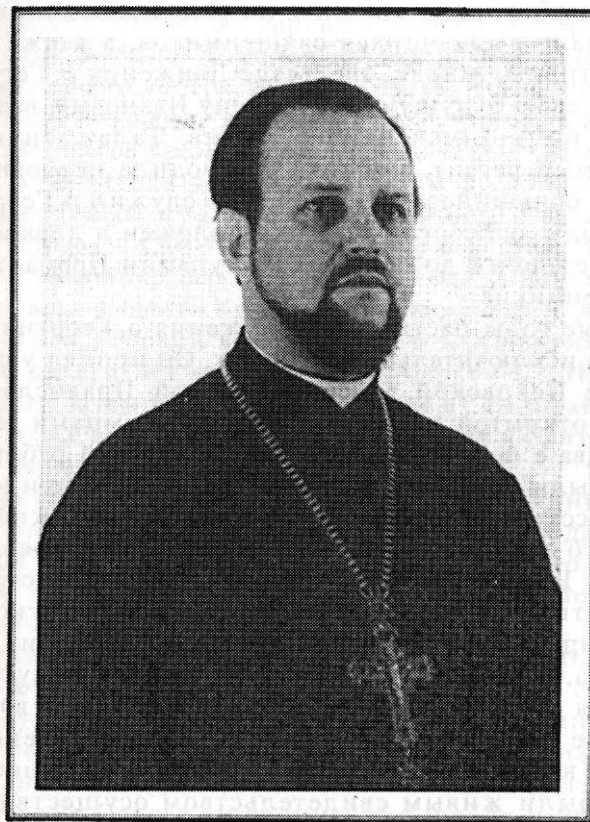
Отец его был священником рижской Благовещенской церкви.

В трогательной авторской дарственной надписи на книге «Евангелия и их благовестие о Христе-Спасителе и Его искупительном деле», изданной в Софии в 1932 году и подаренной В.В. Преображенскому в 1934 году, заслуженный профессор Н.Н. Глубоковский назвал В.В. Преображенского своим коллегой.

В.В. Преображенский был арестован 14 июня 1941 года и погиб в Соликамском лагере 23 октября 1941 года.

Рига, 1991 г.

**ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ БЕНИГСЕН
(1915–1993)**

6 августа в г. Калистоге в Калифорнии скончался митрофорный протоиерей Георгий Бенигсен. О. Георгий родился в Казани, его детские годы совпали с годами революции и гражданской войны. В 1924 году его семья смогла выехать в Латвию, где прошли школьные годы о. Георгия. Семья была традиционно религиозной, но не менее важную роль в формировании будущего священника сыграло Русское Студенческое Христианское Движение, возникшее в двадцатые годы

в эмиграции. Целью Движения было объединение русской эмигрантской молодежи для служения Церкви. Руководители Движения стремились сделать участие молодежи в церковной работе сознательным, их целью было «оцерковление жизни». Из рядов Движения вышло немало выдающихся священников, а также церковно активных мирян. На съезде Движения о. Георгий встретил свою будущую жену, Елену Ивановну, верного друга и помощника на всю жизнь. Талантливый и неутомимый регент, матушка руководила церковными хорами в большинстве приходов, где служил о. Георгий. В 1937 году о. Георгий был рукоположен в диаконы, а в 1941, незадолго до немецкой оккупации Прибалтики, во священники.

Первые годы пастырского служения о. Георгия проходили в исключительных условиях. Он принял участие в работе Псковской Миссии Русской Православной Церкви, открытой на оккупированной немцами территории. Два с половиной года миссионерской работы во Пскове были не только возвращением в Россию и встречей с русским народом, но и реальной возможностью духовного окормления русских людей, изголодавшихся по слову Божию. Этот опыт показал, что, несмотря на почти четверть века советской власти, антирелигиозной пропаганды и преследования Церкви и верующих, вера не угасла, а в страшных условиях войны и оккупации духовная жажда еще возросла. Открытие и восстановление возвращенных храмов, массовое крещение детей и взрослых, множество людей, наполнявших храмы, были живым свидетельством осуществления слов Христа — «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Этот вынужденно короткий опыт многое определил в о. Георгии как священнике.

До конца войны, в отступавшей и разваливавшейся Германии, ему еще предстояло разделить много опасностей войны и беженства с огромным множеством русских людей, уходивших от наступавшей советской армии, а затем оказавшихся под реальной угрозой насильственной репатриации. О. Георгий продолжал свою пастырскую работу в лагерях беженцев, так назы-

ваемых перемещенных лиц. И снова открывали церкви, теперь оборудуя для этого лагерные бараки. Тут, в послевоенной Германии, о. Георгий одно время редактировал *Вестник РСХД*.

В конце 1950 г. о. Георгий с семьей, которая, кроме матушки и сына Николая, родившегося еще в Риге, включала его сестру и престарелую мать, переехал в США. Его служение началось и закончилось в Калифорнии. Недолгое время он был настоятелем храма Св. Иоанна Крестителя в Беркли, а затем до 1960 года был кафедральным протоиереем старейшего Свято-Троицкого Собора в Сан-Франциско, где 9 августа 1993 года было совершено его отпевание. В шестидесятые годы он служил в штате Колорадо, в Нью-Йорке и в Канаде. В 1970 г. о. Георгий возвращается в Калифорнию. В течение десяти лет он настоятель церкви Св. Николая в Саратоге, затем короткий срок снова в Сан-Франциско, а с 1981 года, выйдя на пенсию, он служит в Свято-Успенском монастыре в Калистоге.

Как человек, о. Георгий обладал незаурядными способностями, как священник, он неустанно отдавал себя и свои таланты на служение Христу и Его Церкви. Среди этих талантов были дар слова и учительства и выдающиеся организаторские способности. Начиная со Пскова, где он был секретарем Миссии, о. Георгий занимал высокие административные посты в епархиях, где служил, а также в центральном управлении Православной Церкви в Америке. Еще молодым диаконом, в Риге, он начал преподавание Закона Божия в городских школах. Во Пскове он организовал школу и приют для детей-сирот. В Сан-Франциско он создал церковную школу, из которой вышли и будущие священники, и миряне, активные в церковной работе. Работу церковной школы он неизменно налаживал во всех приходах, где служил. Однако самой значительной стороной учительства о. Георгия было не преподавание и даже не церковная проповедь, а личный миссионерский подвиг, который никогда не прекращался. Свидетельство тому множество людей, присоединившихся к Православию, вернувшихся в Церковь или оставшихся в Церкви его

пастырскими трудами. В этой «школе» преобладало неизменно внимательное, личное отношение к человеку, серьезные и вдумчивые ответы на вопросы и недоумения, и, может быть, самое главное, свидетельство его твердой веры, бывшей основанием его жизни и трудов. В заупокойных богослужениях в Свято-Троицком Соборе в Сан-Франциско, которые возглавил первоиерарх Православной Церкви в Америке митрополит Феодосий, участвовало несколько священников, которые в разное время прошли эту школу о. Георгия.

Хотя последние сорок с лишним лет о. Георгий прожил в Америке, он никогда не забывал о своих корнях. Радости и горести Русской Православной Церкви он всегда принимал близко к сердцу и жил надеждой на религиозное возрождение русского народа, а миссионерская работа в России во время войны навсегда осталась тем опытом, который вдохновлял его до конца дней. В восьмидесятые годы, в течение семи лет, он выступал по радио «Свобода» с воскресными религиозными беседами. Это была новая и радостная, хотя и иная по форме, возможность проповеди русским людям. Господь дал ему радость дожить до начала освобождения и возрождения Православной Церкви в России. Сам собой напрашивается сравнение о. Георгия, как одного из выдающихся русских священников, которые после Второй мировой войны приехали из Европы и до конца дней служили утверждению Православной Церкви в Америке, с теми миссионерами Русской Православной Церкви, которые начали свой путь миссионерского служения Православию на этом континенте ровно двести лет назад.

О. Георгий не переставая свидетельствовал о Православии. Не поступаясь ничем в своей вере и верности Святой Церкви, он был открыт всем. Его огорчал взгляд на экуменизм как на угрозу Православию. Для него общение с инославными христианами всегда оставалось возможностью свидетельства о Православии. Он остро чувствовал и глубоко переживал безверие современного мира, а также незнакомство христиан Запада с Православной Церковью. Его готовность говорить о Церкви и

вере, отвечать вопрошающим (1 Петра 3:15) были его никогда не прекращающимся миссионерством.

Описать о. Георгия в храме, совершающим богослужение — лучше всего словами заамвонной молитвы на литургии: «освяти любящих благолепие дома Твоего». Он не только постоянно заботился о порядке и убранстве храма, но во всех храмах, где он служил, остались, как память о его трудах, заказанные им прекрасные иконы. Одним из его неукоснительных правил была абсолютная пунктуальность: богослужение всегда начиналось точно в назначенное время, он говорил, что мы назначаем время Богу, а не себе. Был он строг к поведению в храме, требовал полной тишины, не терпел суетливости, во время богослужения все его движения и жесты были размеренны и точны. Он был прекрасный проповедник, в его речи чувствовалась высокая культура слова. В проповеди о. Георгий не допускал неясностей и повторений, был краток и точен, его проповеди запоминались. Богослужение любил и знал досконально, и легко и радостно делился этими знаниями с прислужниками, чтецами и старостами. Эти качества точности и даже строгости в отношении порядка богослужения и порядка в храме удивительно счастливо сочетались в нем с любовью и открытостью к людям. Еще одним его талантом был дар общения. Широкую известность приобрела его статья о Пятидесятнице «Дар слышания». Он умел слушать и умел отвечать. Неудивительно, что у него было много друзей по всему свету, другом он был верным и чутким.

Хотя богослужение всегда было основой и центром служения о. Георгия (так, нельзя забыть всенощную перед Тихвинской иконой Божией Матери в Свято-Троицком Соборе в Сан-Франциско, совершавшуюся действительно всю ночь), в последнее десятилетие жизни, когда о. Георгий не имел больше административных обязанностей, литургия и проповедь стали главным содержанием его пастырских трудов. Он терпеливо приучал свою паству к осознанию греховности, к необходимости постоянного покаяния, неустанно призывал к частому причащению Святой Тайны и не

переставая учил о значении Евхаристии в деле нашего спасения.

В последние годы, невзирая на тяжелые недуги, о. Георгий продолжал совершать литургию вплоть до последней болезни. Господь дал ему покинуть эту жизнь в светлом и мирном состоянии духа. У о. Георгия было много талантов, его жизнь — это свидетельство того, что он их не зарывал в землю. Верим, что услышит он слова Христа: «добрый и верный раб, войди в радость Господа твоего».

Ольга Раевская-Хьюз

Беркли, Калифорния.

Прот. Георгий БЕНИГСЕН

На страницах «Вестника» (№№ 152, 153, 159, 161, 165) уже печатались воспоминания членов РСХД в Прибалтике, арестованных советской властью и вернувшихся домой после долгих лет тюрем, лагерей и ссылки. Это были те, кто выжил. Прот. Георгий Бенигсен, во время немецкой оккупации Прибалтики участвовавший как священник в работе Псковской Миссии Русской Православной Церкви, написал предлагаемый очерк в 1946 году, когда у оставшихся в живых еще стояли перед глазами лица погибших друзей. Самым острым желанием было рассказать правду, самым горьким разочарованием — нежелание тех, кто не прошел через этот опыт, слушать. Вне зависимости от того, как сложилась судьба движенцев после Второй мировой войны, их всегда объединяло то, чем они жили, чем руководители Движения зажигали молодежь. Заглавие публикуемого очерка предельно кратко и недвусмысленно выражает ту цель, которой они верно служили в разных концах света.

ХРИСТОС ПОБЕДИТЕЛЬ

Многим членам различных юношеских христианских организаций мира памятен по личному участию, по отзывам христианской печати или по докладам участников последний предвоенный съезд Всемирной Федерации Христианской Молодежи, состоявшийся поздним летом 1939 года в Амстердаме. Этот съезд, кончавшийся при зарницах надвигающейся мировой военной катастрофы, собрал молодых представителей христианства всех стран и народов для последней мирной встречи, для последнего исповедания перед несущимся к гибели человечеством своей веры в то, что конечным победителем будет Христос. Съезд прошел под лозунгом «Christus Victor». Делегаты гитлеровской

Германии и СССР на конференции не присутствовали.

В этих строках мне хотелось бы рассказать моим многочисленным друзьям по христианской работе, путь которых в 1939 году от Амстердама вел на Запад, о пути участника Амстердамской конференции, который вел в противоположном направлении — на Восток. Оба пути освещались немеркнущим светом огромных слов, до сего дня стоящих ясно перед глазами — «Christus Victor». Эти святые слова и мой сан священника пусть будут свидетелями той правды, которую я изложу на этих страницах.

Из цветущей, гостеприимной, улыбающейся Голландии наш поезд въезжает в Германию. Милые улыбки и прощальные пожелания голландских пограничников сменяются подозрительной сухостью и полной нелюбезностью немцев. Война близится, и на каждого иностранца здесь смотрят, как на возможного шпиона и диверсанта. Мое одеяние священнослужителя не только не спасает положения, а наоборот усугубляет его, вызывая на лице молодого немецкого чиновника с нацистским значком в петлице форменного сюртука улыбку презрения, разрешающуюся нелепо издевательским вопросом: «Ihr Beruf? Sind Sie Schauspieler?» Такое отношение вы чувствуете на каждом шагу, оно вас давит невыносимо, и я с моими тремя спутниками, русскими делегатами конференции из Прибалтики, священником, студентом-богословом и опытной работницей экуменического и студенческого движения, не выдерживаем в Берлине больше одного дня и отправляемся восвояси, в родную Прибалтику, увозя из Германии чувство тяжкого гнета тоталитарного, антихристианского режима.

* * *

Начинается война. Наша маленькая цепь «буферных государств» лежит пока между «друзьями» — Германией и СССР. Однако вера в прочность этой дружбы слабеет все больше. Кто же первым наложит на нас

лапу — Гитлер или Сталин? Этот вопрос дебатруется повсюду, в том числе, конечно, и в студенческих христианских кругах. Мы знаем много правды о Германии, наши сведения о восточном соседе часто сбивчивы и неточны. Однако мы распропагандированы не хуже многих англичан и американцев, мы хотим и стараемся верить, что Советский Союз уже «не тот», что там почти все эволюционировало к лучшему. К тому же мы, русские в Прибалтике, как меньшинство, несколько ущемлены. Наше Русское Студенческое Христианское Движение работает только подпольно, и в большевиках нам невероятно хочется видеть «своих» — русских.

Наконец, в том же 1939 году, СССР получает в Прибалтике военные базы, мы видим первых красных офицеров, разгуливающих по улицам наших городов. Общаться с ними строжайше запрещено. Лица маловыразительны, но чрезвычайно выразительны огромных размеров «маузеры», низко свисающие из-под их не всегда ловко сшитых морских кителей. Наша христианская работа среди русской молодежи еще идет, но мы стараемся предпринимать некоторые маленькие меры предосторожности на случай оккупации. Иностранцы усиленно предлагают нам выехать в Германию под видом германских репатриантов, но мы категорически отказываемся. Остается на местах все руководство христианской студенческой работы.

Середина июня 1940 года.

Комедия народной воли присоединения Прибалтики к Советскому Союзу разыграна, комедия пошлая, с дешевой режиссурой. Маленькие конфликты на границе, и первые советские танки входят в города Прибалтики. Мы еще хотим верить в эволюцию, стараемся видеть в красноармейцах «своих», но от участия в «народных восторгах», очень жидких и очень пьяных, воздерживаемся. Проходит неделя, две, месяц... Даже веселые физиономии становятся более вытянутыми, хотя «народные восторги» принимают все более грандиозные формы. Они становятся обязательными, проходят чинно и организовано. За неучастие в них грозят серьезные неприятности на службе.

Наши ряды начинают понемногу редеть. Многие уходят с тем, чтобы кануть в неизвестность. Ночью их уводят агенты НКВД, оставляя в квартире щемящей душу след многочасового обыска. Так уходят все три моих милых спутника в амстердамской поездке, уходят, чтобы ответить, по-видимому, и за участие в Амстердамской конференции, и в других экуменических съездах. Так уходят и многие другие друзья и соратники по христианскому и экуменическому делу. Их жизнь кончается. Начинается житие, исповедничество, мученичество, о котором нам еще не дано знать. Ибо потом мы видели только брошенные трупы других заключенных, безмолвно говорившие нам о тех страданиях, которые должны были понести за Христа наши дорогие друзья. Так шли недели, месяцы, унося друзей, сгущая мрак и тоску, сковывая ум и сердце безвыходностью. Каждую ночь ждешь, не придут ли за тобой. В каждом знакомом начинаешь видеть осведомителя. В глазах всякого говорящего с тобой видишь огонек подозрительности и недоверия. СТРАХ — это самое жуткое рабство из всего сущего, вот краеугольный камень, на котором построена эта нечеловеческая система.

Близится советско-германская война. Чувствуется какая-то тревога в воздухе. Но эта тревога вызывает на лица знакомых слабый отблеск надежды. И вдруг — страшные Варфоломеевские ночи двенадцатого и тринадцатого июня 41 года. Во всех городах Прибалтики мобилизованы все грузовые автомобили. Двенадцатого июня я иду с моим другом и сотрудником по студенческой христианской работе по улицам нашего города. Все площади запружены грузовиками. Мы рассуждаем, к чему бы это, и не можем найти ответа. Бедняга, для него этот вопрос неожиданно разрешился в ту же ночь, когда его, тихого и спокойного приват-доцента теологии, оторвали от жены и маленького сына и угнали в неизвестность. Две ночи и день носились по улицам грузовики, вырывая из домов отдельных людей и целые семьи, отвозя их на товарные станции, чтобы оттуда, продержав в запечатанных товарных вагонах несколько суток без пищи и медицинской помощи, отправить «на

поселение» в необъятные просторы Сибири и Казахстана. Так были увезены сотни тысяч *ни в чем не повинных перед советской властью* людей, главным образом, интеллигенции.

Перед этими страшными днями произошло значительное событие в моей личной жизни: 6 июня я принял сан священника (до того времени я был диаконом), чувствуя, что испытания в любую минуту могут постичь и меня, и желая встретить эти испытания во всеоружии пастыря Церкви Христовой. Господь неисповедимыми путями провел меня через страшный «красный» год Прибалтики целым и невредимым, провел, думаю, для того, чтобы сделать свидетелем дальнейшего. Мой вывоз в СССР, как и большинства остававшегося православного духовенства, предполагался тремя неделями позже. Германско-советская война нарушила эти планы.

Религиозный подъем в народе за год советской оккупации вырос и углубился. Никогда храмы не были так полны, никогда в них не проливалось столько слез, не раздавалось столько вздохов, как в течение этого времени. Власти еще не решались предпринимать слишком явные репрессии против людей, близких Церкви, поэтому храмы оставались единственным прибежищем измученных и затравленных душ. Красноармейцам и офицерам, как и членам их семейств, посещение храмов было запрещено строжайшим образом. Несмотря на это, многие жены красных офицеров пользовались пребыванием в Прибалтике, чтобы тайком окрестить в русских храмах своих детей.

22 июня 1941 года. Война Советского Союза с Германией. На всех лицах затаенная радость. Никто не думает о том, что принесут нам новые завоеватели. Думают только о том, что конец ненавистнейшего режима становится реальностью.

Большевики в панике. Отступление — самое страшное из бегств, когда-либо виденных. По пути красные стараются еще ликвидировать «шпионов и диверсан-

тов» — расстреливают почти на улицах мирных граждан. Все сердца переполнены ужасом, животным страхом и ненавистью. Все стараются забиться поглубже в подвалы, в погреба или уйти в леса, чтобы там переждать события. Тот, кто не принимает этих мер самосохранения, часто платит за это свободой или жизнью.

И вот, вслед за убегающими в панике, разрозненными, потерявшими командиров и связь частями Красной армии, часто даже обгоняя их, входят немцы, молодые, здоровые, воинственные, снисходительно презрительные. А встречали их так, как, вероятно, никого из победителей давно не встречали и долго еще встречать не будут. В тот момент для сознания «освобождаемых» они несли одно: конец этого дикого, звериного СТРАХА, правящего всеми в Советском Союзе, начиная от последнего маленького рабочего или чиновника и кончая самими диктаторами, вечно боящимися предательства, измены, диверсии. Вот этому страху пришел конец, можно было выйти из подвалов, вернуться из лесов, как же было не встречать «победителей», принесших утраченную радость жаркого июльского солнца.

Начали подсчитывать потери: они были ужасны. За последние дни своего владычества агенты госбезопасности успели оставить множество искалеченных, обезображенных трупов людей, умиравших, как правило, от выстрела в затылок.

Смотрю на рослых, красивых немцев, вспоминаю свои сравнительно недавние впечатления от поездки через Германию и вижу, что ожидать добра от этих «освободителей» не приходится. Однако перед глазами возникают яркие слова амстердамского девиза, укрепляющие на предстоящую борьбу: «Христос — победитель».

Рыцарские * * *

Борьба начинается. Борьба за победу Христову, за душу человеческую. Немцы враждебны к Церкви. В противоположность Советскому Союзу, они стараются не слишком открыто проявлять эту враждебность. Но им

страшно не хочется отдавать нам души сотен тысяч военнопленных и пропускать наше влияние к миллионам русских душ на оккупированной ими территории России. Они верят в то, что большевистская политика изгладила все следы христианства из души русского человека, и всячески оберегают эту душу от нового влияния Церкви. Мы делаем все возможное, чтобы проникнуть к военнопленным и в Россию. Наконец удается первое. То, что мы видим, ужасно! Десятки тысяч, сотни тысяч истощенных, замученных, оборванных, босых, голодных — не людей, а комков голых нервов. Эти миллионы красноармейцев добровольно переходили к немцам. Они переходили, горя ненавистью к политическому строю на родине, надеясь повернуть штыки против ненавистной власти. Они видели в немцах спасителей их родины, они шли к немцам открытой душой. Со стороны немцев они встретили только обман, провокацию, колючую проволоку страшных Stalag'ов, голод, унижения, побои, рабский труд. ... Они терялись, они становились зверьми от гнева и страха, животными от голода и лишений. Те, кто могли, убегали в леса, образуя партизанские отряды. Те, кто оставался, умирали массами от голода, холода, сыпняка, непосильного труда, истощения. Иные шли в немецкие части и добровольческие формирования, в надежде получить возможность вооруженной борьбы с коммунизмом на родине.

Нам с огромными трудностями удалось организовать богослужения в лагерях военнопленных в Риге. Это были самые страшные литургии в моей жизни. Посередине лагеря, под открытым небом, совершается таинство Евхаристии. Кругом тысячи мужчин, несчастных, измученных, бесконечно усталых, голодных. Лиц не различаешь: вся толпа смотрит на тебя одними огромными глазами, полными бездонной скорби, такими глазами, как пишут на изображениях Христа в терновом венце. И из этих глаз неудержимым потоком льются слезы, текут по неумытым, заскорузлым щекам. Пятидесятилетние мужи и шестнадцатилетние юноши стоят, тесно прижавшись друг к другу, и плачут, не стесняясь

на будущее. Прихожане этих последних сохранившихся храмов совершали героические подвиги для их дальнейшего существования. Просматривая отчетность кладбищенской церкви в городе Т., последний настоятель которой был сослан в Сибирь за полгода до германской оккупации, я установил, что прихожане этого храма в 1940 году уплатили налог за священника в размере 245.000 рублей! В тех советских условиях это была колоссальная сумма, и уплата ее свидетельствует, как велика в сердце русского человека любовь, жертвенная любовь к Церкви. Эту любовь и жертвенность мы с полной ясностью увидели в дальнейшей нашей работе. Молодежь и дети поначалу смотрели на нас изумленными глазами. Большинство из них впервые в жизни видели фигуру священника, встречая ее до тех пор только на карикатурах и шаржах антирелигиозных изданий.

Началась работа, полная апостольского подвига, полная трудностей и препятствий, постоянно чинимых немцами. Им очень хотелось использовать нас в своих целях порабощения и эксплуатации русского народа, очень хотелось через нас, как наиболее близко стоящих к народу и пользующихся в народной толще максимальным доверием, проводить все свои преступные мероприятия. Они получили от нас жесткий отпор по всему фронту и поняли, что просчитались. Но мы уже настолько прочно завоевали свои позиции в народе, так вросли в него, что ликвидация нашего миссионерского дела грозила бы для немцев крупными осложнениями. Им пришлось смириться с существующим положением и ограничиться тщательной слежкой за каждым нашим словом и поступком да попытками организации мелких провокационных актов на местах.

А мы росли не по дням, а по часам. Мы шли в народ, несли ему слово Христовой любви и правды, слово утешения и надежды. Мы дружили с молодежью, захватывали церковно-просветительной работой подростков и детей. Мы всей душой переживали великую трагедию нашего несчастного великого народа. Два десятилетия власть отнимала у него то, чем строилась и двигалась

государственная, нравственная и культурная жизнь его предков на протяжении тысячелетий. Власть лезла грязными руками в душу всякого, старалась вырвать оттуда все, что могло напомнить о Боге, о вере, о Церкви, о Родине. Власть хваталась за душу каждого ребенка, стараясь наполнить ее материалистическим мировоззрением. Детский сад, школа, вуз, пионерская и комсомольская организации, вот те страшные круги ада, которые проходила неопытная, мягкая детская душа в советском «раю». Слава Богу, славянская душа стояла за себя. Она осталась христианской. Она так и не смогла впитать до конца чуждые ей материалистические доктрины Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина. Редкие исключения только подтверждают общее правило. А исключения действительно редки, ибо эти юные души оставались попросту пустыми и впитывали то, что несли им мы, с жадностью иссохшей земли, пьющей благотворный летний дождь.

Немцы уступили нам часть храмов. И вот совершилось буквально чудо. Почти во мгновение ока эти храмы были очищены, восстановлены и устроены для богослужений. Из рук этих полунищих людей к нам потекли пожертвования, предложения помощи, материалы для ремонта, богослужебные предметы, утварь, облачения, книги и ноты, хранившиеся долгие годы закопанными в земле, замурованными в стенах. Создались превосходные хоры певчих, уцелевшие колокола были водружены на колокольни, выбитые стекла вновь вставлены, вместо сорванных безбожными руками образов написаны новые. И ... полился мягкий, чарующий русский колокольный благовест, затеплились сотни свечей и лампад перед старыми и новыми образами, раскрылись еще недавно заколоченные двери, и потек народ сотнями, тысячами, десятками тысяч, переполняя свои воскресшие храмы до отказа. Раздались возгласы священников, ответили на них стройными аккордами трогательных православных молитвенных напевов хоры, заполняя согласными звуками древние своды храмов. Дрогнули старые своды, дрогнули сердца человеческие, и полились из глаз потоки чистых слез

молитвенной скорби и умиления. Старики, старухи, мужчины, юноши, девушки, подростки, дети — все утратили ложный стыд друг перед другом, сердца раскрылись, и в эти истерзанные скорбью сердца полился целебный елей молитвенной благодати.

А скорбь была велика. Ибо не было ни одной семьи, не лишившейся кого-либо из своих родных, если не в первые годы большевизма, то в «славные» времена великой ежовской чистки (1938-1939 гг.). Война с Германией унесла детей в ряды Красной армии, на бесславную гибель в защите нелюбимой власти или в тяжком немецком плену. Да и немцы мало в чем отставали от своих предшественников, хватая людей без разбора, по первому подозрению, лишая их свободы и жизни, отсылая на рабский труд в Германию. Несчастный страдалец народ!

Мы делали все, что могли. Открыли сотни приходов, окрестили десятки тысяч некрещеных детей, подростков и взрослых. Открывали церковные приюты, детские сады и приходские школы. Вели огромных размеров катехизацию. Несли проповедь Евангелия в каждый доступный нам уголок. Посильно несли труд социальной помощи. Вели подпольную работу с детьми и молодежью, организуя церковные союзы, содружества, сестричества и братства.

Мы уже давно видели надвигавшийся крах Германии, но это нас не касалось. Мы отовсюду уходили последними, делая до конца свое дело с неослабевающей упорностью, зная, что наше дело — дело Христовой победы.

Уходя, немцы увеличивали масштабы своих безумных зверств. Горели деревни, горели города, и несчастное население, которому и так нечего было выбирать, принудительно гналось перед отступающими в панике немецкими войсками. Мы шли с населением, вновь оставляя родную землю, оставляя жертвы, павших под пулями партизан, агентов Гестапо, или просто решивших не уходить или не успевших уйти. Мы шли на

Запад, зная, что от большевиков нам нечего ждать пощады, зная на этот раз советский режим так же хорошо, как немецкий. Сердце часто подсказывало: останься, раздели участь тех, кто взял на себя крест мученичества, кто страдает за Христа в ссылках и концлагерях необъятных просторов Сибири. Но другой голос звал на Запад, говоря о том, что еще не все кончено, что на Западе знают правду и за эту правду сумеют постоять. Перед глазами возникало синее полотнище в огромном концертном зале Амстердама с двумя золотыми словами: CHRISTUS VICTOR. Этот девиз обещал понимающих друзей на Западе, тех, кому победа Христова так же дорога, как нам, христианам Востока. Второй голос победил, я не прервал своего пути на Запад.

* * *

Последние дни Германии, крах, капитуляция, все это известно и никакого интереса не представляет. Единственной мыслью было — подальше бы на Запад, к западным союзникам. Это сбылось. Прогремел фронт, с уличными боями, пожарами, обстрелом. Господь спас и здесь, и вот я у американцев. Первые встречи. Два американских солдата хотят во что бы то ни стало принудительно репатриировать меня на родину. Мои уговоры и доказательства, что я никогда не был советским гражданином, не действуют. «Если вы не хотите ехать в Россию, значит вы друг немцев, а друзья немцев наши враги». Эту железную логику они не хотят позволить разбить. Только путем длинных и драматических разговоров удается убедить репатриаторов повременить, а тем временем приходится переменить место жительства. И вот начинаются снова бесконечные страхи комиссий, репатриации, полного бесправия. Члены советских репатриационных комиссий, как хищные звери, безнаказанно рыскают по союзным оккупационным зонам в поисках несчастных жертв. Бедные русские люди предпочитают самоубийство возвращению на родину. Затравленные, запуганные до полусмерти, они мечутся с места на место, не зная, что готовит им завтрашний день, не видя нигде друзей и защитников.

Жизнь человеческая не имеет больше цены, а удельный вес человеческой души, по-видимому, действительно приравнивается девяти граммам свинца.

Стараемся наладить церковную жизнь. Находим друзей среди англичан и американцев. К сожалению, во власти этих друзей, как бы влиятельны они ни были, очень мало возможностей, и все их старания разбиваются о мрачную тень Ялтинского соглашения, этого позорнейшего из документов современности. Старым русским эмигрантам, по-видимому, не грозит особенных опасностей, за исключением неминуемого навязывания им со стороны советов обвинения в коллаборантстве и военных преступлениях. Бывших советских подданных по-прежнему выдают советским властям. Но для нас нет старых эмигрантов и советских подданных. Для нас есть несчастные русские люди, вынужденные покинуть родину, объединенные одной верой, одной кровью, одним языком, одним страхом перед советским террором, равным страху смерти.

о зморф кэй.

* * *

Кончая эти строки, я понял, для чего Господь провел меня через ужасы советского и гитлеровского режимов, через огонь братоубийственной войны и сохранил до сего дня невредимым. Для того, чтобы я мог сказать эти слова правды вам, мои западные друзья и братья, мои соратники великого войска Христова. Для того, чтобы вы услышали еще одну меру правды о несчастном родном моем народе. Для того, чтобы вы не оставались равнодушными, но сделали все, что в ваших силах, для облегчения участи несчастных русских изгнанников.

Чувствую полную ответственность и, сознавая, что может грозить мне за те слова правды, которые сказаны мною прямо и неприкрыто на этих страницах, знаю, что, говоря эти слова, я исполняю мой долг перед Богом, перед Церковью, перед моей Родиной и моим народом, перед вечным девизом, завещанным нам Амстердамской конференцией перед началом последней войны:

CHRISTUS VICTOR — ХРИСТОС ПОБЕДИТЕЛЬ.

ПАМЯТИ Б.В. ПЛЮХАНОВА 24.IV-1911 — 7.X-1993, Рига

Чудеса бывают не только в молодости. В последние десятилетия моей жизни, которые могли бы стать просто вереницей нескончаемых житейских обязанностей, дел и, увы, болезней, — около нашей семьи встал наш давнишний настоящий друг, в свои студенческие годы бывший самым талантливым и ярким участником и руководителем Р.С.Х.Движения в Риге. Нам, вернувшимся в конце пятидесятых годов из сибирских ссылок, он стал писать письма, посылал-дарил нам все, достойное внимания и прочтения. Мы были введены в круг его интересов и работ, благодаря ему обогатились общением с умными и интересными людьми, рассеянными по свету его друзьями.

Содержание его писем отражало то, чем жили лучшие русские люди в тяжелые десятилетия двадцатого века.

Письма стали для меня жизнью моей души.

Имя этого умного и прекрасного человека Борис Владимирович Плюханов.

Он умер в Риге 7 октября 1993 года.

Для многих имевших счастье переписываться с ним он продолжает жить в замечательных своих письмах, которые, я уверена, все бережно хранят.

Борис Владимирович Плюханов родился в Риге 24 апреля 1911 года. Раннее детство прошло в Вологодской деревне Маринцино, куда он с матерью и братом был эвакуирован во время Первой мировой войны. Отец остался в Риге, чтобы сохранить для семьи принадлежавшие ему дома. В начале 20-х годов семья вновь соединилась в Риге. Рано умерла мать — в 1925 году.

В 1929 году он кончил рижскую Ломоносовскую гимназию, затем, со степенью магистра, юридический факультет Латвийского университета. Принимал активное участие в жизни и работе Русского Студенческого Христианского Движения, не только пока оно

существовало как организация в Латвии, но и впоследствии, когда в 1934 году Движение было закрыто латвийскими властями, продолжал считать себя движенцем. Занимался адвокатурой. Во время Второй мировой войны работал секретарем в Епархиальном управлении, чтобы избежать мобилизации в немецкую армию. В 1944 году был арестован советской властью, через два года выпущен — «за отсутствием состава преступления». Работал юрисконсультантом в Риге до 1992 года.

Борис Владимирович Плюханов много помогал своим друзьям и знакомым как юрист.

В соавторстве с Ю.И. Абызовым им создан мартиролог репрессированных русских общественных и культурных деятелей, живших в Латвии в 20-30-е годы.

Об очень многих своих современниках (особенно о тех, которых замалчивали) он написал прекрасные очерки, для которых тщательно собирал материал. Они печатались в «Вестнике РСХД», Блоковских сборниках Тартуского университета, в журналах «Даугава», «Радуга», «Таллин».

Борисом Владимировичем собран огромный, почти что исчерпывающий материал о матери Марии, он щедро делился этим материалом со всеми пишущими о ней. Он хранитель ее стихов, часть которых получил от самой матери Марии. Автор многих очерков о ней, составитель библиографии.

В рукописи осталась книга о Борисе Вильде, написанная на основании писем к матери и других документальных материалов.

Недавно увидел свет XII Блоковский сборник Тартуского университета, посвященный памяти проф. Зары Григорьевны Минц, там опубликована статья Бориса Плюханова о поэте Игоре Чиннове.

Богатейшее собрание книг и материалов о русских мыслителях, писателях и поэтах нашего трудного времени — в верных руках его дочерей, филолога Марии Борисовны, связанной с Тартуским университетом и Италией, и Наталии Борисовны, тончайшего лицевого хирурга, которая живет и работает в Риге.

Борис Владимирович не увидел своей книги о Движении, которая вышла в издательстве ИМКА-Пресс через неделю после его смерти. Всем знавшим и незнавшим Бориса Владимировича эта книга надолго продолжит его жизнь. В свою очередь книга даст жизнь многим участникам Движенья — без нее многие были бы забыты.

Тамара Милютина.

Б.В. ПЛЮХАНОВ

РСХД в Латвии и Эстонии

Русское студенческое христианское движение в Латвии и Эстонии развило в 20-30-е годы бурную и плодотворную деятельность и дало Церкви не только ряд выдающихся религиозных деятелей, но и целый сонм подлинных исповедников и мучеников веры. Исторический очерк, написанный бывшим участником Движения, рассказывает об одной из самых славных страниц русской православной жизни за рубежом.

312 стр. 50 редких фотографий Цена: 120 фр.фр.

YMCA-Press, 1993

Заказы направлять по адресу:

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris

Телефон: 43.54.74.46; телефакс: 43.25.34.79

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ШМЕМАН
К 10-летию со дня смерти († 13.XII.1983)

Письма к Н.А. Струве

Съезд РСХД (1951) во Франции (Bièvres).
Слева направо: о. Александр Шмеман, о. Василий Зеньковский, о. Игорь Верник.

Из обширной переписки с о. Александром, длившейся более 30 лет, здесь предлагается читателям четыре письма, среди них — одно из первых его писем ко мне, а затем последнее, написанное за два месяца до кончины. В письме 1954 г. идет речь о первой редакции книги о Литургии, которая печаталась отдельными главками в «Вестнике», а затем была о. Александром отброшена. «Курс о литургическом богословии» вылился в докторскую диссертацию, изданную в 1961 г. УМСА-Press под названием «Введение в литургическое богословие». — Н. Струве.

24 мая 1954.
Пятидесятница.

Милый Никита,

Спасибо за Ваше милое письмо: большинство конвертов мне даже вскрывать страшно и я иногда откладываю это на два дня: уж столько ругают. Между тем — теперь Вы уже несомненно меня обругаете, я и к 1-ому Вам не пришлю статьи. Причина сему самая простая, но та, которую редакторы редко принимают: она пишется с трудом, с невероятным напряжением, и с каждым днем, с каждой неделей я чувствую, как нужно было бы писать о Литургии. Писать же приходится в суете, в атмосфере конца года, в напряженных отношениях с Флоровским и многими другими людьми и в остром желании тех пять человек, что мы выпускаем сейчас к хиротонии, еще и еще как-то связать с тем, что для нас главное сейчас. Мы создали Братство с тем же именем и целями, что в Париже,* и как будто с жизнью, но сколько это стоило душевных сил! Затем непрерывные радиопередачи, лекции, встречи и вот снова надежда только на одиночество в Канаде! Статья в основном написана, но нужно всю ее продумать, пересмотреть и масса новых мыслей. С другой же стороны я сейчас пишу Курс Литургического Богословия и хочу Вам предложить (ввиду того, что Литургия рождается так медленно) присылать отдельные очерки для «Вестника» (напр. почти готово Введение в Дневной или Суточный Круг, главы о Погребении, о священном пространстве и т.д.). Одно ясно: быстро писать я не могу и не умею и нужно с этим мириться. И чем больше живу на свете, тем меньше хочется быстрого и легкомысленного «пописывания». Говорю совсем искренно: всей душой стремлюсь писать в «Вестник», и вот, хочу писать как следует, иначе не стоит, особенно когда это

* В Париже долгие годы существовало Братство Св. Сергия, собиравшее преподавателей Богословского Института и активных движущихся.

об Евхаристии. Думаю за лето Вас «завалить» copies — на всю зиму, т.к. сейчас у меня одна острая мечта: выехать из Нью-Йорка и оказаться вне достижимости телефонов, архиереев и К-ва (это мучитель и эксплуататор № 1!).

Все, что Вы пишете о Синдесмосе, — горькая правда, должно быть. Я только что писал Ивану,* что мало верю в «представительства». Вопрос только в одном: наладить «отбор», который, даже и не «представляя», — качеством духовным, богословским, верой в силу Истины увлечет за собой. Так всегда было и будет... Но для этого нужны (этого не понимают «активисты» всех мастей) часы свободы и работы. Нельзя писать, думать и читать под угрозой телефона или просьбы о каких-то тезисах для каких-то туманных съездов. Сообщаю Вам адрес Варшавского (Влад. Серг.) 526 West 122 Street, New York 27 (там же Яновский, но этого пока не зовите...) Варшавского же очень стоит. Видали ли Вы уже новый продукт Нью-Йорка и Цетлиной: «Опыты»?** На здешнем Montparnass'e просто буря и вихри.

Если есть время, пишите. Я очень люблю Ваши письма. Что Вы сами-то делаете в жизни? Учитесь или учите или творите?

Храни Вас Господь. Любящий Вас
прот. А. Шмеман.

5 октября 1973

Дорогой Никита,

По Вашему письму (только что полученному) чувствую, как остро Вы пережили и переживаете смерть

* Речь идет о И. Ф. (впоследствии прот. Иоани) Мейендорфе, избранном первым секретарем Синдесмоса, организации, объединяющей православное движение молодежи.

** Журнал «Опыты».

Коли Кишилова.* Поэтому пишу Вам только, чтобы Вы знали, что я stand by, знали о моем участии и не поддавались никакому, даже самому тонкому, унынию. Лично я встретил его всего два раза: в июне, на съезде, и это был длинный и действительно «светлый» разговор, словно радостная встреча, и 1 сентября, у него в Bourg la Reine, где мы ждали Синявского. Из него правда струилось добро, и не было в нем «задних мыслей». Христианам нужно, собственно, не утешение, а только «сознание планов» — что совершается в одном, а что в другом, какой главный, какой второстепенный. Все печали только от их не-различения... Такие люди, как Кишилов, нужны, чтобы напоминать, что всяческая там «борьба» и пр. возможна и нужна только в полном свете, что всякая другая обречена заранее на неудачу. Они очищают воздух, поднимают нас, зажигают свет и потом уходят, ибо свое дело сделали, а другого, по всей вероятности, им не задано сделать. Но дело-то это важнее всех. Так было с Петей** и так, теперь, и с Кишиловым.

Обнимаю Вас и Машу и детей

всегда Ваш А. Шмеман.

7 марта 1974

Дорогой Никита,

Вчера получил в «Свободе» и прочел затем «Письмо Вождям». Занятно видеть реакцию многих эмигрантов в той же «Свободе». Как только Солженицына нельзя без остатка уложить в их категории мысли, а, лучше сказать, не мысли, а эмоций и аффектов, как только он

* Николай Борисович Кишилов (1934–1973), московский искусствовед, в 1972 переехал с французской женой и детьми из Москвы в Париж, но вскоре умер от сердечного приступа. Сотрудник «Вестника». См. о нем некролог в книге И.А. Струве «Православие и культура», стр. 143–144.

** Прот. Петр Алексеевич Струве (1925–1968), врач, активный движенец, в последние четыре года жизни священник, основатель франкоязычного прихода при Кафедральном соборе, безвременно погибший в автомобильной катастрофе.

говорит не то и не так, что привыкли говорить — вернее — вопить они, уже начинается в отношении к нему брожение и шатание. И я уже писал об этом в «Зрячей любви» — предвозвещал это, еще до ульяновской мерзости. Солженицын хорош только пока он говорит то, что говорим мы. Но как скоро нужно вслушаться в то, что говорит он, и постараться понять — все идет насмарку. Как и в России, так и в эмиграции — лежит он на паде и на восстание многих. Что же касается самого письма, то я не знаю, чему я больше дивлюсь в нем: уму, «пророческому видению», подлинному реализму (не в смысле того, что письмо будет услышано и принято теми, кому оно адресовано, а в смысле анализа реальности и смелости предложений, неизмеримо более реальных и исполнимых, чем все то, что блеют «реалистические» политики) и снова, снова «конструктивность». Вот, говорит он «им» — выход и для вас приемлемый. И никакой «мести», сведения счетов... Нет, удивительный, поразительный человек. И я удивлен, если еще можно этому удивляться, как все-таки трудно людям воспринять простую правду, в сущности, «здоровый смысл», как пленены они своими мифами и эмоциями. Они даже не могут распознать его глубочайшей любви к России, ибо эта любовь для них — в ликвидации украинского сепаратизма и вообще в величии «единой, неделимой», в завоеваниях и т.д., в сущности, во всем том, что и реализует с успехом советская власть. Я рад этой «бомбе»: если, как Вы пишете, ему суждено произвести «катарсис», то только с такой бомбы он и может начаться. И мне очевидно, что это письмо, вызвав первую брешь в эмоциональном «единодушии» вокруг Солженицына, заставит, наконец, быть с ним или против него *по существу*. Меня же *мой* Солженицын еще раз покори и восхитил, и все тем же: правдивостью, мужеством, свободой, видением. Если можно, пришлите мне эту книжечку.

Хотя и отвел душу в разговоре с Вами, посылаю Вам это письмо — for the record.

Обнимаю Вас и Машу.

Всегда Ваш А. Шмеман.

12 сентября 1983

Дорогой Никита!

Как я был рад получить сегодня Ваше письмо. Сам собирался писать не знаю сколько раз, но Вы не поверите, какую «обструкцию» всем благим желаниям оказывает болезнь, как расслабляет. «Хочешь и не можешь». А part ça, чтобы поскорее покончить с этим измерением моей жизни, я чувствую себя не плохо, во всяком случае — не хуже, за исключением досадной, парализирующей боли в левой ноге. Завтра начинаю читать лекции. О книге: я ее почти закончил, привожу в порядок последние две главы (из 12-ти). Если принять во внимание — примечания и библиографию, то, думаю, она будет готова к началу лета (если, конечно, Бог даст). На машинке ее печатает Галя Трегубова, и делает это очень хорошо (но и медленно). Т.о. к Вам она попадет в готовом виде. «Пробное» заглавие: *Евхаристия, Таинство Царства*. Боюсь, не вычурно ли это? Думаю, что машиночного текста будет в ней около 250 стр. На днях получаю докторат *honoris causa* от Греческой Семинарии, нечто вроде этого получил от Антиохийцев. Видите, до чего доводят «болезни и печали». Господь милостив: я могу служить и читать лекции, а в этом и состоит мое скромное призвание. Нас очень зазывает к себе Наташа Солженицына, но пока что не собрались: болезнь создала во мне какой-то мистический страх оторваться от «дома». У нас тут несколько недель стояла дикая жара, ничего подобного никто из нас не испытывал. О «мире сем», о моих лекциях и оценках не пишу, потому, во-первых, что они, я убежден, совпадают с Вашими, и потому, во-вторых, что все это вгоняет меня в уныние. Вот если, как Вы пишете, Вы «заедете» к нам, мы зададим нашей «современности» достойное ее. Сегодня получил очень милую открытку от 10 движущихся, паломников, из Иерусалима. Вообще письмами я завален, что является дополнительной причиной моего — не-писания их.

Завтра, в канун Воздвижения Креста, мне стукнет 62 года! И я поражаюсь, как быстро прошла жизнь. Словно только вчера я поступал в Бог. Институт. Но я благодарен Богу за каждый час, за каждый день ее. Вот летом я читал очередной volume дневника Julien Green'a. Он назвал этот том: «la terre est si belle!» И никогда я с такой силой не чувствовал, что основа всего в христианстве — благодарение. И Вас, друже, я хочу поблагодарить за Вашу дружбу. Вас и Машу.

Очень надеюсь Вас увидеть как можно скорее, и, как писал Ап. Павел — «насладиться верой, нашей и вашей...»

Пока же крепко обнимаю Вас, Машу и чад Ваших. Как я рад, что новоиспеченный японец* посетил Вас.

Господь с Вами, всегда Ваш
Ал. Шмеман.

* Японец: Даниил Никитич Струве, стажировавшийся в Японии.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

СЛОВО при открытии памятника Вандейскому восстанию

Вандея, 25 сентября 1993

Господин президент Генерального Совета Вандеи!

Дорогие вандейцы!

Две трети века назад, еще мальчиком, с восхищением читал я в книгах о мужественном и отчаянном Вандейском восстании, — но никогда бы не могло мне и пригрезиться, что в старости доведется мне честь самому открывать памятник героям и жертвам того восстания.

От него прошло уже двадцать десятилетий — и с разными десятилетиями в разных странах, совсем не только во Франции, Вандейское восстание и его кровавое подавление виделись по-новому и по-новому. Да все события истории никогда полностью не понимаются в раскале современных им страстей — а только на большом отстоянии охладительного времени. Долго не хотели услышать и признать того, что кричало голосами погибающих и даже сжигаемых заживо: что крестьяне трудового края, ради которых будто бы и делалась революция, — доведенные именно ею до крайности притеснения и унижения — восстали против нее!

Что всякая революция выпускает из людей наружу инстинкты первобытного варварства, темную стихию

зависти, жадности и ненависти — было слишком видно и современникам. Достаточно страшно достался им тот повальный психоз, когда проявить себя, да даже только показаться умеренным — уже выглядело преступлением. Но особенно XX век сильно и сильно снизил в глазах человечества тот романтический ореол революций, который еще господствовал в XVIII-м. Отдаляясь на полувека и века, люди стали все более убеждаться на своих же бедах, что революции разваливают органичность общества; разоряют естественность жизни; уничтожают лучшие элементы населения и открывают простор худшим; что никакая революция не может обогатить страну, лишь немногих бессовестных ловкачей, своей же стране в целом несет она многие смерти, широкое обнищание — а в самых тяжелых случаях и долговременное вырождение народа.

Да само слово «революция» от латинского *revolvere* — означает «катить назад», «возвращаться», «снова испытывать», «вновь разжигать», в лучшем случае — «переворачивать». Незавидный перечень смыслов. Сегодня в мире если к какой революции и прилагают атрибут «великая» — то с большой осторожностью, а нередко — и с большой горечью.

Теперь мы все более понимаем, что страстно желаемый нами социальный эффект, но с неизмеримо меньшими потерями и без всеобщего одичания, — достигается нормальным эволюционным развитием. Надо уметь терпеливо улучшать то, что у нас есть в каждое «сегодня».

И тщетно было бы надеяться, что революция может изменить к лучшему человеческую природу — а ваша революция, и особенно наша, российская, — сильно надеялись на это. Французская революция текла во имя внутренне противоречивого и неисполнимого лозунга — «свобода, равенство, братство». Но в общественной жизни свобода и равенство — исключают друг друга, враждебны друг другу: ибо свобода разрушает социальное равенство, в этом и свобода, а равенство — подавляет свободу, иначе его не достичь. Братство же — вообще не из их семьи, это лишь крылатый добавок к лозунгу:

подлинное братство достигается не социальными средствами, а лишь духовными. А еще ж к этому тройному лозунгу угрожающе добавлялось «или смерть!», уничтожая уже и весь смысл его.

Никакой стране никогда не пожелаю «великой революции». Революция XVIII века лишь потому не погубила Францию, что в ней состоялся Термидор. А вот в российской революции не было останавливающего Термидора — и она, без излома, докатила наш народ — до конца, до пропасти, до пучины гибели.

Мне жаль, что здесь сегодня нет ораторов, которые бы добавили еще и от пережитого в глубинах Китая, Камбоджи, Вьетнама, — какой ценой далась революция им.

Опыта Французской революции, кажется, было достаточно, чтобы наши российские рационалисты-устроители «народного счастья» научились на нем. Но нет! — в России все совершилось в еще худшем виде и несравнимых масштабах. Многие жестокие ухватки французской революции были ученически повторены на теле России коммунистами-ленинцами, интернационал-социалистами — только их организованность и систематичность были много выше якобинских.

Термидора у нас не было, но Вандея — к нашей духовной гордости была и у нас, и даже не одна. Это большие крестьянские восстания — Тамбовское 1920-21, Западно-Сибирское 1921. Известен такой эпизод: толпы крестьян в лаптях, с дубинами и вилами, пошли на Тамбов под колокольный звон окрестных сел — и посечены пулеметами. Тамбовское восстание продержалось 11 месяцев, хотя коммунисты давили его броневиками, бронепоездами, самолетами, брали в заложники семьи повстанцев и уже готовили к применению отравляющие газы. И еще было у нас — непримиримое сопротивление большевизму казаков уральских, донских, кубанских, терских, залитое огромной кровью, геноцидом.

И вот, открывая сегодня памятник Вашей героической Вандее — я испытываю двоение взгляда: я мысленно вижу и те памятники, которые когда-нибудь

поднимутся в России — как знаки нашего русского сопротивления накату зверского коммунизма.

Мы все с вами пережили XX-й — насквозь террористический — век, содрогающее увенчание того Прогресса, о котором столько мечталось в XVIII-м. И, я думаю, теперь — все больше французов, со все большим пониманием и гордостью будут вспоминать и оценят самоотверженное вандейское сопротивление.

Дамы и господа!

Через несколько минут вы услышите Жана Пиа,* который будет говорить о чудовищном насилии, завершившемся побоищем в Люк-сюр-Булонь. Текст для него составил я.

Конечно, об этой услуге могли попросить одного из моих вандейских коллег или кого-нибудь из тех, кто беззаветно предан белому знамени, для кого оно и по сей день символ сплочения. Ибо я ведь не вандеец, я республиканец, и министром был не в правом правительстве.

Я указывал на это тем, кто несколько месяцев назад пожелал, чтобы я рассказал об адских колоннах и побоище в Люк-сюр-Булонь. Я сказал: «Обращаясь именно ко мне, вы можете вызвать недоумение ваших лучших друзей». На что мне ответили: «Это неважно. Важно знать, согласны ли вы». Я не только согласился, но и поблагодарил за оказанную мне честь.

В замечательной истории Франции есть как светлые, так и темные страницы. Я думаю, что все граждане нашей страны должны делить бремя ответственности как за те, так и за другие. Если мы вправе *вместе* радоваться славным событиям нашей истории, то должны также *вместе* сожалеть о зле, которое в определенные периоды истории одни причиняли другим.

Я думаю также, что все французы, каковы бы ни были их политические и религиозные взгляды, должны относиться с уважением к потомкам жертв, к какому бы лагерю последние ни принадлежали.

Так как мне дорога свобода, я считаю, что основы французской демократии заложили те представители Генеральных Штатов, которые в 1789 году поклялись не уходить из зала для игры в мяч, не выработав для Франции Конституции. Я думаю, что они же, вместе с представителями аристократии и духовенства, навечно

* Жан Пиа — известный французский артист.

вписали славную страницу в историю нашей страны, дав миру Декларацию прав человека.

Мне бесконечно дороги идеи Французской революции. Однако, в противоположность великому вандейцу, каким был Клемансо, я отказываюсь признать, что революция представляла собою монолитное целое. В подобном случае в ней следует либо все принять, либо все отвергнуть.

Трагический эпизод насилия над Вандеей не делает чести революции. Но следует ли из этого, что сторонникам идей 1789 года надо вечно отнекиваться? Следует ли отвергать исторически очевидное ради защиты идей революции?

Признав во всеуслышание совершенное и высказав сожаление о случившемся, разве не смягчим мы той боли, которая и два столетия спустя все еще живет здесь за придорожным кустарником, под каждым камнем вандейских дорог?

В школьном учебнике моего детства о драгунах, жертвами которых были коммунары, не говорилось ни слова. Описанию вандейской резни отводилось две строчки. И одна — подавлению Парижской коммуны. Я горжусь тем, что в 1971 году открыл для миллионов телезрителей тот факт, что по приказу Тьера было совершено 25, а вероятнее 30 тысяч бессудных казней и что никто даже не подумал удостовериться в виновности всех этих расстрелянных людей.

Теперь не проходит и недели, чтобы молодые люди, участники телевизионных передач, не требовали правды о событиях 1940–45 годов. Раньше им рассказывали лишь о героизме французов. Теперь, спустя 50 лет, они узнают о преступлениях, которые тоже имели место, и не понимают, в чем дело.

Два столетия тому назад по всей Вандее адские колонны убивали и жгли. Настало время всем нам почтить память жертв, не только тех, кто убит в Люк-сюр-Булонь, но и всех погибших вандейцев.

Я здесь сегодня с вами именно потому, что я сторонник прав человека. Я подумал, что престиж республики лишь возрастет от того, что историк-республи-

канец всенародно засвидетельствует факт попрания прав человека в Вандее.

Сколько нас ни есть, мы должны основать в Люк-сюр-Булонь священный союз памяти.

Поначалу была война. «Война гигантов», по выражению Наполеона. Противоборство двух армий: армии республиканской и армии королевской. «Синие» сражались под трехцветным знаменем, «белые» — под знаменем Священного Сердца.

«Мятежники бились как тигры, — говорил Клебер, — мы же как львы». И если были убитые, много убитых, то главным образом в сражениях. По свидетельству Марсо, вспоминающего об этих событиях как о чем-то обыденном, «наши солдаты устроили чудовищную резню». Но и великая католическая королевская армия в долгу не осталась.

Эта война кончилась разгромом последних вандейских отрядов войсками Вестермана в Савенз, 22 и 23 декабря 1793 года. В обращении к Комитету национального спасения этот «синий» генерал недвусмысленно засвидетельствовал гибель восставшей Вандеи: «Граждане, Вандеи больше не существует... Она разбита нашими свободными саблями. Я только что похоронил ее в болотах и лесах Савенз... Дети растоптаны копытами лошадей, перебиты женщины, и что касается последних — они не будут больше рожать разбойников. На моей совести нет ни одного пленного».

По мнению Клебера, победа республиканцев заставила отчаяться последних мятежников. Кучки верных все еще следовали за Стоффле и за Ларошжакленом. Кое-кто еще подчинялся Шарету. Только бы, повторял Клебер, только бы никто не надумал «чистить» край. Для установления порядка довольно будет простых полицейских мер. И теперь поражает его здравомыслие: «чистка» «заставит крестьян, которые сейчас сидят по своим углам и ни о чем не мечтают, кроме покоя,

объединиться вместе, и тогда мы станем свидетелями формирования новой армии в Вандее».

Клебера не послушали. В Нанте республиканец Каррье уже подумывает, как разгрузить переполненные тюрьмы. Завтра начнут топить заключенных. Генерал Тюрро назначен главнокомандующим западной армии.

Тюрро. Вот кто выходит на сцену. Когда пьеса захватывает зрителя, он требует на сцену автора. Автор нашей пьесы — Тюрро.

Зверь? Да нет. До революции этого сына управляющего королевскими угодьями звали Тюрро де Гарамбувиль. Он служил в гвардии графа д'Артуа. Увлечаться новыми идеями стал лишь весной 1791 года. Добровольцы, уходившие к границам защищать республику, выбрали этого опытного человека своим подполковником. В северной армии он становится ротным генералом, а через месяц — генералом дивизии. Он станет главнокомандующим армии в Восточных Пиренеях, откуда его призвуют на Запад. На горе Западу. Ему 37 лет и он знает край. Он приезжает, проникнутый одним убеждением: всякое проявление гуманности будет воспринято восставшими как слабость.

Тюрро сразу же отвергнет миротворческие предложения Клебера. «Это не для меня!» Он хочет действовать согласно тексту, который для него основа основ, — по декрету, принятому Конвентом 1 августа 1793 года. Раздраженный тем, что вандейцы побеждают повсюду, Конвент приказывал, чтобы леса, рощи и перелески мятежников были вырублены, урожаи уничтожены, скот конфискован, женщины и дети депортированы вглубь республики.

Довести исполнение декрета до конца никак не успевали. Тюрро решил, что он это сделает. Он хотел даже большего. В пятницу, 17 января 1794 года, он приказывает 102 709 солдатам, которых бросает на Вандею:

«Все разбойники, застигнутые с оружием в руках, или убежденные враги патриотов должны быть подняты на пику. Так же следует поступать с девушками, женщинами и детьми... Все, что горит, должно быть предано огню...»

Вооруженные этим страшным приказом, двенадцать колонн будут продвигаться по обескровленной стране. Через некоторое, весьма короткое, время они получают название, которое история закрепит за ними навечно: «адские колонны».

Тюрро провозгласил: «Вандея должна стать национальным кладбищем».

II

Адские колонны движутся с Востока на Запад. Как хотел того Тюрро. Каждый начальник знает: нужно уничтожить Вандею и вандейцев. Некоторое время спустя Гракх Бабеф первый придумал название для происходящего: «надо обезнародить Вандею» (*dépopulationner*).

Вандея в огне. Вандейцы гибнут. Начальники докладывают. Генерал Гриньон: «Дело идет хорошо, мы убиваем не меньше сотни в день...»

Стоит запомнить имя генерала Корделье: «Я приказал перерезать всех попавшихся нам злодеев и сжечь фермы. Мой приказ был точно исполнен, и сейчас пламя сорока горящих ферм освещает местность... Я «отправил в кусты» (что означает расстрелял) около шестисот человек обоего пола...»

Генерал Дюкенуа: «Я сжег и перерезал всех обнаруженных мною жителей».

Неви: «Я попросту сжигал и раскраивал черепа».

Убивают и сжигают. Сжигают и убивают. В штабе Тюрро накапливаются донесения.

Генерал Авриль: «Я приказал сотне мятежников Сен-Лифар лечь на землю. Многие сгорели во время пожара в предместье».

Все эти мятежники были вооружены? Это именно те «разбойники», о которых говорилось в приказе? Ничего подобного. Это деревенские жители, которые как раз не пожелали уходить за Луару вслед за теми, у кого было больше оснований опасаться прихода «синих».

Никакой пощады — таков приказ. Тюрро колебался относительно женщин и детей. Он хотел иметь пись-

менное распоряжение от Комитета национального спасения. «Если нужно их всех заколоть, то я могу осуществить подобную меру только при наличии постановления, снимающего с меня всякую ответственность». Комитет предпочел не ответить.

Часто самые неопровержимые свидетельства исходят от республиканской армии. К примеру, от ее главного интенданта Бодесона: «Желая лично убедиться, не осталось ли провизии в разбросанных там и сям полуобгоревших домах, я зашел в некоторые из них. Что же я увидел? Отцов, матерей, детей разного возраста и пола, обнаженных, лежащих в крови, в позах, один вид которых заставит содрогнуться самого жестокосердного человека. Рассудок мутится даже от одной мысли об этом».

Многие из тех, кто совершал эти чудовищные преступления, поступили на военную службу по призыву Дантона, чтобы защитить республику. Среди убивавших крестьян были крестьяне. Ремесленники убивали ремесленников. Буржуа убивали других буржуа, и даже аристократы командовали истреблением тех, кто сражался за короля. Незадолго перед тем, в Бельгии и Рейнских землях, их встречали с цветами как посланцев свободы, а не завоевателей. Теперь они вспарывали женщинам животы и кололи шпагами грудных младенцев. Почему?

Быть может один из участников этих ужасных событий, которым нет названия, попробует набросать невозможный ответ. Это капитан Дюпюи. Он служит в батальоне — нарочно не придумать такой подробности — в батальоне Свободы! Он пишет своей сестре: «Всюду, куда ни приходим, мы несем огонь и смерть. Ничто больше не принимается во внимание, ни пол, ни возраст. Вчера одно из наших подразделений сожгло деревню. Один доброволец сегодня утром убил трех женщин. Это чудовищно, но спасение Республики настоятельно того требует...»

Его ужасает то, что он делает, однако он делает это, так как ему сказали, что надо это делать. И он прибав-

ляет — мы словно слышим, как он вздыхает, выводя слова на бумаге: «Что за война!»

Тем временем Тюрро озабочен. Он настойчиво запрашивает Комитет национального спасения, отвечает ли его план намерениям Конвента. Его не удостоивают ответом. Он спрашивает снова. На сей раз безуспешно. Можно себе представить, как нетерпеливо вскрывает он пакет с республиканской печатью. И что же в нём? Следующее:

«Ты жалуешься, что не получил от Комитета формального одобрения принятых тобою мер. Последние представляются ему хорошими, а твои намерения — чистыми. Но, находясь вдалеке от театра военных действий, Комитет ожидает настоящих результатов, прежде чем высказаться по вопросу, в котором он, как и Конвент, был столько раз обманут».

Итак, судить его будут в зависимости от успеха. Конечно, ниже в письме ему советуют сделать все возможное, чтобы уничтожить мятежников. Но в эту эпоху неудачливые генералы-республиканцы гильотинировались.

Тюрро делает вывод: необходимо удвоить усилия. Иначе говоря — жестокость. Нужно жечь еще и еще. И убивать, убивать, убивать.

Есть деревня, которая — больше других — заплатит за это беспощадное решение. Название ее — Люк-сюр-Булонь.

III

Что же произошло в Люк-сюр-Булонь в конце февраля 1794 года?

Ужасающее массовое убийство.

Как оно происходило? Тут уже историк обязан сказать, что этого мы не знаем. Нам известно, кто были жертвы и какого они были возраста. Но никогда никто не узнает в точности, как они умирали. Если в других местах уцелевшие могли кое-что рассказать, то здесь этого не мог сделать никто. Никто.

В Люк-сюр-Булонь говорят только цифры. Более пятисот человек, мужчин, женщин и детей, но особенно женщин и детей, было убито двумя колоннами под начальством генерала Корделье.

Вот они идут, эти колонны. Приближаются по проселочным дорогам, где идущего человека видно, а он никак не может увидеть тех, кто застыл за цепью кустарника.

Республиканских генералов приводил в исступление один из предводителей вандейцев — Шарет. Отдан приказ уничтожить его. 17 февраля пронесся слух, что он в Большом Люке. Тюрро хочет самолично руководить атакой. 22 февраля республиканские отряды начинают наступление. Тюрро пишет в Комитет национального спасения: «Наконец я сам увидел господина Шарета, с ним было несколько прячущихся в кустах стрелков». Он увидел его — и только. Шарет исчез.

28 февраля 1794 года отряды генерала Корделье выступают по направлению к Большому и Малому Люку. Одна колонна переходит реку около мельниц Одреньер, поворачивает на юг и идет по левому берегу в сторону Большого Люка. В то же время отряд под началом Мартинкура продвигается по правому берегу к Малому Люку.

Корделье, убежденный, что «Шарет затравлен», — его собственные слова — сообщает, что в тот же день его отряды атакуют Большой и Малый Люк.

Больше ничего официальные документы не сообщают. И мы не узнали бы ничего о том, что произошло дальше, если бы священник Барбедет, настоятель церкви Святого Петра в Большом Люке, не вернулся в свой приход через несколько дней после бойни. С поражающим упорством, пользуясь помощью несколькихцелевших жителей, он принялся выяснять имена тех, чьи трупы просто бросили разлагаться.

Надо, чтобы в моем чтении вы слышали голос этого кюре Барбедета, произносящего последние строки составленного им страшного отчета, свидетельствующего перед историей: «Каковы имена лиц, перебитых в приходе Большого Люка, сообщены мне родствен-

никами, которые избежали резни, дабы внести их в настоящий реестр, поскольку возможно было установить означенные имена в годину неслыханных гонений и при том, что тела более месяца пролежали в полях непогребенными. Несомненную правдивость изложенного я и заверяю как очевидец бедствия, сам не раз чуть не ставший его жертвой. 30 марта 1794. Настоятель храма Святого Петра в Люке Барбедет».

И больше никаких письменных доказательств? Нет, есть. Республиканский солдат по имени Шаплен вел дневник. Вот запись за этот день: «Трудный день, но удачный. Никакого сопротивления. Нам удалось уничтожить целое гнездо ханжей, которые всячески выпячивали свою приверженность фанатизму. Наши отряды затем продвигались вперед нормально».*

Список кюре Барбедета пролежал восемьдесят лет на чердаке. Когда рукопись найдется, кое-кто из рода «синих»** закричит о подлоге. Они не захотят поверить в такое варварство. Конечно, фальшивка! В свою очередь, «белые» историки сделают из документа орудие войны.

Теперь сомнений больше нет. Архивы сохранили документы. Исследователи сделали выводы. Последние доказательства содержатся в труде Пьера Морамбо, и они имеют решающее значение. Список кюре Барбедета содержит 564 имени. Из них 559 подтверждены другими источниками. Душа леденеет, когда узнаешь, что среди них — сто десять детей в возрасте «семи лет и меньше».

* В оригинале восставшие крестьяне Вандеи названы презрительным словом «calottins», то есть люди, приверженные Церкви и духовенству; этот термин, возникший во Франции в XVIII веке, сохранился до наших дней. Но тогда он был равносителен смертному приговору. А вместо глагола «уничтожить» или «убить» браваый республиканец употребляет неологизм «decalotter», который приблизительно можно перевести «ошельмовать», «распотрошить»: прообраз позднейшего советского «раскулачивания» и синоним убийства верующих, о котором некоторые и теперь говорят с ухмылкой. — Прим. переводчика.

** То есть сторонников республики. — Прим. переводчика.

Вот в деревне раздаётся крик:
— Синие идут!

Поздно. Они уже тут. Выбиваются двери, кричат женщины, не выпуская из рук четки и падая перед смертью на колени, другие пытаются закрыть собой детей. Мужчины бессильно сжимают кулаки, напрасно пытаются найти оружие. «Синие» набрасываются на них с руганью, с проклятьями, словно это помогает справиться с грязным делом. Кто-то бросается бежать. Кто-то хватается за детей. Кто-то плачет навзрыд. Крики замирают в хриплой агонии. Кто-то прячется, его находят. Штыки мелькают, колют, вспарывают животы, перерезают горло. Тщетные мольбы жертв — и ругань все свирепеющих убийц. Кого-то приканчивают сразу, другим придется мучиться часами. А потом шумное пламя поглотит всё: скот, дома, утварь, бедные лохмотья и тех, кто пытался спастись, схоронившись где-нибудь под бревнами. Огонь, слезы и кровь.

С тех пор прошло два века.

Смерть ваша тогда только не будет напрасной, дети Вандеи, если память о ваших замученных маленьких телах остановит руку тех, кто и теперь готов на преступление отбрасывают весь человеческий род к звериному состоянию. Об этом надо неустанно напоминать нашим детям. Даже если у палачей откроются наконец глаза и они ужаснутся своему варварству. Даже если потомки жертв, ничего не забывая, захотят простить заблудших братьев.

РЕЧЬ ФИЛИППА ДЕ ВИЛЬЕ

Сегодня Вандея исполняет долг памяти.

В присутствии прославленных современников, окруженная теми, кому так или иначе близки ее испытания, Вандея вспоминает сегодня, что в 1793 году она стала избранницей ненависти.

Мы только что выслушали текст Алена Дэко, нашего нелицеприятного историка, который, не поступаясь своими убеждениями, имел мужество признать, что во французском республиканском братстве до тех пор будет ощущим изъян, пока уничтожение Вандеи не будет признано именно уничтожением.

Поблагодарим Алена Дэко и прочитавшего текст Жана Пиа.

Мы сейчас услышим Александра Солженицына, который будет говорить о французской Вандее и о русских вандейцах. Его присутствие здесь, в Люках, напоминает о том, что вне Франции Вандея давно уже — одна из вех мировой истории.

Географы сообщают, что Малый Люк раскинулся между зеленеющим холмом и уютной долиной. Но метафизика более правильно помещает его на краю бездны, в месте полной оставленности, лицом к лицу со злом.

Малый Люк — это имя раздавленной, снесенной с лица земли деревни.

Маленький Люк — это имя замученного ребенка, который протягивает к нам руки из пламени. Маленький ясноглазый Люк, мы слышим твой раздирающий крик в ночи побоища, в ночи забвенья. Тебя, ставшего лишь пучком крапивы под нашими грубыми подошвами, мы берем сегодня вечером за руку с беспредельным почтением, чтобы вместе подняться на холм жертвы, к вратам часовни.

Сегодня Малый Люк, деревня-страстотерпица, мученик истории, вступает в особый архипелаг метафизической карты мира. Это — карта памятных мест человеческого страдания. Потому что люди нашли мужество

признать, что иногда способны стать нелюдьми. Потому что они решили не допустить всенивелирующего забвения.

Этот холм стал вершинной точкой последовательного истребления вандейского народа. Тем самым — одним из символов сопротивления вандейцев. С обожженными кольями, в грубой одежде, со Святыми Дарами, они поднялись и пошли, платя дорогую цену, но победно, на защиту свободы совести. Их порыв был порывом веры.

Если французский дух сохранил свободу верить, то этим мы во многом обязаны отказу вандейцев примириться с пленением свободы.

Нет, ничто не проходит бесследно. А когда все потеряно — остается Надежда.

Итак, долг памяти связан для нас с долгом прощенья.

Нравственный инстинкт вандейцев, в горящей печи взывающих: «Лама савахфани!» — навсегда отсекает всякую возможность мести.

Так зачем же память?

Затем, чтобы открыть путь Прощению: Прощению, когда-то данному, для того чтобы оно пребывало; Прощению, которого еще не просили, для того чтобы о нем стали просить.

Прощение прямо противоположно забвению, ибо забвение — это тупик, где кормятся обида и месть. А Прощение — это алхимия чувств, переплавляющая зло в новую возможность добра. Прощение опирается на память в своей жажде примирения, но ему необходимо, чтобы совершённое зло было признано таковым.

Вандея не должна больше быть позорной тайной французской истории. Если мы не признаем реальности террора, то преградим путь к примирению, ибо это будет означать, что прощение не нужно.

Прощение распутывает узлы. Вандея простила. И речи нет о том, чтобы призвать Вандею в свидетели обвинения против республиканского устройства. Величие республики в том, чтобы быть матерью для всех своих детей и хранить память обо всем, что было.

Путь памяти — это путь будущего, то есть путь бдения.

Тот, кто сегодня, или когда-нибудь, обойдет мемориал Малого Люка, ничуть не почувствует себя чужим. Он встретится здесь со свободной мыслью, которая жизненно важно предпочла призрачной свободе. Он пойдет с теми, кто за утопией провидел преступление, кто отказался от лишнего сути настоящего. Его утвердят в свободе те, кто за много лет до него сопротивлялся сиюминутной ограниченности идеологий. И здесь память уже не услада, а бдение. Голос величайших поэтов будет сопровождать его как вековое эхо, откликающееся на события дня.

Мемориал — это не музей. Ибо не в том задача, чтобы уберечь вещи от тления, а в том, чтобы выразить на мощном языке современного искусства вневременность вандейской вести. Здесь потрудились нынешние вдохновенные мастера. Созданный ими путь поведет нас по аллее истории, по дороге памяти, к обугленной стене, вверх к часовне и назад; это — подлинно духовный путь.

Это символический путь истории человечества, и первым на него вступит исключительный человек, который уже принадлежит мировой истории и одним своим присутствием открывает нам глубокий смысл того, что мы здесь совершаем. Вандеец из России, он душой и телом изведаль террор, первые шаги которого совершались в этих местах. Именно здесь Красное Колесо, которому суждено было раздавить Россию, сделало свои первые обороты. Этот человек освободил свой народ, освободил свой век, которому скоро будет присвоено имя «века Солженицына». И именно этому человеку мы обязаны самой решительной атакой против лжи.

Дорогой Александр Исаевич, за развилкой лесных дорог, где скрывались тамбовские крестьяне, вы встретились с Вандеей, Вы полюбили Вандею; Вы слышали страшную фразу Ленина — нам нужны Вандеи, и сегодня, находясь среди нас, Вы ответили ему: нам нужны вандейцы, те, которые способны и хотят помнить.

Вы сумели увидеть в вандейском пейзаже, в безымянных крестах и часовнях символы восстающего сознания, отказавшегося от соблазнов идеологии, Вы освободили человечество от всех цензур, Вы освободили нашу память, побуждая одновременно восстановить нить времен, чтобы вывести человечество из мрака и оцепенения, чтобы эта юдоль плача осветилась бесконечным светом.

Малый Люк, крошка Люк, ты слышишь, мы шепчем: кто сеет в слезах, пожинает в радости.

А. Дэко, А. Солженицын, Н. Струве, А. Дэлон при осмотре восстановленной вандейской деревни

А. СОЛЖЕНИЦЫН В ВАНДЕЕ (24–26 сентября 1993)

Приглашение принять участие в открытии мемориала Вандейским мученикам А. Солженицын получил, когда была уже задумана прощальная поездка по странам Западной Европы. Согласие свое он дал немедленно, без тени сомнения, так как давно уже видел в Вандейском сопротивлении «точный аналог» крестьянским восстаниям в послереволюционной России, в частности Тамбовскому и Западно-Сибирскому.

Но вряд ли, давая свое согласие, Солженицын ожидал, что ему будет оказана такая триумфальная встреча. В вечер приезда Солженицын с супругой присутствовали на большом народном спектакле под открытым небом, изображающем историю Франции от средневековья до наших дней, через поколения одной и той же крестьянской семьи. Спектакль, придуманный и написанный 15 лет назад Филиппом де Вилье, основанный на добровольном участии местного населения, при самых передовых технических приемах, на фоне полуразрушенного замка Пюи дю Фу, имеет с тех пор колоссальный международный успех.

Появление Солженицына среди двухтысячной массы готовящихся к выступлению актеров, под прожекторами многочисленных телевизионных камер, вызвало невероятное столпотворение. «Видеть Солженицына в двух шагах от себя, — писал один журналист, — производит сильнейший эмоциональный толчок. Такая идет от него сила, такой волевой упор». Когда, пробравшись наконец через толпу, Солженицын появился перед трибунами, все 13.000 зрителей (несмотря на холод, не оставалось ни одного свободного места) встали как один, и долго его приветствовали.

То же самое повторилось на следующий день. Всюду, где Солженицын ни появлялся, собирались восторженные толпы, появлялись зачитанные книги, которые его просили подписывать. Утром состоялся осмотр восстановленной деревни XVIII века, которую оживляют

добровольные ремесленники или артисты; под вечер, по дороге в мемориал, Солженицын посетил замок Ла Шаботери, из которого был увезен на расстрел раненный в бою де Шарет, «герой Вандеи и прославленный защитник веры отцов и королевского трона» (по выражению Суворова), осмотрел устроенный в нем музей, где внимание автора «Архипелага» было остановлено, в частности, подлинными списками населения, приговоренного к расстрелу, а также «революционными» часами, устроенными по десятичной системе. Холодный проливной дождь не помешал огромной толпе, съехавшейся со всех концов Западной Франции, присутствовать на открытии мемориала и на длинном вечере, где речи перемежались с музыкальными номерами. И здесь, перед тем как Солженицын начал свою речь, двадцатитысячная толпа встала и долго ему аплодировала.

В последний, третий день в Вандее, Солженицын присутствовал на воскресной мессе в церкви, где покоятся мощи местного святого, знаменитого проповедника Луи-Мари Гриньона де Монфор (1673-1716), а днем принял участие в открытии стеллы в память пребывания М. Цветаевой в Вандее. На следующий день он отбыл в трехдневную частную поездку по Бретани.

Н. С.

Из откликов во французской печати

Академик Андре Фроссар

А. С. еще не произнес ни одного слова во Франции, его еще не видели у Бернара Пиво, как его уже раскритиковали, так сказать, превентивно.

Не согласился ли он участвовать в церемонии памяти Вандейских побоищ у известного еретика Филиппа де Вилье? Не имеет ли он порочных мыслей о демократии? Он должен бы знать, что обсуждать ее недопустимо. Она чиста, совершенна, это всем известно. В Западной Европе никому не придет в голову ее улучшить.

«Фигаро», 18. IX-93.

П. де Плюнкет

В Москву! В Москву!

Левая — вызов всем естественным законам. Сведенная к фигурке Мишеля Рокара и к добродетели Бернара Тапи, она еще находит возможность смотреть свысока. Это ее окрыляет. Уже целую неделю Левая претендует померяться с Солженицыным.

В чем она его упрекает: в 400 километрах, отделяющих Париж от Пюи дю Фу.

Приезжать в следующую субботу говорить с вандейцами в год двухсотлетия — с 1793 года, — который Левая хотела бы стереть, соскрести, отмыть, это де наглость со стороны Солженицына. Жалуются его издателю, публично об этом заявляют. Жан Даниель старается посеять сомнение: исходя от русского, по случаю первого путешествия по Европе, пишет он, этот вандейский трюк таит подозрительную подоплеку.

Даниель — человек образованный. Его ошибка удивляет. Она — двойная, он как будто думает, что в 1793 г. виновными были вандейцы; он как будто не знает, что память об их уничтожении вдохновляла Ленина, что Сталин уморил голодом Украину, приводя в пример «адские колонны». То, чего не знает Даниель, Солженицын знает: потому и пожелал поехать в Вандею.

Но в сущности, так ли уж само двухсотлетие заботит Даниеля?

Его статья, полная внешних восхвалений и скрытых претензий, направлена прямо против Солженицына.

Интеллектуальный Запад 70-х годов думал, что летописец Гулага его нежно любит. Но, в 1974 высланный из страны, лишенный гражданства, Солженицын обосновался в Соединенных Штатах. Завеса разорвалась.

То, что А. И. думает о судьбах народов, интеллектуальный Запад вскоре узнает без всякого удовольствия.

Сначала была Гарвардская речь о моральном кризисе Запада...

Уязвленный этой речью «доминирующий интел- лектуальный слой» счел Солженицына плебеем.

В его глазах изгнанник стал мужланом.

Затем Восток развалился. Что делать с остатками?

В 1990 г. С. опубликовал 112 страниц, озаглавлен- ных «Как нам обустроить Россию». Он советовал не подражать ошибкам Запада, предлагал демократию малых пространств, а не партий, писал о нациях как о семьях, а не как о распыленных особях.

Тогда парижские говоруны впали в неистовство. Солженицына обозвали мистиком, философом-казакком, и он был объявлен не слишком рукопожатным.

И доколе же он будет усугублять свою вину?

В январе 93 г. они напали на культуру конца века, на музыкальные и художественные уродства. Тут уж криков не было. Уже некоторое время Левая поджидала блаженного известия о возвращении затворника в Святую Русь. В Москву! В будущем году, вероятно.

Но пусть Интеллектуальный Запад не торопится успокаиваться. А. И. готовит ему последнее испытание. Он будет возвращаться поэтапно.

Вандейцы немного порадуются.

«Фигаро-магазин», 18.IX-1993.

Бертран Лежендр

...Солженицын, осторожнее некоторых употребляя слово «тоталитаризм», несомненно принадлежит к самым радикальным критикам 1789 года. Когда во время телевизионной передачи его спросили, не обязаны ли мы революции Декларацией прав человека, он ответил решительно: «Я порицаю все революции по существу... Они лишь осложняют ход истории». Церемония в Лю- ках, в которой он участвует, не только воздаст должное тем, которых Мишле, в других случаях выражавшийся более удачно, назвал «злодеями». Она имеет и другое значение, в буквальном смысле контрреволюционное, приглашая всех поразмыслить над теми срывами в истории, какими являются 1789 год, Октябрь и их

отростки. Эти размышления — удел не одних непри- миримых реакционеров. В своем *Эссе о революции* Ханна Аренд приписывает 1789-му году некий первородный грех революции, от которого двадцатый век еще не от- мылся. Затем появился *Архипелаг ГУЛаг* (1973). В нем, разоблачая ужасы сталинизма в их истинном размере, Солженицын одновременно обличает и «вчерашних и сегодняшних якобинцев». С другой стороны, Франсуа Фюре, в его ключевой книге *Продумать французскую ре- волюцию* (1984), считает, что «ГУЛаг заставляет заново обдумать период Террора в силу идентичности замыс- ла». Словом, с некоторых уже пор двоица Террор-ГУЛаг встречается у многих авторов в их высказываниях о 1789 годе. Встреча Солженицына с Вандеей как нельзя лучше иллюстрирует это новое прочтение истории.

«Монд», 25.IX-1993.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА И ВАНДЕЯ

Впервые, и единственный раз в стихах, М. Цветаева упомянула Вандею в заключительной строчке первого стихотворения из «добровольческого» триптиха «Дон», написанного 11 марта 1918 г. и прочитанного вслух на вечере поэтов в большевистской Москве 1921 года:

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.
Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:
Молодость-Доблесть-Вандея-Дон.

Ныне этот заключительный стих высечен по-русски и во французском переводе на камне в дюнах над морем, в приокеанском городке Сен-Жиль-сюр-Ви, где Марина Цветаева прожила 6 месяцев, с апреля по октябрь 1926 года, когда еще года не прошло после того, как из Чехии она перебралась во Францию.

Точных сведений о том, как и почему Цветаева решила среди года ехать на океан, не сохранилось. В Париже она жила в очень стесненных условиях у друзей Черновых-Колбасиных, в квартале, лишенном всякой зелени. Но очевидно, что Вандею она выбрала сознательно, как оплот французских добровольцев 1793 г., восставших, как и русские в 1918 г., «за дерево, за деревню». Вероятно, подобно Солженицыну, она еще ребенком слышала или читала «с восхищением» рассказы о доблестном и обреченном Вандейском восстании. Марк Слоним, хо-

рошо знавший Цветаеву, подтверждает: «В мятежниках этого края эпохи французской революции М. И. видела романтических героев и любила называть русские белые армии «нашей Вандеей»; поэтому и выбрала Сен-Жиль на Вандейском побережье для отдыха».

В Вандею М. Ц. съездила одна на несколько дней в начале апреля «искать жилище на лето». В письме к В.Ф. Булгакову, заботящемуся в Праге о ее чешском иждивении, М. Ц. пишет: «...нашла на океане. Маленький домик у рыбаков. Пески. Море. Никакой зелени. Увы, самое дешевое место оказалось еще слишком дорогим: 400 фр. в месяц, без электр. и газа. Вандея сиротская, одна капуста для кроликов. Жители изысканно-вежливы, старухи в чепцах-башенках и деревянных, без задка, туфельках. Молодые — стриженные. — Кончается старый мир! Еду на полгода — писать и дышать».

М. Цветаева поселилась одна с детьми, с дочкой Алей 14-и лет и сыном Георгием (Муром), полугодовалым, «в рыбацком домике», почти на самом берегу океана. «...Хозяева рыбак и рыбацка, вместе полтора лет. В sorciers не верят, но верят в mauvaises gens, qui jettent un sort (NB Sorcier именно тот, кто бросает sort. По-нашему дурной глаз). Меня — не то, что Чехи! — любят. Часто сижу в хижине со старухой, раздуваю огонь мехами, слушаю, говорю...». Время свое Цветаева проводила следующим образом: «Гуляние пожирает 3/4 дня, остальная четверть — все, что Вы знаете» (т.е. хозяйство). «На себя только поздний вечер... — и письма». Цветаева ехала, «чтобы писать и дышать». За полугодое пребывание в Сен-Жиле написано, точнее дописано, одно стихотворение — из сильнейших, отрывок «Ода эмиграции», и три небольших поэмы: «С моря» (стихотворное послание Пастернаку), «Попытка комнаты» и «Лестница». Письма же исчисляются десятками. Мужу, Сергею Эфрону, занятому евразийскими делами в Париже (он придет в Вандею лишь в июне), М. Ц. пишет каждый день. В Сен-Жиле разгорается эпистолярный роман à trois с Рильке и Пастернаком. Рильке Цветаева пишет в самом возвышенном ключе, без

каких-либо упоминаний о повседневности. Пастернак иногда их удостаивается. Но есть и другие корреспонденты, на более обыденном уровне: Анна Тескова, В. Булгаков, Д. Шаховской.

Хозяева М. Цветаевой в Сен-Жиле (снимок был передан старожилками в день открытия памятника).

Вандея встретила Цветаеву, в смысле погоды, не приветливо: письма испещрены жалобами на «суровую погоду», «однообразную природу» и собственную нелюбовь к морю. И утешение всегда одно и то же: зато «моя Вандея»:

«Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье *tous les vents se donnent rendez-vous*. Какие-то Норды, Осты, Весты, — и хоть один бы теплый! Океан. Сознаю его величие, но не люблю. Но все-таки радуюсь, что в *Vandee*, давшей когда-то столь великолепную вспышку *воли...*». «У нас Норд, об океане и думать нечего, мерзнем, кутаемся... Моя Вандея — суровая, как ей и быть должно» (к Д. Шаховскому). «Природа здесь однообразная: море, песок. Есть дюны, но не разлазаешься: мягкие, осыпаются под ногой. Но лучший климат для детей во всей приморской Франции. Кроме того — Вандея».

Кое-где появляются более подробные описания: «в семи километрах от нас, возле фермы *Mathieu*, крест с надписью: здесь такого-то числа 1815 г. убит *Henri de la Rochejaquelein*, вождь Вандеи». (Тут Цветаева ошибается, в 1815 году был убит не вождь Вандеи Анри, геройски погибший в 1794 г., а его брат, Луи де ля Рошжаклен, вернувшийся из эмиграции в 1801 г. и неудачно сразившийся с Наполеоном во времена «ста дней»). Упоминание свидетельствует о живом интересе Цветаевой к вандейской истории. В письмах к Пастернаку, среди бесконечных сравнений моря с горами, всегда в пользу последних, попадают и описания Вандеи. «Не думай, что красота: моя Вандея бедная, вне всякой внешней «heroics» и кусты, пески, кресты. Таратайки с осликами. Чахлые виноградники. И день был серый (окраски сна), и ветра не было. Но — ощущение чужого Троицына дня, умиление над детьми в ослиных таратайках: девочки в длинных платьях, важные, в шляпках (именно как!) времен моего детства — нелепых — квадратное дно и боковые банты, — девочки, так похожие на бабушек, и бабушки, так похожие на девочек... Но не об этом — о другом — и об этом — о всем — о нас сегодня, из Москвы или *St Gilles'a* — не знаю, глядевших на нищую

праздничную Вандею...». Цветаева воображает Пастернака как бы рядом с собой: «Я с тобой сейчас в Вандее, мая 26 года, непрерывно играю в какую-то игру, что в игру — в игры — разбираю с тобой ракушки, щелкаю с кустов зеленый (как мои глаза, сравнение не мое) крыжовник, выбегаю смотреть... опала вода или взошла (прилив или отлив)». И Пастернаку, и Рильке М. Цветаева посылает в коробочках по почте камушки, собранные на пляже. Отзвуки этой игры, выбор и собирание ракушек, звучат в письме-поэме с моря.

Я — без описки,
Я — без помарки.
Роз бы альпийских
Горстка, да хибарка

На море, да но
Волны добры.
Вот с океана
Горстка игры

Крабьи кораллы, читай: скорлупы.
Море играло, играть — быть глупым.
Думать — седая прядь! —
Умным. Давай играть!

В ракушки. Темп un petit navir'a...

Последние два месяца Цветаевой в Вандее были омрачены известием (впоследствии не оправдавшимся), что чешское правительство лишает ее стипендии, если она не вернется в Чехию, куда ей ехать не хотелось. «Возвращаться сейчас невозможно — домик снят и уплочено до половины октября, кроме того — нынче первый солнечный день, Борис. Возвращаться ни сейчас, ни потом мне невозможно: Чехию я изжила, вся она в Поэмах Конца и Горы (герой их 13-го обвенчан), Чехии просто нет» (Борису Пастернаку, 21 июня). И тем не менее какие-то планы возврата в Чехию все же делает. Свой преждевременный отъезд из Вандеи Цветаева

переживает остро: «Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца полетят. А не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро поезда», — пишет она Анне Тесковой 20-го июля, и в тех же тонах, того же числа, В. Булгакову: «Моя Вандея кончилась вчера, в день получения 500 кр.[он]. Я сейчас уже еду, все полтора месяца. Жду ехать. Странно, ведь я и раньше знала, что уеду, но 15-ое октября равно бессрочности, а 15-ое сентября — причем *непременное* — уже завтра, нет, сегодня, чуть ли не — вчера. Я не еду, я уже уехала. Погода испортилась? Все равно. Купаться нельзя? *Не* я купаюсь. Клянусь, что не преувеличиваю». Субъективно, вряд ли. Но объективно все складывалось не так жестко и безнадежно, как она себе представляла. Деньги появились, квартира под Парижем была найдена, в Чехию ехать не пришлось, и в Вандее она прожила почти весь намеченный срок, до первых дней октября. Правда, с хозяевами, рыбаком и рыбачкой, отношения к концу расстроились. Цветаева жалуется Тесковой: «Франц. хозяйки не лучше чешских, гораздо хуже: уезжая, надо лакировать шкафы и кровати, этого со мной в Чехии — да и нигде — не было. Грозят агентами и жандармами. Неизвестно за что. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были — первые) последнюю копейку».

В «свою» Вандею Цветаева больше не вернулась, хотя еще ездила на нелюбимое ею море трижды: в 1928 на океан, близ Ройана, южнее Вандеи, в сонме профессоров-евразийцев (Карсавин, Алексеев, Завадский) и семьи Н.О. Лосского, в 1935 на Средиземное, в Ла Фавьер, где основался русский летний поселок, наконец, в 1937, уже в одиночестве с Муром, на южный океан, в Лакано.

Но день открытия стеллы в Сен-Жиле, спустя 67 лет, был своего рода возвращением Цветаевой в «её» Вандею, но уже во славе: тысячная толпа, среди ненастного дня появившееся внезапно радужное солнце, торжественное открытие памятника, чтение ее стихотворений по-русски и во французском переводе, ее

писем из Сен-Жиля, блеск волн и, главное, присутствие Солженицына и обращенные к ней слова:

«Я рад и горд, что мне сегодня досталось участвовать в открытии этого памятника Марине Цветаевой. Своим местом и смыслом он символизирует духовную связь, которая была между Мариной Цветаевой и Ван-деей.

Что Цветаева — великий поэт России в XX веке, это отмечено сегодня уже и в речах, и в подписи. Я давно являюсь поклонником ее поэзии. Но кроме того, Цветаева писала великолепную прозу, и мне пришлось из ее прозы почерпнуть определенные уроки и опыт для собственной работы в русской литературе.

Так по многим причинам я чувствую себя сегодня сродненным и с этим местом, и с этой памятью.

Спасибо».

При публикации статьи А. Клементьева, посвященной жизни и трудам Л.П. Карсавина («Вестник РХД» № 167, I-1993), допущены опечатки:

— *Запись за 1881 год.*

Л.П. Карсавин родился 30 ноября 1882, а не 1881 года.

— *Запись за 1918 год.*

Сведения о работе Л.П. Карсавина в Петроградском Богословском институте относятся к 1920 году.

— *Запись за 1922 год.*

Из набора выпали две строки. Следует читать:

«Составил проект «Правил о магистерском испытании» для Исторического института.

Написал статью о русской духовности для религиозно-философского сборника, готовившегося в издательстве YMCA-Press».

СУДЬБЫ РОССИИ

Т. МИЛЮТИНА

ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ БЕЖАНИЦКИЙ*

О дедушке я знала только то, что он был очень добр, мягок характером, любил свою семью и был искренно верующим священником. Дом был гостеприимным. Живой и энергичный характер бабушки дополнял мягкость и терпимость дедушки.

Бабушка была яркой поборницей женской самостоятельности и хотела, чтобы ее дочери получили то, чего не смогла получить она, — высшее образование и материальную независимость. И тетя Зина, и мама — очень любившие своих родителей — унаследовали от них и их доброту, и свободомыслие, и любовь к людям. Желанием и старанием родителей, обе получили высшее образование: тетя Зина — педагогическое, окончив в Петербурге Бестужевские курсы, а мама медицинское, окончив в 1913 году медицинский факультет Тартуского Университета. Обе прожили совершенно независимо свою жизнь, максимально применив полученные знания и свое душевное богатство — на служение людям. Сейчас, в материалистический век, эти слова кажутся анахронизмом. Подавляющее большинство думает только о себе и своем заработке, хорошо, если заботятся о собственных детях.

Но, к счастью, в разные времена мироощущение людей не одинаково. И в конце XIX, и в начале XX века думающие и чувствующие люди рвались служить человеку, приносить пользу, забывая о себе и ощущая чужое страданье острее и больше, чем свое.

* Из рукописных воспоминаний «Сыновьям. Люди моей жизни».

Мне было 8 лет, когда в конце 19-го года — шедшее десять месяцев через всю вздыбленную Россию — до нас в Кисловодске добралось страшное письмо тети Зины, сообщавшее о гибели дедушки. Он был среди граждан города, взятых, как заложники, и расстрелянных 14 января 1919 года отступавшими красными. Это называлось — оправданный террор!

Благодаря милой и доброй Марте Германовне Клемент, подарившей две книги, в которых есть упоминание о поведении дедушки в кровавые дни 1906 года в Вильянди, когда царские карательные отряды расстреливали и секли людей, желая уничтожить дыхание свободы 1905-го года, а также моему очень своеобразному и милому моему сердцу троюродному племяннику — Александру Дормидонтову, снабжавшему меня материалами о дедушке, — я знаю теперь о Николае Степановиче Бежаницком гораздо больше.

Я пользуюсь этим фактическим материалом.

В Рижских Епархиальных Ведомостях № 17 от 1 сентября 1892 г. помещен некролог о моем прадедушке:

«Священник Стефан Ананьевич Бежаницкий.

21 июля, после продолжительной и тяжелой болезни, скончался один из старейших иереев Рижской Епархии священник Стефан Ананьевич Бежаницкий. Почивший пастырь церкви, по окончании курса в Псковской Духовной Семинарии, в 1846 году рукоположен был в священника в Оллустьерской церкви и затем последовательно проходил свое служение в Нейенгофской Покровской церкви, в Зонтагской Висильевской, в Кастолецкой, Геймадрской, Тугаланской и Михаэльской. Во всех местах своего служения он был не только ревностным проповедником веры православной, но заботился о просвещении и даже о материальных нуждах прихожан.

(Далее идет перечисление благодарностей: за упорядочение приходской школы, за попечение о бедных,

говорится о том, что почивший был депутатом при принятии документов и денежных сумм по Аренбургскому благочинию, членом строительного комитета (по постройке церковных зданий), депутатом и увещевателем по делам церковным, сотрудником журнала «Учитель благочестия»).

Погребение почившего состоялось в воскресенье 26 июля. После литургии, совершенной соборно семью иереями при пении местного церковного хора, вышли на отпевание десять священников, из которых пятеро были сыновья покойного и два зятя его. Перед отпеванием Мурровский священник П. Нездачин говорил проповедь. (...) Перед самым прощанием весьма прочувствованную речь произнес священник о. Васильков...

Народу, как на литургии, так и на отпевании, было множество; прощание прихожан со своим бывшим духовным отцом продолжалось около часу; было немало лиц и из соседних приходов. Гроб вынесли на руках из церкви священники-сыновья почившего, затем, обойдя вокруг церкви, передали его прихожанам. На двухверстном пути между церковью и кладбищем совершено несколько литий.

Покойный умер на 71 году жизни. Прими, Боже, дух его с миром».

У Стефана Ананьевича было три дочери — Анна Знаменская, Вера Лузик и Агния Муравейская. И пять сыновей — Виктор, Владимир, Александр, Николай и Василий.

Когда-то у нас была фотография, на которой были все пять братьев-священников. В 40-ом году мама носила ее с собой в портфеле и, улыбаясь, показывала, говоря: «Мое социальное происхождение».

Николай Степанович Бежаницкий родился 14 декабря 1859 года. Окончил Рижскую Духовную Семинарию. Мне запомнился рассказ о том, как ездили во время зимних каникул домой и на учебу — тулуп был один! В нем один из братьев сидел в санях, а второй налегке бежал рядом. Потом менялись. И так до Риги!!

Семья о. Николая Бежаницкого
1908 год

Мария Ивановна, около нее младшая дочь Клавдия — впоследствии врач-фтизиатр, заведующая Тартуским Тубдиспансером — доктор Клавдия Николаевна Бежаницкая.

Рядом с отцом — протоиереем Николаем Бежаницким — старшая дочь Зинаида — впоследствии педагог, инспектор Русской Городской гимназии, составитель многих учебников русского языка, по которым учились в Эстонии.

Женился 16 января 1883 года на дочери священника Иоанна Казаринова — Марии Ивановне Казариновой (родившейся в Ярославле 3 октября 1860 года). Она рано потеряла мать и воспитывала своего маленького брата. Бабушка рассказывала мне, что дедушка просил о. Иоанна выдать дочь замуж за него, не видев даже дочь. Мужчины сразу подружились, а молодые, увидев наконец друг друга, — понравились друг другу.

В короткий период до свадьбы было устроено катанье на санях. Из-за сугробов как-то не заметили откоса, и сани стали скользить вниз. Дедушка удержал, подставив свое колено, и лошадь вытянула сани на дорогу. С тех пор ему нельзя было становиться на колени — соскакивала коленная чашечка. В алтаре, искренно переживая богослужение, он забывал об этом, опускался на колени — и не мог встать. Церковный сторож всегда сторожил своего батюшку и помогал подняться.

Был священником в Перновском уезде, затем в Выру, в Вильянди и в Тарту — настоятелем Георгиевской церкви.

В Вильянди о. Николай Бежаницкий оказался в очень страшное время, когда царские карательные отряды жесточайшим образом старались подавить свободлюбивые идеи девятисот пятого года.

В 1932 году в Эстонии был издан сборник под названием «Красные годы» (Punased Aastad), содержащий воспоминания, документы о событиях 1905 года в Эстонии. Материалы опубликованы профессором Тартуского Университета, историком Хансом Круусом. После 40-го года он был ректором университета, в 46-м — президентом Академии Наук Эстонской ССР.

Карательные отряды бесчинствовали по всей Прибалтике. О том, что творилось в Вильянди в январе 1906 года, особенно в дни «кровавой бани» — 9 и 11 января 1906 г., рассказывает в своих воспоминаниях Март Таевере («Красные годы», стр. 151-155).

«...В то время в тюрьме было много учителей (...). Для поддержания с арестованными связи, использовал священник Бежаницкий устраиваемые по его инициативе в тюрьме богослужения. Там передавали письма

заклученным и принимали от них. Чтобы тайно провести эти действия, находил священник Бежаницкий всегда какие-нибудь причины, чтобы выслать на несколько минут тюремную стражу. Обычно он просил отнести стеариновые свечи и принести из другого помещения «забытые» им восковые. Но не каждый раз удавалась эта передача писем. Однажды вошел начальник тюрьмы, добросердечный поляк Фронтскевич, как раз тогда, когда др. Раамот засовывал в карман финские газеты. Пакет был слишком велик, чтобы его быстро спрятать. Думали, что я его передал, и меня поэтому в тюрьму больше не пускали. Др. Раамота спасла от угрозы расстрела его очень энергичная жена (...). Алексею Лелле Сиверс хотел дать телесное наказание. (...) Лелле категорически отказался, предпочитая расстрел. Розог он не получил и живет здоровым сейчас.

У Мартина Кельдера получилось с Сиверсом гораздо хуже, чем у Лелле. Через несколько дней после «Вильяндиской кровавой бани», как называл местный народ расстрелы 9 и 11 января — Сиверс осуществлял карательные вылазки в направлении Выртсарве. Он взял с собой Кельдера. До отъезда он оставил Кельдера мерзнуть на лестнице замка Вильяндиской мызы. При 20 градусах мороза!! По слухам, Сиверс собирался для устрашения населения в Тянасильма расстрелять там Кельдера. Узнав об этом, ученики Кельдера и их родители целой толпой собрались в Тянасильма просить Сиверса. Встали перед ним на колени в глубоком снегу. Из Тянасильма взял Сиверс Кельдера с собой к церкви в Ранну и там назначил совершенно измученному страдальцу 500 ударов плетью. После 50-го удара М. Кельдер потерял сознание. Битье прекратили, и родители получили на свое попечение полумертвого сына. Что еще Сиверс в этот раз, в крови Выртсарве совершил, этого я не знаю.

Прославленный злобностью Сиверс появился в Вильянди в первые дни января 1906 года. До него начальником местного карательного отряда был некто полковник Марков, который прибыл туда приблизительно около Рождества 1905 года.

От чего зависело народное доверие и симпатия населения к местному священнику Николаю Бежаницкому, которого, как мученика, в 1919 году, 14 января, в Тарту убили большевики — об этом маленький пример из времени полковника Маркова. В Олустверской волости были взяты четыре бунтовщика: молодой учитель русской начальной школы Александр Янсон, Ян Виллемс, Вяльютса Ханс и кто-то из той же округи, имя которого я совершенно забыл. Последние три были лютеране. Их привезли в Вильянди. Для них была вырыта могила. Так как наступила ночь, то расстрел был отложен до утра. Адьютант полковника Маркова, неизвестно почему, сам от себя, просил священника Н. Бежаницкого и пастора немецкого прихода Миквица прийти причастить приговоренных к смерти. Старый отец Бежаницкий пешком пришел к заключенным, утешал их и плакал с ними несколько часов. А пастор Миквиц отказался, сказав, что бунтовщики должны нести заслуженное наказание (...). Священник Бежаницкий не только причастил приговоренного, но посреди ночи пошел и разбудил полковника Маркова, чтобы заступиться за заключенных. Полковник очень удивился, что духовное лицо вызвано причащать бунтовщиков, так как по закону таких людей расстреливают без этой милости. В результате смертный приговор изменили и обещали начать расследование.

Было приблизительно 4 часа утра, когда священник Бежаницкий пришел ко мне в квартиру. Он танцевал, плакал и смеялся — я думал, что он сошел с ума. Он сказал, что это был самый счастливый день в его жизни — он спас от смерти четырех невинных заключенных. Я понял его состояние.

Его популярность росла в глазах людей, потому что он действительно не делал разницы — был ли пострадавший лютеранин или православный, эстонец или все равно какой национальности.

Первый большой расстрел был для жителей Вильянди полной неожиданностью. Знали, что идут массовые аресты, но такого разрешения вопроса никто не ожидал, так как ни бунта, ни открытых выступлений в

Вильянди ведь не было. Уже пост фактум узнали, что утром 9-го января на поле Вильяндиской мызы были расстреляны Сиверсом 13 человек. Так и осталось неизвестным — кто и за какую вину был убит. Велика была тревога в городе. Только священник Бежаницкий был себе верен — он пытался встретиться с Сиверсом. Но, несмотря на то, что он объехал на извозчике все гостиницы города и все семьи немецкого происхождения, — он Сиверса не нашел. «Герой» как сквозь землю провалился. Только после 11 января, когда были расстреляны еще 40 человек, стало известно, что Сиверс скрывался в Парковой гостинице и угрожал смертью тому, кто выдаст Бежаницкому его местонахождение.

...За расстрелами последовало избиение розгами. Сразу в трех местах: во дворе тюрьмы, во дворе корчмы и в городской школе!

...Крик раздавался по всему городу.

...Скрывавшийся в моей квартире Иохан Сапас — впоследствии адвокат в Таллине — очень волновался, слыша крики и видя разгуливавшего во дворе городского. Сапас был учителем тухаланской школы. Держал когда-то речь в клубе против помещиков. В сочельник хотели его арестовать. Конные стражники окружили дом. В это время он был в бане. Едва одевшись, он бежал. Пустился напрямик на Вильянди — 25 верст! Ночью достиг моей двери. Около месяца жил у меня. Священник Бежаницкий жил на втором этаже. Оттуда получал Сапас еду и, от дочери Бежаницкого, книги для чтения. Она была петербургская курсистка (теперь инспектор таллинской русской гимназии). Так как в городе Сапасу было опасно оставаться — переодели его дамой и Суйслепский священник Энтсон отвез его к себе в деревню. Когда страшные времена прошли, священник Бежаницкий устроил так в местной полиции, что Сапас смог вернуться обратно в Тухаланде. Бежаницкий объяснил, что Сапас с его разрешения ездил во Псков лечить свои глаза.

...Вообще надо сказать, что русское духовенство (исключая В. Инка) и некоторые лютеранские пасторы из эстонцев — как, например, В. Реймани и Г. Розенберг—

оказывали хорошее, смягчающее влияние в дни бесчинств карательного отряда.

Этим и объясняется, что от округа Вильянди Рига послала на выборы первой русской Думы (в качестве выборщиков) — священника Бежаницкого и пастора Реймана».

Есть материал о прот. Н. Бежаницком в книге Мари Раамот «Мои воспоминания» (изд. «Лоодус», Тарту, 1937).

«...Тюрьма в Вильянди была полна народу. Там были сельские жители, учителя и горожане. В той камере, где были Раамот и Лиганд, были и еще интеллигентные люди — всего 13 человек. Первым вывели из камеры молодого учителя министерской школы М. Кельдера. Он спасся от смерти благодаря заступничеству пастора Реймана.

До прибытия в Вильянди, Раамота навестил священник Бежаницкий, свободомыслящий, достойный и уважаемый священник в Вильянди. Его убили большевики в подвале Кредитной кассы вместе с епископом Платоном. Дочери священника, две петербургские студентки, также свободомыслящие девушки, посылали заключенным книги и цветы. (Дочь священника Бежаницкого, госпожа Дормидонтова, сейчас инспектор таллинской гимназии. Вторая — известный врач в Тарту).

Этой семье я очень многим обязана. Высшие чиновники в Вильянди, русские, были между собой хорошо знакомы и могли помочь, если захотят. В доме Бежаницкого я с ними познакомилась, что мне очень пригодилось.

...Доставала для мужчин книги для чтения, среди них все номера журнала «Былое»... Дочери священника тоже доставали такие же книги. В апреле у меня со старым священником было серьезное совещание. В результате было решено, какие я должна предпринимать шаги к освобождению мужа. Священник написал в Ригу епископу Агафангелу, описывая печальную судьбу моего мужа. Через некоторое время я сама поехала в Ригу.

...Попала к епископу во время его обычного приема. Рассказала, кто я, откуда приехала и почему. Епископ задумался, а потом сказал, что об этом несчастье слышал, просил немного подождать. Скоро он вернулся с довольным выражением лица и письмом Бежаницкого в руке...

...Вернулась в Вильянди. Первый визит был к священнику. «Ну как? Расскажите все!» Рассказала ему точно все обстоятельства. Этот милый человек сиял от радости, что его советы дали такие обнадеживающие результаты. Через него я смогла информировать и своего мужа. Он даже сумел сделать так, что тайно отнес мое письмо Раамоту».

Энергичная и смелая Мари Раамот на многих страницах описала свои хлопоты о спасении мужа. Я выбрала и перевела только некоторые отрывки, касающиеся дедушки. Его письмо к епископу очень помогло. Благодаря заступничеству епископа — и губернатор принялся помогать. Дело Раамота пошло на обсуждение Рижского Окружного суда. Там заочно его освободили. По маминим рассказам, дедушка тоже ездил в Ригу просить о прекращении карательных бесчинств.

С 1907 года дедушка был настоятелем Георгиевской церкви в Тарту. Приход был эстонский. Мама училась в университете. Время было беспокойное — все принималось близко к сердцу. Шла борьба за свободу и права. Студентов было очень много. Дедушку звали «студенческий батюшка» — он охотно и бесплатно венчал студенческие пары, даже когда, по всей вероятности, у невесты в скором времени должны были начаться роды. Другие священники читали мораль, не хотели венчать.

В газете «Ревельское слово» от 20 января 1919 года (т.е. через шесть дней после расстрела дедушки) — была напечатана статья кн. С. Мансырева — «Н.С. Бежаницкий». Статья написана с чрезмерным пафосом, что неприятно, но подтверждает рассказ мамы о дедушке и Сиверсе и спасении 8-ми человек. Приведу ее в выдержках.

«...Еще одним хорошим, добрым человеком стало меньше: в числе зверски убитых в Юрьеве при сдаче его большевиками — мы находим имя протоиерея Николая Степановича Бежаницкого. ...

Он, бывший всю жизнь олицетворением любви и благодушия, он, положивший все силы свои на служение обездоленным и нищим, он, не покладая рук работавший в пользу просвещения, он, не обидевший никогда и никого, для всякого проступка находивший извинение, для всякого порока снисхождение: чем он мог провиниться? (...)

Припоминается мне, близко и хорошо знавшему покойного, один эпизод из его жизни. Это было в 1906 году. В Феллине (Вильянди) был начальником карательной экспедиции капитан фон Сиверс — маньяк и садист, особое наслаждение чувствовавший при зрелище смертной казни и телесных наказаний. Им было схвачено по первому указанию полицейских чинов свыше 50 человек из городских жителей, с точки зрения полицейской — нежелательных. (...) Казнь назначена в тот же день. Случайно узнав об этом, отец Бежаницкий бросился к Сиверсу и буквально лежал у него в ногах, обнимая их с плачем и вымаливая прощение осужденным. Его не хотели слушать, толкали ногой, ему самому грозили арестом и даже расстрелом — а он все продолжал умолять о снисхождении. Наконец добился своего — восемь человек было помиловано, но остальных 44 отстоять не удалось. Их расстреляли, и до последней минуты их жизни добрый человек был вместе с ними: утешал и ободрял приговоренных.

На следующий день после казни знакомые увидели о. Николая Бежаницкого наполовину поседевшим».

В этой же газете заметка полкового врача о священнике о. Сергии Флоринском: «Среди ужасающих известий из Везенберга имеется сообщение, что там расстрелян священник отец Сергей Флоринский... Как еврей, не могу не отметить той любви, которой он, добрый, отзывчивый, заслуженно пользовался у всех солдат и сослуживцев, без различия национальностей».

Я видела таллинскую газету от 14 января 1924 г., посвященную пятилетию гибели епископа Платона. Он был очень значительный человек — умный и образованный. В этой же газете был рассказ о дедушке, как он помогал с отъездом какой-то очень нуждавшейся многодетной семье и не только доставал им билеты, но и на вокзал пришел проводить, чтобы убедиться, что все благополучно. Рассказ назывался «Добрый батюшка».

Ко дню десятой годовщины расстрела была издана книжка в 48 странах — «Мы ублажаем тех, которые терпели. Ко дню 10-й годовщины 14 января 1919 года». (Юрьев. 1929). Вот начало:

«События 14 января 1919 года никогда не изглядятся из истории Юрьева. Велики были контрасты в событиях этого дня. В то время, как со стороны Техельфера послышался гром орудий (...) в это же время раздались глухие удары и выстрелы из подвала Юрьевской Кредитной кассы. Что там происходило — было не сражением, там просто убивали людей, людей совершенно ни в чем не повинных.

Их было девятнадцать.

...Юрьев дважды был под властью большевиков: с октябрьской революции 17-го года по 24 февраля 18-го года и затем с 21 декабря 18 года — по 14 января 19-го.

В первый период первыми комиссарами были два студента — Фурман и Кикнадзе. В ноябре 17-го был разогнан первый Эстонский сейм в Ревеле. В конце января 18-го все дворяне были объявлены «вне закона». Обыски в Юрьеве приняли ужасающие размеры. В ночь на 29 января 18-го года свыше 200 мужчин и много женщин, принадлежавших к немецкому обществу, были арестованы. 20-го февраля было объявлено, что после 8 часов вечера воспрещается выходить из дому. В эту же ночь 154 мужчины были отправлены по железной дороге, через Нарву, в Красноярск, в Сибирь. От кровавых последствий первой волны террора Юрьев был спасен быстрым прибытием первого отряда германской оккупационной армии — 24 февраля 1918 года. Около 11 часов утра этот отряд, численность которого едва достигала 100 бойцов, вступил по Рижской улице в город.

Во второй период (с 21 декабря 1918 по 14 января 1919) первое кровопролитие было учинено в ночь с 23 на 24 декабря: во время обыска был убит в собственном саду Макс фон Цур-Мюлен. За его убийством последовало еще более трехсот убийств, совершенных в течение 24-х дней террора. Обыски производились каждую ночь, обыкновенно с 10 часов вечера до 4-х часов утра. Почти всегда кончались арестом. За 24 дня было арестовано свыше 500 лиц».

О страшном последнем дне 14-го января, вернее о ночи и утре, — у меня есть четыре рукописных странички — запись со слов оставшегося в живых.

«...Заклученным не давали пищи, поэтому родные снабжали их необходимыми припасами...

...Было в тюрьме много образованных и интересных людей, которые проводили время, слушая лекции профессора местного университета. ...С 8-го января пленники подвергались перекрестному допросу каждую ночь. Некоторые из них никогда не возвращались с допроса, и их родные напрасно ожидали их у дверей на другое утро. В те дни были отдаленные слухи в городе о приближении эстонских войск, и с 13 января раскаты орудий были ясно слышны. Было много толков о том, как красные распорядятся со своими пленниками, если им придется оставить город...

...14-го января мы получили приказ выстроиться в нашей камере, и вслед за этим вошел комиссар. (...) он выкликнул имя епископа Платона и просил его следовать за ним. Через несколько минут мы услышали звуки выстрелов, которые, казалось, исходили откуда-то из-под нашей камеры. Снова через несколько минут тот же комиссар вернулся и выкликнул имена двух православных священников, которые ушли с ним, и опять мы услышали те же звуки. Теперь мы знали, что этот подвал под нами. ...

...Я как сейчас вижу мужественную фигуру седовласого отца Бежаницкого, которого мы называли своим патриархом, спокойно и твердо оставляющего свою камеру в своем последнем странствии. Профессор Х.

(лютеранский пастор профессор Хаан — Т. М.), услышав свое имя, медленно встал, надел пальто и вышел из комнаты решительными шагами, ни разу не оглянувшись...

...Минуты казались вечностью, каждый из нас ожидал услышать свое имя... Вдруг какой-то голос крикнул: «Все пленные в коридор, стройся в пять рядов для переклички». Медленно исполнили приказание. (...) Вдруг нам приказали вернуться в наши камеры. ...

В эти роковые минуты великой истории я услышал, как кто-то крикнул: «Красная Гвардия уходит!» Я подбежал к окну. Неопишное чувство счастья овладело мной — красные с поспешностью отступали! Они бежали в санях с такой быстротой, какую могли выдержать лошади. Мы взяли дверь приступом. Стража исчезла, и мы повалили в открытую улицу, в ветреный зимний день — снова свободные!»

В книжке «Памяти новых мучеников за веру» — проповеди в стихах о Михаила Блейве — рассказывается точно так же о тюремных событиях, но добавлен еще рассказ очевидца:

«Первой мыслью было проверить слух о расстреле. Я поспешил спуститься в подвал. Ужас объял меня. У самого входа я увидел окровавленный и страшно изуродованный труп мужчины и рыдающую над ним женщину. В первом отделении погреба были уже некоторые люди, у всех в руках были горящие свечи, освещавшие подземелье. Кто-то из них, указывая на дверь во второе отделение погреба, сказал: «Посмотрите, что наделали эти звери». И, действительно, я увидел нечто ужасное, незабвенное...

Гора еще теплых трупов с раздробленными черепами... на самом вершине лежал несчастный о. Бежаницкий — с откинутой головою и изуродованным лицом...

В каком-то полусознательном состоянии я вышел на воздух и стал ждать уборки трупов в надежде увидеть Епископа еще живым. Вот стали выносить: все окровавленные, с пробитыми черепами, на лицах у некоторых так и застыл ужас...

Отпевание в Успенском Соборе Епископа Платона священников Михаила Блейве и Николая Бежаницкого Январь 1919 года

Посередине — Епископ Платон. У всех, по возможности, скрыты обезображенные лица, у отца Михаила Блейве — лицо закрыто. Около отца Николая Бежаницкого стоит Зинаида Николаевна Дормидонтова с дочерью

Вынесли о. Н. Бежаницкого, пастора Хаана, о. Михаила Блейве. У последнего от лица ничего не осталось, так как разрывная пуля была пущена в затылок и все лицо было вывернуто.

Одним из последних вынесли Епископа Платона. Белье на нем было обильно окрашено кровью, вместо затылка — одна сплошная рана — полное отсутствие в черепной коробке мозга (мозг вытек), персты правой руки сложены для крестного знамения... Всего из погреба было вынесено 19 трупов.

Осмотр трупа Епископа обнаружил 11 ран: семь штыковых на груди и четыре пулевых — две на груди, одна на левом плече и одна под правым глазом — по-

следняя нанесена разрывною пулею. Кроме того на правом виске имеется ссадина, как бы от нанесенного кулачного удара. У о. Бежаницкого и о. Блейве — по одной пулевой ране»... (От разрывной пули, пущенной в затылок. — Т. М.).

Отпевание было в Успенском соборе города Тарту.

Епископ Платон похоронен в Таллине, в эстонской православной Преображенской церкви.

Оба священника похоронены в Тарту, в Успенском соборе: о. Николай Бежаницкий в правом — Никольском — приделе, о. Михаил Блейве — в левом. Обе могилы оформлены одинаково: на стене мемориальная доска, на полу черная мраморная плита с позолоченным крестом.

Долгие годы каждое 14-ое января — после литургии в Успенском соборе — служилась торжественная панихида по погибшим. На середине храма стояли священники всех православных приходов города и пасторы — всех лютеранских. Все они шли в крестном ходе, с хором, иконами и хоругвями — по направлению к подвалу Кредитной кассы. За церковной оградой к крестному ходу присоединялись представители еврейской общины и большое количество народа. На стене Кредитной кассы была мемориальная доска с именами погубленных, а в самом погребке часовня, сооруженная в 29 году.

Служилась короткая лития и пелась «Вечная память».

В 40-м году часовня была разрушена, доска снята, ни одним словом больше не вспоминались убитые. В Успенском соборе на мемориальных досках была выскоблена строчка — «мученически убиенный».

Д. ПОСПЕЛОВСКИЙ

ОБНОВЛЕНЧЕСТВО Переосмысление течения в свете архивных документов*

В этом докладе мы попытаемся рассмотреть обновленчество в двух аспектах: богословском — было ли оно ересью или его идеи не противоречат православию? — и политическом, а именно: что говорят архивные документы о связи обновленчества с богоборческой советской властью? И, как следствие последнего, в чем секрет провала этого течения, имевшего, казалось бы, глубокие корни в историческом православии?

В русской церковной истории движение под именем «Союза церковного обновления» впервые появляется в Петербурге в 1905 году. Это самоназвание кружка, рожденного докладной запиской о необходимых преобразованиях в Церкви, поданной группой 32-х петербургских академически образованных белых священников 15 марта 1905 г. митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) и «обросшей» дополнительными единомышленниками-участниками после опубликования этой и последующих записок в периодической печати.¹ За ними последовали статьи разных членов «Союза церковного обновления» в защиту идей «32-х» полемического характера, особенно полемизировавших с архиепископом Антонием (Храповицким), будущим главой Карловацкого раскола, который защищал идею строго централизованной Церкви с Патриархом во главе, наделенным полномочными правами, и выступал против участия белого духовенства и мирян в помест-

* Доклад, прочитанный на конференции «Исторический путь православия в России после 1917 г.» — памяти о. А. Шмемана. С.-Петербург, 31 мая - 2 июня 1993 г.

ном соборе, или, во всяком случае, чтобы у них не было права решающего голоса на соборах.²

Если сложить предложения авторов из этого неформального «Союза церковного обновления» с позднейшими обновленческими реформами и идеями, то их можно суммировать под следующими пунктами:

1. Фактическое отделение Церкви от государства, т.к. только свободная Церковь способна нести активную миссию в мире, Церковь же сжатая и опекаемая государством может только существовать.

2. Восстановление канонического устройства и самоуправления Церкви может дать только предельно представительный всеобщий поместный собор. Записка проводит экскурс во времена апостольские, а также к 1-му Вселенскому и ряду древнерусских поместных соборов, доказывая каноничность участия в них и белого духовенства, и мирян. Так, член Союза, славянофил и богослов Н.А. Аксаков, опубликовал по поручению союза исследование о происхождении патриаршества, доказывая, что ни один из семи Вселенских соборов не пользовался этим термином и никаких особых прав за архиепископами (патриархами), Константинопольским и пр., не признавал — за исключением хиротонии митрополитов для подчиненных данному архиепископу (патриарху) областей. Но и тут его права были не больше прав митрополита: рукополагаемый должен был быть сначала избранным духовенством и паствой данной области, а в рукоположении должны были участвовать епископы и присутствовать другие представители из области данного избранника. Патриаршество, по мнению Аксакова, — изобретение императора Юстиниана и его чиновников, как параллель гражданским префектам; «поли-папизм» патриаршей системы, считает Аксаков, хуже римского моно-папизма. В подлинном православии власть над епископами и местными Церквями имеют только соборы, а не патриархи и митрополиты.³

3. Церковь должна быть децентрализована, разделена на самоуправляющиеся митрополичьи округа с архиепископскими кафедрами в губернских центрах и

епископскими в меньших городах. Каждая епархия самоуправяема, и епископы не должны передвигаться с кафедры на кафедру, т.к. архиерейское достоинство всюду одинаково и епископ должен быть органически спаян со своей паствой. Между епископом, митрополитом и патриархом нет никакой разницы власти, есть только достоинство чести. На всех уровнях должны действовать соборы (или епархиальные съезды и советы) клира и мирян. Только представительный собор имеет власть над епархиями и над всей поместной Церковью. Епископат и духовенство должны быть избираемы соответствующими соборами, а не назначаться бюрократически.

4. Долой клерикализм: в Церкви, как едином теле Христовом мирян, священников и епископов, не может быть епископских или каких-либо иных секретов от мирян или священников.

5. Церковь должна быть в гуще жизни общества, активно участвуя в его просвещении, благотворительности, нравственном направлении общественной и государственной жизни;

6. В области литургических реформ предлагался не только живой русский язык вместо плохо понимаемого славянского, но также служение при открытых Царских вратах и с чтением вслух т.н. «тайных» молитв.⁴

Но самым ключевым пунктом был протест против монашеской монополии в Церкви, против монашеского епископата. Одна из записок цитирует 4-е правило 4-го Вселенского собора: «Монашествующие да не вмешиваются ни в церковные, ни в житейские дела, и да не приемлют в них участия, оставляя свои монастыри». «Монашество епископов, — пишет Аксаков, — представляет в Церкви явление ... антиканоническое». Монашеское служение требует безмолвия, созерцания, удаления от суеты мирской. Ранняя Церковь ставила монашеский подвиг выше священнического и архиерейского, и потому не допускала нарушения монашества во имя архиерейства. Аксаков допускает, что Церковь вправе требовать такой жертвы от монаха, когда появляется особая нужда в человеке такой духовной силы и подвига

на посту епископа. Но тогда полной бессмыслицей становится принятие монашеских обетов (исполнять которые он и не собирается) молодым студентом духовной академии для того, чтобы стать епископом. «В том-то и беда, — пишет Аксаков, — что современные епископы даже не монахи, а нечто среднее...»⁵ И если сводить все обновленчество к антимонашеству — а оно наиболее выпукло выступит в нем в 20-х гг., — то корни его в неприятии именно академического псевдомонашества, и голос Союза обновления здесь был не нов.

Критика академического монашества и монашеского епископата громко прозвучала в эпоху Александра II, в первоначально изданной анонимно в Париже, в 1858 г., книге калязинского священника И.С. Беллюстина — «Описание сельского духовенства», а также в публикациях бывших профессоров богословия Д. Ростиславова и В. Аскоченского. Они обвиняют академическое монашество и епископат в разврате, безнравственности, роскошестве и деспотическом обращении с белым духовенством — нищим и бесправным. Хотя в их писаниях было много истины, их антимонашеский пафос был слишком огулен, смешивал злоупотребление монашеством с монашеством как таковым, что Георгий Флоровский называет «протестантизмом восточного обряда», подчеркивая при этом, что этот антагонизм белого духовенства к черному был вызван или, во всяком случае, обострен появлением в России пришедшего с католического Запада в XVII веке, через Киевскую академию, разделения монашества на монастырское и академическое. Живя в своем большинстве вполне светской жизнью, только формально считаясь безбрачными, они делали церковную карьеру, становились деспотическими начальниками белых священников, многие из которых именно из нравственных побуждений не шли путем своих новоиспеченных начальников-архиереев, отказавшись от такого фальшивого иночества.⁶

В 1905-м году мысли Союза церковного обновления никого не шокировали, отличаясь от остальных рефор-

мистских настроений (в том числе и от многих весьма радикальных предложений в трех фолиантах «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе») лишь решительным отвержением монашеского епископата. Но и тут Союз был не одинок. Профессор богословия В. Мышцын, например, предупреждал против такого отделения Церкви от государства, которое отдало бы ее на архиерейский произвол, что превратило бы епископов в бесконтрольных деспотов-феодалов. Тут и соборы не помогут, если они не будут подлинно представительными, с подлинно избранными депутатами от мирян со свободой решающего голоса на соборе.⁷ Против монашеско-епископской гегемонии писал и Василий Розанов⁸ и многие другие. Сам реформистски настроенный, первосвященник митр. Антоний С.-Петербургский принимал докладные записки «32-х» весьма положительно, поощряя авторов дальше работать над предложениями для будущего собора. И неудивительно: большинство этих «32-х» были посетителями «Религиозно-философских собраний» в Петербурге 1901–1903 гг.,⁹ председателем которых был епископ Сергей (Страгородский), единомышленник митр. Антония, вдохновитель, если не соавтор, знаменитой Записки С.Ю. Витте Николаю II о необходимости восстановления соборности, патриаршества, поместного собора с участием мирян и выборного начала на всех ступенях церковной жизни.¹⁰

По тому времени «Записка 32-х» не представляла собой крайне-левого направления. Именно в 1905 г. еп. Сергей возвел в архимандритское достоинство профессора Петербургской Духовной академии Михаила (Семенова), который открыто называл себя социалистом и в 1906 г. опубликует «Программу русских христианских социалистов», а еще годом позже брошюру «Как я стал народным социалистом». С. Булгаков основывает «Христианское братство борьбы». Из шести священников, выбранных в первую Думу, четверо были левого направления; а во второй Думе из тринадцати депутатов из духовенства оба епископа и два священника присоединились к правому крылу, остальные девять

разделились между «кадетами», трудовиками и социал-революционерами.¹¹ Но, пожалуй, самым радикальным был схимник Оптиной пустыни, в прошлом морской офицер, а затем выпускник Троице-Сергиевой академии архим. Серапион (Машкин), которого часто называют церковным Нечаевым. Он считал себя социал-демократом, но считал марксизм недостаточно радикальным, допускал доносительство, шпионаж и даже терроризм. В личной жизни он был безупречен: раздал бедным все свое наследство в 200 000 рублей, отдавал бедным паломникам буквально последнюю рубашку, а в экклезиологии дошел до отрицания благодати священства у русского духовенства, называя его огульно «Иудой, продавшим церковь Христову сперва Петру, а после перепродавшим ее всем преемникам Петра до Николая II включительно»; ибо не может обладать благодатью священнослужитель, обязующийся доносить на старообрядцев и открывать полиции тайну исповеди, писал он. Истинными христианами он считал только старокатоликов и масонов. Русское монашество, по его мнению, так низко пало, что его надо «уничтожить, стереть с лица земли, как профанацию святости». Считая Японию и нравственно, и культурно стоящей выше России и высоко ставя этику буддизма и синтоизма, Серапион осуждал оправдание русским духовенством, особенно о. И. Кронштадтским, русско-японской войны как похода против неверных. Призывал к милосердию к смертельно раненным на фронте и оправдывал самоубийства таковых, ссылаясь на два случая причисления к лику святых девушек, наложивших на себя руки во время римских гонений, чтобы сохранить свое девство и избежать истязаний за веру.¹²

Все эти споры, свободный и открытый поиск, были приглушены государственной и церковной реакцией после 1907 г., которая особенно окрепла после кончины митрополита Антония в 1912 г. Православный радикализм кратковременно возрождается в виде подлинных, но далеко не всегда привлекательных лево-социалистических христианских движений 1917 г. В Петрограде фактически оживила «группа 32-х священников» под

названием «Союз прогрессивного духовенства» под председательством свящ. А.И. Введенского, будущего главы обновленцев. Появляется множество аналогичных христианско-социалистических организаций, как например в Киеве «Союз новых христиан-социалистов», «Союз демократического духовенства и мирян». По всей стране возникают союзы прогрессивного духовенства, по инициативе которых в конце мая в Москве собрался «Всероссийский съезд духовенства и мирян» в составе около 1200 человек, который заседал 10 дней и предложил Предсоборному совету программу для предстоящего собора. В социальном плане съезд фактически принял программу эсеров по земельному и пр. вопросам, провозгласил религиозную свободу, но при первенствующем положении в государстве Православной Церкви и при сохранении Закона Божьего в школьных программах.¹³

В Москве ткач Ф.И. Жилкин, в прошлом ближайший сотрудник Гапона, регистрирует 8 июня 1917 г. «Христианско-социальную рабочую партию», которая после победы большевиков переименовывается в «Христианско-социалистическую рабоче-крестьянскую партию». Партия пользуется покровительством патриарха Тихона, который назначает ей духовником священника С. Калиновского, в будущем видного живоцерковника. Другим деятелем партии становится видный профессор церковного права, один из самых выдающихся деятелей Собора, Н.Д. Кузнецов, тоже будущий «обновленец». При всем своем радикализме, программа партии отрицает классовую борьбу, призывает к социальному миру, прекращению братоубийственной гражданской войны, которая — пророчествуют призывы партии — унесет миллионы жизней. Так, в своей положительной части она ближе к солидаризму и социальному учению папы Льва XIII, чем к марксизму. 22 марта 1919 г. руководство партии (Жилкин, Кузнецов, Калиновский и бывший миссионер И. Глазунов) обращается к Патриарху с ходатайством благословить деятельность партии внутри Церкви, вступление в нее духовенства и распространение по церквам ее литературы, на что Патриархия

мудро ответила отказом, ибо «Православная Церковь не преследует политических целей», но отношение ее к партии благосклонно, поскольку задачи, поставленные себе партией, служат «на пользу целям святой Православной Церкви». Партия, в лице Жилкина и Кузнецова, успешно ходатайствовала перед советским правительством об открытии Кремля и его храмов для богослужений на три пасхальных дня 1919 г. Кузнецов от имени партии вносил один протест за другим против ограничений прав верующих. Даже посмел представить правительству меморандум, осуждающий ленинский декрет 1918 года об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, назвав последнее «деянием противопедагогическим и противонародным». Это уже была прямая критика вождя, за что он тут же был судим и посажен вместе с бывшим обер-прокурором Синода Самариным. В сентябре 1919 года к пребыванию в концлагере до окончания гражданской войны был приговорен Жилкин (но позднее амнистирован), а партия запрещена.¹⁴

Все это пока в рамках официальной Патриаршей Церкви. Движения вполне искренние, движимые ошибочным, но тогда весьма распространенным отождествлением христианства с социализмом (хотя уже партия Жилкина вводит коррективу: отрицание классовой борьбы). Как мы видели, предложения Союза церковного обновления были, в основном, здоровыми, критика официальной Церкви правильной, и многие его идеи были осуществлены Собором 1917-1918 гг. Все, казалось, шло в рамках, допускаемых канонами. Единственным исключением и предшественником обновленческого бунта было дело бывшего архиепископа Владимира Путяты. Сын еврейки и потомка киевского княжеского рода, идущего от сподвижника св. Владимира по обращению в христианство Новгорода, он начал свою карьеру блистательным и блестящим гвардейским офицером. Пользовался колоссальным успехом у женщин, был близким личным другом Николая II. И вдруг отправился в Казанскую Духовную академию, принял постриг и очень скоро стал епископом, не имея для

этого никаких моральных качеств. Кочуя с кафедры на кафедру, он всюду оставлял за собой скандалы романтического свойства, а то и потомство. Только его высокие придворные связи защищали его от лишения сана. Наконец, Собор лишил его сана в 1918 году, низведя до состояния простого монаха, судив ему жить в монастыре в Пензе. Но там он снова объявил себя архиереем, главой «свободной народной Церкви», за что Собор отлучил его от Церкви. Одним из первых он примкнет к обновленцам.¹⁵

Общеизвестно, что предлогом для выхода обновленчества на открытую борьбу с патриаршей Церковью была кампания изъятия церковных ценностей, всецелая поддержка ее живоцерковниками и другими группировками, вошедшими позднее в состав обновленческой Церкви, и, якобы, сопротивление этой кампании патриарха Тихона и подчиненного ему духовенства. После ряда процессов православного духовенства и мирян, с многочисленными расстрелами, 6 мая 1922 г. арестован был Патриарх, обвиняемый в том, что он своими распоряжениями развязал сопротивление верующих изъятию ценностей и, следовательно, виновен в пролитии крови. А уже 12 мая заключенного Патриарха посещает делегация петербургских обновленцев — священники Введенский, Красницкий и Белков, прихватившие с собой одного законного московского архиерея — епископа Антонина (Грановского). Они убеждают Патриарха передать им временно канцелярию, т.к. шансов на его освобождение нету, а лишать Церковь управления нельзя. Введенный в заблуждение, не подозревающий злого умысла, Патриарх соглашается, одновременно вызвав в Москву на пост своего местоблюстителя митрополита Ярославского Агафангела. Приезд Агафангела задерживает Тучков, возглавлявший церковный отдел в ГПУ. Агафангел подпольно печатает свое знаменитое обращение, объявляющее Высшее церковное управление названных обновленцев узурпацией, призывает духовенство не иметь с ними ничего общего и повторяет Указ Патриарха от 20 ноября 1920 г., разрешающий епархиальным архиереям на местах, на время

отсутствия правильной церковной администрации в Москве, временно объявить себя автокефальными. За это послание, которое Агафангел сумел большим тиражом распечатать и разослать по всем епархиям, Тучков отправляет митрополита в ссылку.

Уже тут, в синхронизации действий обновленцев, недопущении своевременного вступления местоблюстителя в должность и наказании его за сопротивление обновленцам, видна явная направляющая рука ГПУ. Но теперь, благодаря ставшим доступными архивным документам, ГПУ и вообще советское руководство во главе с Лениным вырисовываются не только как дирижирующая рука, но и как архитектор церковного раскола. Нити этого тянутся еще с 1919 года, когда имели место переговоры Введенского с первым секретарем Петроградского комитета РКП(б) Зиновьевым, закончившиеся словами Зиновьева, что он находит группировку Введенского подходящей для заключения конкордата между советским государством и Церковью.¹⁶

Общеизвестно теперь и секретное письмо Ленина Молотову от 19 марта 1922 г., из которого совершенно ясно, что целью кампании изъятия церковных ценностей — которые, кстати, по ленинскому же декрету об отделении Церкви от государства, так или иначе были собственностью государства, а не Церкви, т.ч. вся эта кампания и ажиотаж, поднятый властью вокруг нее, были совершенно искусственны — была не помощь голодающим, а создание впечатления в народе, что Церковь — шкурническое учреждение, относящееся безразлично к страданиям своего народа, что даст возможность правительству развернуть такой террор против Церкви, духовенства и преданных Церкви мирян, который раздавит Церковь как общественный институт с собственным голосом.¹⁷

Как Церковь на самом деле реагировала на голод, Ленину было отлично известно; и об этом советскому правительству напомнил еще раз митр. Петербургский Вениамин в письме от 5 марта 1922 г. Он подчеркивает, что Церковь откликнулась первой, значительно раньше советского правительства, когда патр. Тихон в

обращении в августе 1921 благословил духовенство отдавать все церковные ценности, «не имеющие богослужебного применения», на спасение голодающих. Отвечая на советский декрет, требующий передачи всех церковных ценностей, митрополит говорит, что чаши и др. евхаристические сосуды являются такой святыней для верующего народа, до которой нельзя и прикасаться «не посвященной рукой». Поэтому они могут быть сданы только перелитыми в слитки золота и серебра: «а) при моем непосредственном участии»; б) при этом, чтобы избежать столкновений, верующие должны получить возможность убедиться, что все остальные способы спасения голодающих исчерпаны; «в) что пожертвованные святыни действительно будут употреблены на помощь голодающим; г) что на пожертвование их будет дано благословение высшей церковной власти».

Затем, в послании петербургскому губисполкому от 12 марта, Вениамин жалуется на неправильное освещение его условий в печати и предлагает конкретные действия: Церковь готова на свои средства открывать бесплатные столовые для голодающих, закупать провизию с иностранных пароходов. И требует, чтобы представители Церкви, церковного народа, участвовали непосредственно в деле помощи голодающим; иначе он не может гарантировать спокойствие при изъятии ценностей из храмов.¹⁸

Именно того, чтобы народ видел благотворительность и жертвенность Церкви, Ленин и не хотел допустить. Поэтому в 1921 году Церкви было приказано ликвидировать свой помголовский фонд и передать все собранные средства в государственный Помгол. Поэтому через неделю после послания митр. Вениамина Ленин пишет свою инструкцию Молотову об использовании голода для удара по Церкви. Поэтому же слишком популярный и социально активный митрополит Вениамин и его ближайшие сотрудники расстреливаются через 4 месяца после указанных посланий.

На следующий же день после секретного письма Ленина состоялось заседание Политбюро при участии

Каменева, Сталина, Троцкого и Молотова, на котором, в частности, принято решение «внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении *решительную инициативу* (курсив Д. П.) и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия».¹⁹

6 мая, как известно, помещается под арест патр. Тихон, а 12 мая живоцерковники, введя в заблуждение Патриарха, захватывают его канцелярию и провозглашают себя новым Высшим церковным управлением. 28 мая арестовывается митр. Вениамин, фактически за непризнание живоцерковного переворота и отлучение Введенского и К° от Церкви. В должность временного возглавителя Петербургской епархии вступает старший vicарный епископ Алексей (Симанский), будущий патриарх Алексей I. Тут же его вызывают в управление ГПУ на Гороховой улице и ставят ультиматум: снять церковное отлучение с Введенского и прочих обновленцев, в противном случае митр. Вениамин будет расстрелян. После совещаний в Епархиальном совете было принято решение «идти на все для спасения жизни ... Митрополита». После этого, 5 июня, еп. Алексей пишет «Обращение к Петроградской пастве», в котором объясняет восстановление Введенского в пастырских правах тем, что митр. Вениамин отлучил его и его единомышленников необоснованно, не зная, «что прот. Александр Введенский участвует в ВЦУ, имея на то благословение патр. Тихона ... приняв во внимание, что такое благословение имелось налицо, я нашел возможным подвергнуть это дело новому рассмотрению. Прот. Введенский ... свидетельствует, что ... пребывает в каноническом общении со своим епископом... Митрополит сам считал достаточным для восстановления общения с прот. Введенским ... представления ... доказательств того, что они имели благословение святейш. Патриарха». На этом основании еп. Алексей восстановил этих живоцерковников в служении. Затем он и его vicарий еп. Николай (Ярушевич) объявили временную автокефалию своей епархии, избегая прямого подчинения живоцерковному ВЦУ, но ведя с ним переписку. Об-

манутый ГПУ, расстрелявшим митрополита Вениамина несмотря на обещание сохранить ему жизнь, еп. Алексей порывает окончательно связь с ВЦУ 24 июня и слагает с себя полномочия правящего архиерея. В августе его арестовывает ГПУ и ссылает в Среднюю Азию.²⁰

Тем временем, 30 мая 1922 г., Оргбюро ЦК РКП(б) все дело раскола Церкви поручает ГПУ, на что ГПУ реагирует следующим образом:

ГПУ — Отдел секретный
Совершенно секретно
В ЦК РКП(б)

Весьма секретно
[число невнятно]
мая 1922 г.

...ГПУ поставлено в известность, что расходы по проведению антитихоновской кампании будут проводиться за счет этого Управления.

Колоссальная историческая работа по *созданию* (курсив Д.П.) раскола среди духовенства в Республике, кроме затраты энергии, требует крупных денежных средств.

Ограничение работающих с нами церковников в средствах на издание органов, пропаганду, передвижение по республике и др. работы, требующие немедленного выполнения, было бы равносильно атрофированию этой деятельности, не говоря о содержании целого штата приезжающих церковников, которое ... ложится тяжелым бременем на ГПУ.

Дело раскола (курсив Д.П.) церкви безусловно нельзя отнести к рядовой повседневной работе ГПУ, поэтому и расходов по этому делу нельзя отнести в рубрику сметы расходов ГПУ, которой они не предусмотрены и которая очень ограничена...

...ГПУ настоятельно просит ЦК о пересмотре постановления Оргбюро от 30.V.1922 г.

Зампред. ГПУ — Уншлихт.

Решение Секретариата ЦК от 13. V. 1922 г.

Товарищу Енукидзе

Слушали: О средствах на проведение антитихоновской кампании...

Постановили: Направить вопрос в комиссию при ВЦИК по изъятию церковных ценностей.²¹

Иными словами, церковные святыни, отбравшиеся у Церкви буквально через слезы и кровь, под предлогом спасения погибающих, на самом деле шли на уничтожение той Церкви, которой они раньше принадлежали.

Доклад о тихоновщине

Совершенно секретно

В докладе поставлена задача... 5-месячной так называемой борьбы с тихоновщиной; в первую очередь, с епископатом.

Для осуществления этой задачи была образована группа, т.н. «живая церковь», ... «преимущественно из белых попов, что дало нам возможность поссорить попов с епископатом».

Наряду со множеством статей и воззваний, клеймивших тихоновцев и их политику, «попы, взяв в свои руки высшую церковную власть», приступили к изгнанию со своих постов «тихоновских и вообще реакционных епископов». За 5 месяцев в 68 имеющихся епархиях уволено «около 100 тихоновских архиереев». 10 тихоновских епископов, лояльных к соввласти, переведены в другие епархии, 20 таких же оставлены на прежних епархиях. «Ярых тихоновцев» оставлено на епархиях 5 человек; 11 возведено новых обновленцами из вдовых или целебатных священников, 4 епархиальных — нейтральны; 9 епархий остались без архиерея.

Изгнание тихоновцев из церковных советов идет на травливанием одних членов на других, «образованием мирянских групп ревнителей Обновленчества».

После выполнения первой задачи надо сломать и дискредитировать тихоновщину, которая «до сих пор имеет больше всего приверженцев», — разрешить собор, на котором «наступит паралич единства Церкви», т.к. группы будут ссориться друг с другом, и наступит раскол.

Доклад подписан 30. X. 1922 начальником 6-го отделения Секретного отдела ГПУ Е. Тучковым.²²

Сов. секретно.

Протокол № 1 заседания Комиссии по проведению отделения Церкви от государства

в составе: Красикова, Флеровского, Менжинского, Тучкова, Дерибаса. Председатель — Красиков, секретарь — Дерибас.

1. Подтвердить директиву относительно деятельности ГПУ по (...) ликвидации тихоновских сторонников воздействия на ВЦУ²³ в смысле активной борьбы всех трех групп (Возрождения, Живой церкви и левой)²⁴.
4. (...) поручить тов. Скворцову (...) выразить руководящие тезисы для прессы по церковному вопросу (...) [без даты].

Протокол № 2. 31. X. 1922 г.

(...)

3. а. Взять более твердую ставку на группу «Живая церковь», коалируя с нею левую группу [Введенского].
б. Развернуть широкую работу по очистке от тихоновского и вообще черносотенного элемента приходских советов в центре и на местах.
в. Повести ударным порядком смещение тихоновских епископов.
г. Провести через ВЦУ повсеместное публичное признание советской власти приходскими советами ... выполнить это до 1 января 23 г.
д. Предложить ... прокуратуре оказывать ГПУ всяческое содействие в административной (курсив Д.П.) борьбе с тихоновщиной.
е. Предложить ГПУ поставить хорошо дело с компрометацией попов здесь и на местах.
ж. Находящихся в Москве на покое отстраненных епископов водворить через ВЦУ в какой-нибудь отдаленный монастырь.
3. Поручить т. Тучкову в следующем заседании комиссии сделать доклад о том, в каком положении находится сейчас дело Тихона, какой материал имеется, нужно ли ставить процесс ... и как с ним поступать в противном случае.

- и. Т. Красикову в следующем заседании сделать доклад о заграничной церкви.
- к. Не поддерживать украинскую автокефалию до собора. Послать на Украину Скворцова с кем-либо из ГПУ и ВЦУ, и на основании их информации решить об автокефалии.
4. Следующее собрание «будет в приемной т. Калинина. Окончательную редакцию тезисов [собрания] передать в Агитпроп (...). Систематически собирать материалы о политической стороне разных сект».
5. Галкину издать газету «Наука и религия» в течение 2-х недель, заполняя ее материалом, согласованным с Тучковым.
6. а. Следующее заседание в кабинете Енукидзе.
б. «Еп. Сергия [Страгородского?] оставить в прежнем положении опалы. (...) Поручается тт. Красикову, Смидовичу, Скворцову, Флеровскому написать ряд статей по вопросам разложения церкви и распределить органы печати, в которых разместить эти статьи (...) Т.Флеровскому осветить церковный раскол в «Известиях»...»

П. Красиков.²⁵

Из только что приведенных документов явствует, что буквально все главные действия обновленцев инициировались и репетировались на самом высшем уровне партии (ЦК) и правительства, всегда с участием ГПУ, которое затем диктовало принимаемую политику обновленческому руководству и обеспечивало проведение ее в жизнь посредством своих карательных органов, например: «ликвидация тихоновских сторонников» внутри ВЦУ (и в связи с этим митр. Сергей арестовывается и держится в тюрьме во время обновленческого собора), «провести смещение тихоновских епископов», ГПУ должно административно содействовать «борьбе с тихоновщиной»; и особенно многозначительно, что уже в октябре 1922 г. сов. власть, только годом ранее поощрявшая и поддерживавшая автокефалистский раскол на Украине, склоняется к сворачиванию этого церковного раскола в пользу украинского обновленчества, что в 1925 г. выразится в предоставлении украинской обно-

вленческой Церкви автокефалии, а затем в решении административной полной ликвидации «Украинской автокефальной православной Церкви» и проведении этого решения в 1929–1930 гг.²⁶

В 1923 г. Комиссия по отделению Церкви от государства (председательствует на этих заседаниях Емельян Ярославский-Губельман, будущий глава Союза воинствующих безбожников, секретарь — чекист Тучков) занята подготовкой обновленческого собора; в частности, корректирует программу собора в сторону большей консервативности: выкинуть из Положения о соборе параграфы, «в коих говорится о признании ... социальной революции и объединения трудящихся». Тут могут быть соображения у коммунистических идеологов: а) не допускать образа религии как проводника социалистических идей, монополия этого должна оставаться только у партии большевиков и б) опасение, что слишком явный идеологический союз обновленческой схизмы с атеистической властью окончательно отпугнет паству.

А вот другие программные решения Комиссии по собору: «не допустить решения на соборе вопроса о церковной реформе, т.к. ВЦУ и обновленческие группы к реформе еще не подготовили верующих». А после собора созвать съезды в Москве всех обновленческих группировок, поставить вопросы о церковной реформе, чтобы «углубить раскол между группировками, перенося (...) работу в этом направлении на места».²⁷ Состав ВЦУ оставить коалиционным. Фактическим председателем на соборе быть Красницкому.²⁸ Кладбища отобрать у тихоновцев, передать ВЦУ (т.е., чтобы обеспечить ВЦУ постоянным доходом). Комиссия постановляет не только арестовать и выслать из Питера «автокефалистов» во главе с еп. Николаем (Ярушевичем), но даже «расторгнуть (...) договор, заключенный [между] «Свободно-трудовой церковью» и Моссоветом», чтобы эта группа не мешала развитию обновленческого движения, хотя ее возглавитель — Владимир Путята — клялся в верности обновленцам.²⁹

Какой иронией на этом фоне выглядит ленинский декрет об отделении Церкви от государства; особенно

тот факт, что выше приведенные решения принимаются «Комиссией по проведению отделения Церкви от государства»! Антонин (Грановский), возведенный обновленческим съездом в августе 1922 г. в звание митрополита-председателя ВЦУ, а в июне 1923 г. порвавший с ним, в январе того же года, в протесте против использования Церкви органами власти, направленном во ВЦИК, указывает, что поскольку соввласть антирелигиозна, она не должна «пользоваться культом для своих ... целей». Декрет 23. I. 1918 г. «по существу, — пишет митрополит Антонин, — является карантинном государства от Церкви. Брать от зачумленного учреждения предосудительно». Но с января 1923 г., не меняя направления на истощение Церкви и сохранение ее «юридического бесправия, социалистическое государство стало на путь эксплуатации культа, ... что является логическим и моральным грехом ... социализма». Если Церковь — порок, то использование ее тоже порок. Ссылаясь на слова Луначарского, что Церковь — это духовный онанизм, Грановский говорит, что в таком случае советская «церковная политика ... равносильна использованию спермы, извергаемой онанистом. ... В Америке онанируют жеребцов, но зато их кормят и холят». Перечисляя всевозможные новые поборы с Церкви и причисление Церкви по налогам к торгово-промышленным предприятиям, митр. Антонин сравнивает это с политикой царского правительства по отношению к домам терпимости, которые тоже облагались налогами, но зато получали от государства юридическую и медицинскую защиту, чего Церковь в советском государстве лишена. Культ «идейно ... убивается, тактически ... разрушается, юридически ... брезгуется; культ — ремесло, перед которым закрывают двери все профсоюзы и кооперации». Облагая Церковь сверхналогом и в то же время понося ее как эксплуатацию и обман, барыш от которого государство присваивает, оно этим санкционирует то, что вчера называло преступлением; и при этом претендует, что борется «за социальную правду жизни». Использование властью «антисоциального фактора» в свою пользу — «это капиталистическая практика».³⁰

Для справедливости надо сказать, что лично председатель Комиссии по отделению Церкви от государства Красиков пытался останавливать слишком активное вмешательство ГПУ в жизнь Церкви, не раз напоминая Тучкову, что практика ГПУ смещать, а тем более арестовывать священников и благочинных за то, что они поминают патриарха Тихона, а не обновленческих иерархов, противоречит провозглашенной официальной политике отделения Церкви от государства и что советские правительственные органы в спорах верующих должны соблюдать нейтралитет, а не брать сторону обновленцев: не отбирать храмы у тихоновцев и не передавать их обновленцам, у которых нет паствы.³¹ Это, однако, не мешает ему вместе с Тучковым подписать отчет Ленину от 4. XI. 1922 г. о том, что все три группы обновленцев согласились «повести решительную борьбу с тихоновщиной, и в один день назначили к высылке и устранению до 50 ... тихоновских епископов из разных мест. ВЦУ выработало инструкцию местам по борьбе с тихоновскими черносотенными элементами в приходских советах...».³² Спрашивается, как это могла Церковь, отделенная от государства частная организация, назначать к высылке?

Сигналы об отсутствии паствы повторяются из документа в документ: в протоколах заседаний Комиссии по отделению Церкви от государства, в регулярных гепеушных сводках Ленину об общем положении в стране, в которых видное место выделяется церковным вопросам и состоянию обновленчества, что свидетельствует о прямом участии и заинтересованности «вождя мирового пролетариата» в деле раскола Церкви. Немало в этих сводках сведений о том, что епископы, назначенные ВЦУ или официально подчинившиеся ему, под давлением паствы на местах порывают с ВЦУ — и это даже в то время, когда Патриарх в заключении! В Смоленске «епархиальный съезд духовенства ... делегатами на [обновленческий 1923 года] собор избрал почти исключительно тихоновцев». В иных случаях, как в Казани например, съезды духовенства решают не подчиняться ВЦУ до поместного собора.³³ Хотя в материалах

ОГПУ, признающих повсеместный упадок обновленчества уже в декабре 1922 г., делается исключение для некоторых сибирских и казачьих областей, где отмечается успех обновленцев, и Вотской (Удмуртской) области, где успех достигнут только после ареста местного тихоновского архиерея,³⁴ не всюду арест духовенства приводит верующих под омофор обновленцев. В Тобольском уезде, на арест духовенства местное крестьянство отвечает созданием каких-то «христианских общин» с паломничествами к святым местам — не есть ли это зарождение групп «истинно-православных», многие из которых постепенно вырождаются в новые беспоповские сектантские течения? По-видимому распространены были на местах компромиссные решения вроде митр. Сергия (Страгородского). Так, еп. Анатолий Самарский официально признал «Живую церковь», но на самом деле ничего не меняет и блокирует распространение обновленчества.³⁵ Или такое решение: собрание барнаульского духовенства 28. VII. 1922 г. постановило признать ВЦУ как *временный* орган, «но не подчиняться его новшествам и распоряжениям в вопросах канонических». Там, где ВЦУ не пользуется никаким авторитетом у населения, оно пытается, так сказать, «на полюбовных условиях» приглашать к сотрудничеству тихоновский епископат. Такая попытка была сделана в Томске — казалось бы благополучном для обновленцев районе, — но тихоновский епископ Софроний, популярный у верующих, от какого-либо сотрудничества с непопулярным ВЦУ отказался. Характерны такие фразы: «Отношение населения к Живой церкви отрицательное. Правление Ж. ц. бойкотируется, а председатель ... после церковной службы освистан ... Епископ [назначенный ВЦУ] ... отказался подчиниться распоряжению ВЦУ о переводе» в другую епархию, объявив по-видимому местную автокефалию (речь идет о Феофане Калужском).³⁶

Очевидно, эти отчеты и массовое возвращение в патриаршую Церковь епископата и священников с приходами привели к тому, что уже в сентябре 1923 г. советское правительство толкает обновленческое руко-

водство на переговоры с представителями патр. Тихона о воссоединении, предлагая сначала такой компромисс: созвать совместный собор под председательством Патриарха, который тут же подаст в отставку и уйдет на покой в сущем сане, а собор выберет нового патриарха. Большинство голосов собравшиеся в Донском монастыре 27 патриарших епископов этот план не приняли. В ноябре уже Тучков в личной беседе грозит Патриарху тюрьмой, если он не примирится с обновленцами как внутрицерковным течением; в то время как патриаршая Церковь согласна принимать обновленческое духовенство только в индивидуальном порядке через покаяние.³⁷

Парадокс в том, что, требуя от Патриарха принятия под свой омофор обновленческой Церкви, власти в то же время, под угрозой ареста, запрещают духовенству поминать за богослужением Тихона, как лицо, находящееся под судом. Только 21 марта 1924 г. судимость с Патриарха снимается.³⁸ Но властям не до юридических тонкостей: обновленчество внутренне разлагается. Если к концу 1922 г. в Москве у патриаршей Церкви оставалось лишь 4 храма против 400 с лишком у обновленцев, в Петрограде после высылки еп. Николая почти все храмы были захвачены обновленцами, а по всей стране у обновленцев было около 66% действующих храмов, то к ноябрю 1924 у обновленцев оставалось около 14 тысяч храмов, не больше 30%, хотя захват храмов обновленцами и запугивание ими тихоновцев при помощи местных властей продолжается и в 1923, и даже в 30-х гг.³⁹ Не помогло обновленцам и признание их Вселенским и Александрийским патриархами и даже ложь о том, что патр. Тихон якобы принимает живоцерковников без покаяния и этим как бы «становится во главе Живой Церкви», в то время как на самом деле патр. Тихон подписывает резолюцию от 26 июня 1924 г. за № 523, оповещающую о решении прекратить переговоры «с гр. Красницким и подписи на Журнале от 21 мая об организации при нас ВЦУ считать недействительными». Несмотря на все эти усилия, массовое отпадение от обновленцев продолжается и после смер-

ти патр. Тихона. В 1926 г. у них остается всего 6 345 приходов с 10 815 священнослужителями, против не менее 30 000 у патриаршей Церкви.

И тут возникает вопрос, почему, собственно, народ так решительно отверг обновленцев? Фактически все авторы — как мемуаристы, так и историки-аналитики — соглашались, что народ отталкивала явная коллаборация обновленцев с советской властью. Интуитивно и по целому ряду внешних признаков народ догадывался о том, что обновленцы — агентура ГПУ, о чем мы теперь знаем из документов. В частности, патр. Тихон пользовался любовью народа, а обновленцы его поносили, лишали сана на своем соборе. В Петербурге всеобщей любовью пользовался митрополит Вениамин, а обновленцы активно содействовали его уничтожению...

В 20-х гг. говорили, что, пока архиереи ездили в каретах, они не пользовались авторитетом у народа; а вот когда они стали нищими и пошли пешком в рваных калошах, тогда они стали духовными авторитетами и руководителями, и верующая часть народа ответила любовью и преданностью. Но обновленцы материально были еще беднее патриаршей Церкви, ибо у них не было миллионов жертвователей, а у патриаршей Церкви они были, во всяком случае до разгрома НЭПа и уничтожения крестьянства. А вот епископат послевоенной «сергианской» Церкви жил в относительной роскоши, но и это не оттолкнуло верующий народ от официальной Церкви.

За исключением небольших кучек «истинно-православных», за Сергием пошел не только простой народ, но и большинство епископата, православной интеллигенции и даже соловецких узников, а к наследникам Сергия присоединилось во время войны и большинство бывших непоминающих, в том числе и многолетний узник-епископ Афанасий (Сахаров), призвавший всех «катакомбников» последовать его примеру. Что тут? Народ и даже его духовные вожди «перемололись» машиной тоталитарного — внешнего и внутреннего — террора, и то, что было им нравственно неприемлемо в 20-х гг., стало приемлемым в 40-х-70-х? Или именно

духовные вожди и верующая интеллигенция, ужаснувшись происходящим и падением человека, потеряли надежду, а следовательно заколебались в самой вере в Бога, в человека как Божье творение, после чего стала этически приемлемой не только лояльность, но даже преданность этой власти, даже отождествление своих интересов с ее интересами, оправдание своего сотрудничества искаженными понятиями патриотизма?

Тогда, быть может, тут дело в богословских новшествах обновленцев? Но, как мы говорили, никто в 1905-1906 гг. — а это была эпоха самого высокого взлета русской богословской науки — «Союз церковного обновления» еретиками не считал, даже их предложения допускать женатый епископат предпочтительно по сравнению с монашеским. А такой серьезный богослов как Н. Аксаков, которого, в свою очередь, никто ни разу не назвал еретиком, указывал, что то, что предлагают «32 священника» — даже не мнение, а возврат к подлинной церковной ортодоксии.

Но это дореволюционные обновленцы, а как насчет обновленцев-живцов 20-х гг.? Что касается кадров, то из числа петербургских 32-х среди обновленцев 20-х гг. встречается лишь 6. Из других дореволюционных церковных радикалов или хотя бы умеренно левых мы встречаем лишь Грановского, архиепископа Евдокима (Мещерского) и примкнувшего к возрожденным в 1917 г. обновленцам Введенского. Гораздо больше было у них бывших черносотенцев — например, Красницкий и Платонов (будущий обновленческий женатый митрополит Ленинградский и отъявленный стукач), — спасавших теперь свою шкуру верной службой новым хозяевам. Что же касается их богословия, то оно отличалось от «32-х» только первоначально несколько более акцентированным антимонашеством, которое затем было смягчено Антонином Грановским, и допущением разводов и второбрачия духовенства. Но настроения церковных кругов в 20-х гг., как реакция на революцию, террор и хаос гражданской войны и торжество богоборческой власти, были гораздо консервативнее, чем в начале века. Надо помнить, что люди, особенно миряне, оставшиеся

в Церкви, а тем более неофиты, пришедшие в Церковь после революции, были людьми, не верившими в социалистический рай на земле и обжегшимися на радикализме. Так патр. Тихон, который в «Отзывах» 1905 г. выступает за литургические реформы и русификацию богослужебного языка, 17 ноября 1921 г. запрещает нововведения в богослужебной практике и в конце того же месяца запрещает в служении еп. Антонина (Грановского) «в связи с его самочинными нововведениями в богослужения». Хотя никакой богословской ереси в его нововведениях не было. Так что обновленцев и 20-х гг. можно судить за распутство — часть которого допущение разводов и повторных браков духовенства, в том числе и епископата, — за безнравственность, предательства, служение врагам Церкви, т.е. за грехи и преступления, а не за богословскую ересь по большому счету (в защиту права духовенства на развод и права второбрачия для вдовых священников было опубликовано немало статей до революции, в т.ч. и в церковно-общественных журналах и сборниках, посвященных предполагаемым церковным реформам).

Правда, в мае 1992 года, на конференции петербургского «Мемориала» по истории РПЦ советского периода, профессор Петербургской Духовной академии о. Георгий Митрофанов утверждал, что обновленчество было и богословской ересью, т.к. его предложения противоречили канонам и практике исторического православия более позднего времени. По мнению о. Георгия, историческое развитие Церкви имеет догматическое значение и заменяет собою ранний период, делая практику и каноны этого раннего периода богословски недействительными перед лицом новых канонических практик, пришедших им на смену. Вряд ли можно принять такую точку зрения. Она логически ведет к протестантизму, ибо если новая практика Церкви отменяет прежнюю, то так можно прийти к любым реформам в Церкви и утратить апостольские корни. Совсем иначе рассматривал эту проблему покойный о. Иоанн Мейендорф. Он считал, что опыт Церкви на любом этапе ее исторического развития должен приниматься

во внимание и упрекал протестантских фундаменталистов в историческом нигилизме; но он всегда сверял обряд, предание и устройство современной Церкви и ее богослужения с Церковью апостольских времен, считая, что то, что в современной Церкви противоречит первоначальной Церкви или несовместимо с нею, может быть сменено и отменено, и предпочтение всегда должно оказываться Церкви первых веков христианства. Еще более решительно к возвращению к Церкви первых веков призывал литургист о. Александр Шмеман, решительно борясь против всех форм клерикализма, настаивая на том, чтобы каждый приход был в первую очередь евхаристической общиной с еженедельным принятием Таинств Господних, при исповеди — как таинстве, независимом от причастия, к которому верующий прибегает, когда этого требует совесть, а не чтобы получить «пропуск» к причастию. И о. Иоанн, и о. Александр всегда творили т.н. «тайные молитвы» вслух, считая, что в Церкви не может быть молитв, утаенных от пастырей, и этому учили своих учеников.* Оба считали трагедией русского православия XX века, что в основном правильные идеи обновления и оживления Церкви проповедовались недостойными людьми, проводились в жизнь грязными и даже преступными руками, и таким образом были скомпрометированы.

В самиздате ходила интересная рукопись «Острая луна». Это биографическая повесть об одном волжском священнике, погибшем в сталинских концлагерях, написанная по-видимому его дочкой. Первоначально он был репрессирован за крепкое стояние на стороне Патриаршей Церкви и за успешную борьбу против обновленцев. Одновременно он был сторонником широких реформ в Церкви, в частности, богослужения на живом русском языке и календарной реформы. И вот, когда это же начали проповедовать обновленцы, он с горечью вздыхал: какая досада, обновленцы погубили такие необходимые для Церкви преобразования. Теперь надолго любое обновление в Церкви будет отождествляться с

* Несбыточно отметить, что этой практики до революции придерживался духовник Николая II прот. Янышев.

безбожными большевиками и их приспешниками. И Церковь будет обречена на длительную неподвижность. Вероятно, в этом и лежит ответ на вопрос, почему верующий народ, на всех ступенях образования и социального положения, в основном отверг обновленчество 20-х гг. Большая терпимость по отношению к не менее соглашательской РПЦ второй половины 20-х и 30-х гг. объясняется по-видимому не только перековкой советского народа, но и охранительным, а не преобразовательным характером Московской Патриархии. Православие по сути своего глубокого историзма консервативно. Реформы ему даются нелегко и могут быть приняты только при насаждении их государственной властью, признаваемой в качестве православной и окруженной некой мистикой, как в Византии или в России при царях (в т.ч. и при Петре I), или корпусом духовенства, пользующимся всеобщим авторитетом у паствы и ее любовью. А тут реформаторами оказались активнейшие сторонники советской безбожной и активно богоборческой власти, самоутверждавшиеся при помощи ГПУ, прибегающие к террору ГПУ в борьбе с исторической национальной церковью в гонениях на популярных священнослужителей. Так одновременно компрометировались и обновленцы, и их идеи, результатом чего является болезненная подозрительность и в современной русской православной Церкви к любому новшеству, даже если это новшество на самом деле является возвращением к истокам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Группа петербургских священников. «К церковному собору. Сборник». С.-Петербург, 1906. В «Союз церковного обновления» входил, например, Н.П. Аксаков, известный славянофил и весьма эрудированный богослов. Митр. Антоний Петербургский (Вадковский) отнесся к группе весьма положительно и поощрял их дальнейшее творчество. Сс.: V-VII, 1, 62 и пр.

² Голоса в «Ответах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе» (1905 г.) распределились следующим

образом: всего епископов, приславших отзывы, было 65, из которых за созыв поместного собора высказалось 50, против 2, остальные этого вопроса не касаются; за собор епископов — 13, за собор епископов и клира — 1, за собор епископов, клира и мирян — 32, 4 этого вопроса не касаются; за избрание патриарха — 18, против — 1, остальные этого вопроса не касаются.

³ Там же, сс. 149-181 и пр.

⁴ Многие богословы, в т.ч. литургист протопресвитер о. Александр Шмеман, считали, что тут ошибка перевода греческого слова «мистикос», которое значит и «тайное», и «мистическое», и что в принципе в церковном богослужении, в котором участвует вся Церковь, т.е. народ церковный вместе с пастырями, не может быть молитв тайных, утаиваемых от паствы.

⁵ Там же, сс. 23, 125, 142-145.

⁶ «Пути русского богословия». Париж, ИМКА-Пресс, 2-ое изд., 1988, сс. 340-349; автор пользовался английским переводом Беллюстина п. ред. профессора G. L. Freeze; I.S. Belliustin. *Description of the Clergy in Russia*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1985. См. также: А. Папков — «Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-освободителя». С.-Петербург, 1902, сс. 112-120 и пр.

⁷ По поводу записки «о необходимости перемен в русском церковном управлении» см.: «Богословский вестник», 1 апреля, 1905 г.; также «Церковная реформа. Сборник статей в духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе». С.-Пбг., тип. А. Арнольда, 1905 г., сс. 207-213.

⁸ «Новое время», 30 марта — «Церк. реф.», с. 174-175.

⁹ В. Розанов — По поводу статьи проф. П.К. Никольского. «Церк. реф.», с. 137.

¹⁰ См., напр., в ук. ист., сс. 123-133.

¹¹ Gerhard Simon. *Church, State and Opposition in the USSR*. London: C. Hurst, 1974, pp. 22-23. Испытывая разочарование от провала задуманных Николаем II церковных реформ и реакционной политики Церкви после 1907 г., Семенов перейдет к старообрядцам, станет старообрядческим епископом во время революции, а при большевиках покончит с собой.

- ¹² Dimitri Pospelovsky. *The Russian Church under the Soviet Regime: 1917-1982*. Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1984, p. 48. Также: Письма архим. Серапиона Машкина (студенту МДА П.А. Флоренскому, о. И. Кронштадтскому и др.), «Вопросы религии», выпуск первый. М., кн. магазин Ефимова, 1906, сс. 174-220. Интересно, что, обличая русское духовенство и монашество, он делает исключение для Оптиной пустыни: «здесь — начиная с самого настоятеля и его канцелярии, все ... живо интересуются и этим моим дебатом [с о. И. Кронштадтским] и другими подобными вопросами современности»; т.е. до самой революции Оптина не потеряла своего духа свободы и открытости миру, что вряд ли можно сказать об Оптиной пост-коммунистической эры.
- ¹³ А.В. Карташев — Революция и собор 1917-1918 г. «Богословская мысль». Париж, 1942, сс. 82-83.
- ¹⁴ М.Н. Куров — Христианско-социалистическая рабоче-крестьянская партия в России (1917-1920 гг.). «Вопросы научного атеизма», вып. 10, М., «Мысль», 1970, сс. 331-347; М.М. Шейнман — «Христианский социализм», М., 1969, сс. 108-110, 162-172.
- ¹⁵ Митр. Мануил (Лемешевский) — «Русские православные иерархи». Куйбышев, 1966 (ркп). Публикация п./ред. Карла К. Фельми, Мартина Георга, М.С. Агурского и Фэри фон Лиленфельд. Эрланген, Германия, 1981, т. II, сс. 234-239. Однако, неясно, был ли он принят обновленцами. 4 августа 1922 г. «рабочие и служащие Пензенского района» пишут жалобу в обновленческое ВЦУ на присланного туда псевдо-обновленческого старого архиеп. Леонида, что тот не признает подлинного обновленца, «вождя Свободной народной Церкви» архиеп. Владимира Путята, перерукополагает рукоположенных последним священников. 5 августа к «Всероссийскому съезду группы православного духовенства «Живая Церковь»» обращается сам Путята, утверждая, что он дерзнул «еще в 1912 г. поднять знамя обновления», за что якобы и пострадал от реакционного монашеского епископата. А 14 августа он жалуется в письме П.Г. Смидовичу на епископа Антонина (Грановского), который на обновленческом съезде не дал Путяте слова и отказался принять его в обновленческую Церковь. Путята называет себя пионером обновленчества и обвиняет Антонина, что он «к обновленчеству не имеет никакого отношения», будучи приверженцем монашеской идеологии. Характерно, Путята называет свое епископство

«специальностью». Будучи сам нравственно-строгим монахом, Антонин по-видимому был против Путята по причинам его известного распутства. См.: ЦГАОР, фонд 1235, оп. 97, ед. хр. 119, 120 и 115; ЦГИАЛ, фонд 833, оп. 1, д. 16.

- ¹⁶ Левитин А. и В. Шавров — «Очерки по истории русской церковной смуты». Kuesnacht. Швейцария, 1978, т. 1, сс. 54-55.
- ¹⁷ См. полный текст письма Ленина, напр., в «Известиях ЦК КПСС», № 4, 1990, сс. 190-193.
- ¹⁸ ЦГИАЛ, фонд 831, оп. 1, д. 299 и 48.
- ¹⁹ «Известия ЦК...», 4/90, с. 194.
- ²⁰ Левитин-Шавров, т. 1, сс. 101-108; Лев Регельсон — «Трагедия русской Церкви, 1917-1945». Париж, ИМКА-Пресс, 1977, сс. 304-311. В 1923 г., когда еп. Алексей был в ссылке, епархия восстановила свое подчинение вышедшему на свободу патр. Тихону. Пospelовский — *Russian Church*, с. 155, сн. 67.
- ²¹ Российский центр хранения и исследований документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 4 (17), оп. 1, д. 340, ролик 185, лл., соотв., 56 и 55.
- ²² Там же, ф. 5, оп. 2, д. 55.
- ²³ Имеются, по-видимому, в виду иерархи типа митр. Сергия, примкнувшего временно к ВЦУ, чтобы изнутри направить его в правильное церковное русло, и арестованного ГПУ после его критики ВЦУ и фактического выхода во временную автокефалию.
- ²⁴ Обновленчество в целом было объединением ряда образовавшихся на местах (или образованных ГПУ) левых просоциалистических или пробольшевистских церковных группировок, самые значительные из которых: 1. «Живая Церковь» Красницкого и пр.; 2. Союз общин Древне-апостольской Церкви Александра Введенского (именно эти две группировки имел в виду еп. Антонин, называя их бунтом рвущихся к власти попов) и 3. Союз церковного возрождения Антонина Грановского, строгого монаха, проповедника аскетизма и монашеско-архиерейского нестяжательства. Пospelовский, ук. соч., сс. 55-59.

- ²⁵ Там же, ф. 5, оп. 2, д. 55.
- ²⁶ Поспеловский, ук. соч., сс. 73–77. Картину дополняет следующее постановление Комиссии по культам, принятое, по-видимому, в результате поездки гепеушника с обновленцем. Комиссия по культам принимает решение не допускать украинской автокефалии в обновленчестве, ограничившись автономией, данной обновленческим собором украинским обновленцам. «Дать указания по линии ГПУ и ЦК РКП, чтоб [украинские обновленцы] повели такую же борьбу» с петлюровскими и контрреволюционными элементами в УАПЦ, как русские обновленцы с тихоновцами. «Лояльные элементы среди автокефалистов привлечь на сторону обновленческой церкви, дабы усилить в ней украинские элементы. Не возражать против (...) богослужений на украинском языке». Там же, ф. 89, оп. 4, д. 164, л. 17. 22.V.23 г.
- ²⁷ На практике, как известно, произошло наоборот: между закрытием собора и московским съездом освобожден был Патриарх, и началось массовое возвращение к нему духовенства и мирян, т.ч. обновленческому съезду пришлось повернуть вспять: ВЦУ было переименовано в Священный Синод, восстановлен старый календарь, богослужение на славянском языке, частично «реабилитировано» монашество.
- ²⁸ Вот, пожалуй, единственное отступление практики обновленцев от решений ГПУ: председателем на соборе (или во всяком случае на некоторых важных его заседаниях) был не Красницкий, а «митрополит» Петр Сибирский. См. жалобу В.И. Львова, почетного члена президиума собора (бывшего при Временном правительстве обер-прокурором Синода), на митр. Петра, который, после принятия собором определения о брачном епископате, неожиданно для всех поставил на голосование вопрос о хиротонии женатого протоиерея Введенского в качестве архиепископа Крутицкого и получил нужное большинство голосов «застигнутого врасплох» собора. Львов напоминает о своей записке Смидовичу (председателю 5-го, «ликвидационного», отдела Наркомюста), в которой он предупреждал о непригодности Петра в качестве председателя, и просит передать (sic!) председательствование Красницкому. РЦХИДНИ, ф. 89, оп. 4, д. 180, лл. 5–6.
- ²⁹ Протоколы заседаний между 30.I и 10.VII-1923 г. Цит. ист., ф. 5, оп. 2, д. 55, лл. 2–10.
- ³⁰ РЦХИДНИ, ф. 89, оп. 4, д. 180, лл. 3–4.
- ³¹ Напр., там же, ф. 5263, оп. 1, д. 55, лл.: 123, 272–271, 303–290 и 338–336 и пр.; гг. 1923–1924.
- ³² Там же, ф. 5, оп. 2, д. 55.
- ³³ Ук. ист., ф. 5, оп. 1, д. 2653, лл. 37 и пр. Апрель 1923 г.
- ³⁴ Ук. ист., ф. 89, оп. 4, д. 164, лл. 3–14.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Ук. ист., ф. 5, оп. 1, дд.: 2640, 42, 43, 47, 51, 53, 55, 56 и др. Даты: между 16.VIII-1922 г. и 15.V-1923 г. А вот внутренний обновленческий документ от 29.VII-1923 г., содержит 310 листов групповых поздравлений патр. Тихону в связи с его освобождением. ЦГИАЛ, ф. св. 831, оп. 1, дд. 194 и 245.
- ³⁷ Регельсон, ук. соч., сс. 345 и 347.
- ³⁸ Там же, с. 343, 349 и 353.
- ³⁹ См. жалобы верующих на отобрание у них храмов обновленцами в ноябре 1923 г. и секретную записку секретаря райкома в ЦИК Узбекской ССР с просьбой разрешить закрыть тихоновскую общину (при ней приложено донесение обновленцев, поносящее тихоновцев как контрреволюционеров и врагов советской власти). Цит. ист., ф. 5263, оп. 1, соотв. дд.: 55 и 39, лл. 123, 35, 34, 39.

ПРАВОСЛАВНЫМ ЛЮДЯМ О ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ*

Слово Божие свидетельствует, что врата адовы не одолеют Церкви (Мф. 16, 18), но бороться с ней будут всегда, так что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). И мы видим, что и Русская Православная Церковь во все времена своего существования подвергалась разного рода гонениям. Особенно они усилились тогда, когда в нашей стране пришли к власти люди, поставившие своей задачей уничтожение Русской Православной Церкви. «Мы пришли к власти, — сказал В.Д. Бонч-Бруевич делегации Собора 1917–18 гг., посланной к Ленину протестовать против надругательства над святынями, — и через пять лет от вас ничего не останется!» Этот факт сообщил мне ныне покойный протоиерей Владимирской епархии о. Петр Чельцов — член Собора 1917–18 годов. Как известно, они добивались решения этой своей задачи всеми доступными им средствами — от прямого физического уничтожения верующих до вмешательства во внутреннюю жизнь Церкви с целью расстроить ее нормальную жизнь и разложить Церковь изнутри.

В этой ситуации нет чего-то необычного, в таких или примерно таких условиях жила Церковь с апостольских времен.

Но сейчас Церковь обрела свободу. Однако попытки разорить Церковь не прекратились — они только приняли другую форму. На Церковь сейчас со всех сторон нападают «волки, не щадящие стада» (Деян. 20, 29–31). Тут и кришнаиты с другими иноверцами, тут и протестанты, и баптисты, и адвентисты и иные недруги.

* Из рукописи, распространяемой в России в машинописных копиях.

В этом общем процессе вражды против Православия и отторжения от него верных чад Церкви участвуют и так называемые «зарубежники», т.е. представители религиозной организации, именующей себя «Русской Православной Церковью Заграницей» и возглавляемой митрополитом Виталием, имеющим свою резиденцию в Америке.

Одним из горьких плодов «раскольничьей» деятельности Зарубежной Карловацкой группировки является участие в расхищении паствы Русской Православной Церкви, участие, в котором они — подобно баптистам — ссылаются на обязанность миссионерства, забывая суровые слова Спасителя: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас» (Мф. 23, 15).

Православное миссионерство основывается на переливающимся через край внутреннем богатстве духовной жизни. По слову Христову: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7, 38–39). Так на Руси распространилось христианство в домонгольскую эпоху, когда главными его проводниками в толщу народа были монастыри, основанные не в городах по инициативе князей, а в пустых местах, поставленные молитвой и постом их основателей, монахов-отшельников. Наиболее известный пример — Киево-Печерская Лавра. Так, через подвиг последователей преп. Сергия, скромных монахов «Северной Фиваиды», приобщились к вере угро-финны и другие инородцы Русского Севера, влившиеся чрез это в состав русского народа и таким образом создавшие могучую монолитную Великороссию. Так пришло Православие в Сибирь, Японию и Северную Америку. Так, наконец, заново обратились ко Христу массы русского народа нашего времени, видя мученический подвиг верных чад Церкви, пострадавших во время ленинских и сталинских репрессий.

Миссионерская ревность зарубежников имеет иные корни. Они, видя оскудение собственной паствы (см.

свидетельство о. Льва Лебедева в его: «Почему я перешел в Зарубежную часть Русской Православной Церкви?», стр. 29), решили приставить к «прекрасным духовным вождям» Зарубежья «истинно верующую российскую паству», и делают это весьма агрессивно. Так, есть решение их руководителей во что бы то ни стало образовать на территории России хотя бы по одному приходу на область. Характерно, что для организации этих приходов они переманивают к себе (как это делали когда-то старообрядцы-беглопоповцы) провинившихся чем-то священников, тех, кто за пьянство, разврат, склоки подвергались запрещению в Русской Православной Церкви. Об этих священниках жалеть не приходится: они знают, на что идут; знают, что поступают неправильно, т.е. «произвольно грешат» (Евр. 10, 26-27), и к ним в полной мере относятся слова Апостола: «Они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли и через то открылось, что не все наши» (I Иоан. 2, 19).

Но горько за тех православных — мирян и некоторых, плохо знающих свою веру, священников, — которые искренне поверили в правоту зарубежных пропагандистов и перешли к ним. Это — заблудшие овечки, ради вразумления которых и пишутся эти строки. К ним наш призыв: «Опомнитесь, одумайтесь, вернитесь в ограду Матери-Церкви! Только в ней — ваше спасение!»
Каким же способом переманивают к себе православных зарубежники? Способ, естественно, один: опорочить Русскую Православную Церковь, убедить ее пасомых в том, что она якобы изменила Православию. Они утверждают, что эта измена совершилась в то время (1927 г.), когда Церковью управлял митрополит Сергей, ставший в 1944 году на короткое время патриархом. По его имени они называют церковную позицию по отношению к безбожной власти, позицию, занятую святителем Тихоном и воспринятую патриархом Сергием и его преемниками — «сергианством», а верных чад Русской Православной Церкви — «сергианами».

Разногласия «зарубежников» с «сергианами» касаются, в основном, вопроса об отношении Церкви к

гражданской власти, вопроса, который особенно остро встал перед Церковью в новых условиях, когда она вследствие прихода к власти убежденных атеистов, считавших веру «опиумом для народа», подверглась длительному жестокому гонению. В этих условиях наши Патриархи, руководимые Духом Святым, сохранили заповеданное Богом правильное отношение к власти. Они не изменили чистоте Православия, как это сделали обновленцы, но и не погрестили против Богом поставленной власти. Оправдывая свой разрыв с Московской Патриархией, зарубежники ссылаются на изданную в 1927 году Декларацию митрополита Сергия. Особенно их возмущают слова: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». (Юбилейный Сб., стр. 222).

Но ведь в сущности то же самое заявил в своей предсмертной декларации и святитель Тихон: «Не погрешая против нашей веры и Церкви, не переделывая чего-либо в них, не допуская никаких компромиссов или уступок в области веры, в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к советской власти и работе СССР на общее благо, сообразуя распорядок *внешней церковной жизни и деятельности* (выделено мной — прот. В. П.) с новым государственным строем, осуждая всякое сообщество с врагами советской власти и явную или тайную агитацию против нее...

Деятельность православных общин должна быть направлена не в сторону политиканства, совершенно чуждого Церкви Божией, а на укрепление веры православной, ибо враги святого Православия — сектанты, католики, протестанты, обновленцы, безбожники и им подобные, стремятся использовать всякий момент в жизни Православной Церкви во вред ей...» (Юбилейный Сб., стр. 203).

И это не вынужденное, как об этом трубят «зарубежники», а глубоко принципиальное отношение к власти, основанное на Священном Писании.

Апостол Павел в послании к Римлянам — т.е. к людям, которые лучше всех могли видеть и знать пороки римских императоров — пишет: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13, 1-2).

Правда, есть предел, за которым послушание власти теряет силу. Этот предел обозначили апостолы, сказав синедриону (высшей власти иудейского народа): «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Оба эти принципа объединил Сам Христос в словах: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21).

«Зарубежники» же считают, что не всякой власти следует повиноваться, что советской власти, как власти безбожной, повиноваться было нельзя, что Русская Православная Церковь, и в особенности ее глава митрополит Сергей, смертно согрешили, повинуясь безбожным антихристианским властям. Они забывают (или просто-напросто не знают), что ближе всего к власти антихриста была власть римских императоров, потому что в ней был главный элемент антихристианства — они требовали поклонения себе как богу (См.: 2 Сол. 2, 4). А перешедший к ним бывший православный протоиерей Лев Лебедев, историк по профессии, видимо, нарочно вводит в заблуждение легковверных, когда в своей брошюре «Почему я перешел в Зарубежную часть Русской Православной Церкви» на страницах с 7-й по 9-ю всячески старается обелить римских императоров-гонителей и договаривается до того, что чуть ли не самих христиан обвиняет в тех гонениях, которые на них обрушились. В частности, он утверждает, что слова апостола Петра — «Бога бойтесь, царя чтите» (I Петр. 2, 17) — написаны были тогда, когда «власти Римской империи как раз не выступали, как гонители» (с. 8). Этим он хочет сказать, что будто бы апостол Петр до гонений велел чтить царя, а как этот же царь начал гонения, тот же апостол Петр должен был отменить свое

слово и призвать верующих больше царя уже не чтить. Трудно поверить, чтобы православный священник с большим богослужебным стажем не знал, что апостолам была дана Богом законодательская власть, и их повеления имеют силу на все времена бытия Церкви! И неважно, когда сказал слова апостол Петр — до начала гонений или во время их! Но интереснее всего то — как нетрудно убедиться из общего тона послания апостола Петра — что эти слова — «Царя чтите» — сказаны уже во время гонений. Особенно в этом убеждает последующий текст: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (I Петр. 4, 15-16). Значит, именно во время написания послания (в частности слов: «Царя чтите») христиане страдали, причем, страдания их были сопоставимы со страданиями убийц, воров, злодеев. Можно себе представить, как казнили убийц в то жестокое время! Но таким же казням и мукам предавали и христиан, причем, только за то, что они христиане. Скорее всего и «огненное искушение» — см. I Петр. 4, 12 — было сжиганием на кострах живых людей, пример которого мы имеем в так называемых Нероновых садах.

Надо сказать, что стремление представить римских императоров в роли таких кротких агнцев — не единственная ложь историка о Льва Лебедева. Лживым является само название его брошюры: «Почему я перешел в Зарубежную часть Русской Православной Церкви?». Та религиозная организация, в которую он перешел, вовсе не является частью Русской Православной Церкви. Зарубежная часть Русской Православной Церкви состоит из расположенных в разных странах мира экзархатов, епархий и приходов, подчиняющихся в церковном отношении Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси и Священному Синоду при нем.* Таким, например,

* Следует уточнить, что «за рубежом», в Западной Европе, основная часть православных приходов подчиняется Вселенскому Патриарху, сохраняя молитвенную связь с Московской Патриархией. — Прим. Ред.

является Западно-Европейский Экзархат. Находясь в России, о. Лебедев никак не мог перейти в зарубежную часть Русской Православной Церкви. На самом деле он перешел в раскольническую группировку, которая только носит имя Русской Православной Церкви — но частью ее являться никак не может!

Как оказалось (см.: Юбилейный Сб., стр. 344), эта ложь не является собственной ложью о. Льва, а есть ложная позиция всей этой церковной организации. Заявляя, что «прекращение отношений между обеими Церквями отнюдь не привело к разрыву между ними» (а что же тогда — спросим авторов этого заявления — называется расколом?), что «Зарубежная Церковь и дальше придерживается единства Русской Церкви, считая себя неотъемлемой частью Русской все-Церкви, состоящей из Патриаршей Церкви, Зарубежной Церкви и «катакомб», эта организация позволяет себе учреждать на территории, подведомственной Московской Патриархии, свои собственные приходы и епархии, грубо попирая этим каноны, в частности 35-е Апостольское Правило, которое гласит: «Епископ да не дерзает вне пределов своей епархии творить рукоположения во градах и в селех, ему не подчиненных. А еще же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные или сёла: да будет извержен и он, и поставленные от него».

Одно из двух: или зарубежники не признают Патриаршую Церковь православной, тогда их действия еще как-то можно понять; или они признают ее православной, тогда не должны на ее территории действовать, как они действуют. Т.е., на словах они признают ее православной, а действуют на ее территории так, как допустимо только по отношению к Церкви неправославной.

Т.е. налицо явная ложь!

Вернемся к теме отношения Церкви к власти. Мы выяснили, что заповедь о повиновении властям предержащим обязательна по отношению к любой власти, даже безбожной. Но как быть тогда со властью антихриста? Неужели и ей надо будет подчиняться?

Пусть это нас не тревожит.

При антихристе вопрос о гражданском повиновении не будет и ставиться, т.к. антихрист подобно римским императорам потребует себе поклонения как богу (см.: 2 Сол. 2, 4). Причем, в отличие от римских императоров, он сумеет с этим своим требованием дойти до каждого своего подданного — в частности, при помощи печати на лбу или на руке, печати, без которой нельзя будет ни покупать, ни продавать (см.: Апок. 13, 16-17). Отказавшиеся поклониться ему как богу — а таковыми будут православные, для которых такое поклонение невозможно, — будут полностью лишены всех гражданских прав: их будут просто-напросто уничтожать — всех, кроме тех, кого Бог укроет в пустыне (см.: Апок. 12, 6; ср.: Мф. 24, 15-22), и тех, кого защитят Илия и Енох (см.: Апок. 11, 3-11).

Так что, то исключение из правила послушания власти, которое сделали зарубежники для власти советской, не имеет под собой никаких оснований. Ибо не подчиняющийся власти Божией установлению противится, проявляя тем самым неверие во всемогущество Бога, имеющего власть любому, даже самому могущественному властителю, сказать властное: «Мене, текел, перес» (см.: Дан. 5). Подобно тому, как, по слову Златоуста, от Бога дается мужу жена: хорошая — в награду за добродетель; плохая — в наказание за грехи, так и власть дается от Бога такая, какую данный народ заслужил. О каком-то из византийских императоров было видение человеку, недоумевавшему, как Бог допустил его к власти. В этом видении ему было сказано, что Бог, желая наказать людей за их грехи, искал для них наихудшего властителя, но хуже этого не нашел. Цели власти, как правило, не совпадают с целями Божиими, они могут быть даже богоборческими, как это, к сожалению, слишком часто бывает, но результаты этой деятельности власти будут такими, каких хочет Бог. Именно этот смысл имеют слова премудрого Соломона: «Сердце царевое в руке Божией» (Притч. 21, 1). И пока это так, пока властитель исполняет волю Божию — он у власти; когда же он для целей Божиих оказывается

ненужным, его власть кончается, его сдувает с престола как пушинку ветром.

Вопрос об отношении Церкви к власти в очень похожем на наше время виде уже ставился в нашей истории, и на него получен четкий и ясный Божий ответ. Я имею в виду историю старообрядческого раскола, который по своей сути очень похож на раскол карловацкий. Ведь суть старообрядческого раскола вовсе не в том или ином перстосложении, не в имени «Исус» вместо «Иисус», не в хождении «посолонь» — все эти старые обряды, ради которых старообрядцы готовы были идти на смерть, были им дороги сами по себе — они казались признаками неповрежденной веры.

Подобно зарубежникам, считавшим советскую власть антихристианской, и старообрядцы считали царей из рода Романовых (особенно Петра I) антихристами. У них для этого (по крайней мере, по отношению к Петру I и Екатерине II) были серьезные основания. Ведь при Петре I совершенно изменилась жизнь русских людей. Вместо молитвенной и по-монастырски суровой русской жизни в допетровскую эпоху вводилась жестокими мерами царя справедливо осуждаемая нашими предками вольная и разухабистая жизнь по западному образцу с ее табакокурением, женской обнаженностью, ассамблеями и прочими развлечениями. Достаточно вспомнить всешутейший Синод Петра, кощунственно издевавшийся над православным богослужением, чтобы понять, как страшна была нашим благочестивым предкам такая перемена. Перемена произошла и в церковной жизни. Не успели привыкнуть к безусловно необходимой церковной реформе патриарха Никона, как последовали наложившиеся на нее и компрометирующие ее реформы Петра. Вновь строящиеся храмы расписывались уже не по старым канонам, а по «фряжским» образцам, против которых в свое время воевал патриарх Никон. Вместо суровых и целомудренных знаменных и столповых роспевов наши предки услышали в храмах сладкозвучную западную «мусику». Потребовалось много лет, чтобы эта чуждая Православию западная культура воцерковилась и стала соответствовать по-

требностям православного духа, создав (особенно в церковной музыке) несомненные культурно-духовные ценности. Что могли обо всем этом думать современники Петра? А более внимательное рассмотрение политики Романовых по отношению к Церкви показывало русским людям (включая даже такого далекого от Церкви человека, как А.С. Пушкин /см. его «Исторические замечания» — там, где он говорит о Церковной политике Екатерины II/) настойчивое стремление власти ограбить Церковь, умалить ее авторитет, уничтожить ее самостоятельность. Достаточно вспомнить, что со времени Петра I и до отречения от престола Николая II все назначения архиереев производились не церковной, а царской властью, что в Святейшем Синоде все дела ставились на обсуждение и решались под контролем светского чиновника — «ока государева» — обер-прокурора, среди которых бывали люди с весьма сомнительными религиозными воззрениями — и мы поймем, что, хотя, осуждая царскую власть, старообрядцы и погрешали (по написанному: «Начальствующего в твоём народе не злословь» — см.: Деян. 23, 2-5), все же следует признать, что для этого осуждения у старообрядцев имелись не менее веские доводы, чем у «зарубежников» для осуждения власти большевиков.

Что же касается осуждения власти церковной, то у старообрядцев для этого имелось гораздо больше доводов, чем у «зарубежников».

Реформа патриарха Никона, так несчастливо слившаяся в сознании русских людей с реформами Петра; то, что во главе Церкви повелением царя был поставлен архиепископ Феофан Прокопович, автор «Духовного Регламента», идеолог ликвидации патриаршества и главенства императора над Церковью, — все это хоть как-то оправдывает старообрядцев в их грехе непослушания церковному священноначалию. «Зарубежники» же не имеют никакой возможности оправдать свой раскол, т.к. раньше православных канонизовали Святейшего патриарха Тихона — человека, который поначалу, когда имелась возможность считать новых властителей если не православными, то порядочными людьми,

когда еще была надежда на их исправление, обличал их с мужеством свв. Иоанна Златоуста и Московского митрополита Филиппа Колычева, а потом, когда понял, что власти в своей антицерковной политике неисправимы, что продолжение обличений только наносит новые раны Церкви, стал вести политику компромиссов до последней возможной черты. Надо помнить, что православные иерархи имеют право обличать и наставлять только православных правителей, т.е. тех, которые, будучи гражданскими начальниками их, одновременно являются их духовными детьми. Если же власть — вне Церкви, то церковные деятели до некоторой степени теряют право на ее обличение. Им остается только послушание власти во всем кроме того, что вступает в противоречие с законом Божиим.

Вот такую политику унаследовал от святителя Тихона его преемник — митрополит Сергей, на которого зарубежники нападают с особым ожесточением. Ему особенно ставятся в вину Декларация 27-го года и требование подписи о лояльности Советской власти от зарубежных архиереев. Как обстояло дело с подпиской о лояльности? Власть обвиняли Церковь во враждебности к ним. Иерархи во главе с патриархом Тихоном и митрополитом Сергием заверяли властителей в том, что верующие люди по закону Божию не могут быть противниками власти. А в это время за границей такие же архиереи, пользуясь своей свободой от Советской власти (как об этом говорит Лебедев — стр. 11), «свидетельствовали пред всем миром ... что советское государство антихристово и преступно, и разоблачали его зверства и беззакония». Т.е. получалось, что когда желавшее уничтожить Церковь правительство искало хоть сколько-нибудь законного повода для репрессий над оказавшимися в его власти архиереями, находящиеся вне его власти их собратья услужливо представляли ему такую возможность, осыпая его из безопасного заграничного далёка всяческими оскорблениями. В таких условиях подписка о лояльности есть относительно мягкий способ воздействия на провоцирующих гонения зарубежных иерархов.

Теперь о Декларации 1927 года (см.: «Почему я перешел...», стр. 14). Зарубежники считают, что после заявления митрополита Сергия о том, что мы, оставаясь православными, желаем считать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи, Русская Православная Церковь якобы отреклась от правды Божией и ее православности «превратилась в своего рода музейное хранение набора отвлеченных умозрительных представлений, хотя и правильных, но совершенно лишенных «духа и силы» (I Кор. 2, 4). И это говорится о словах, которые находятся в точном соответствии с принципом, данным нам Самим Господом: «Кесарево кесарю, Божие Богови» (Мф. 22, 21)?

Причем, вся сила приведенного выше текста из декларации митрополита сказала в годы Великой Отечественной войны, когда с особенной остротой каждый верующий (как, впрочем, и неверующий — если он был истинным патриотом своей Родины) ощущал, что любой успех нашего правительства — это наш успех, а любая его неудача — это наша неудача. Мы должны быть глубоко благодарны митрополиту Сергию, что он в самые страшные годы репрессий не омрачил наши сердца злобою, а научил нас покорности воле Божией и начальникам, от Него поставленным.

Но допустим на минутку недопустимое, поверим зарубежникам в их утверждении, что митрополит Сергей согрешил, издав Декларацию 1927 года. Но и тогда зарубежники не имеют права назвать Русскую Православную Церковь отступившей от Православия и «лишенной ... духа и силы». Ведь был же во главе той Церкви, наследниками которой считают себя зарубежники, протестантствующий архиерей Феофан Прокопович, ведь потребовал царь от всех тогдашних архиереев подписать «Духовный Регламент», нарушающий канонический строй Церкви. Все это не идет ни в какое сравнение с деяниями митрополита Сергия, который во всей своей деятельности одушевлен был одной мыслью — не потеряв ничего из Православия, спасти Церковь от физического уничтожения; лозунгом кото-

рого было: «Нам бы хоть сто свечек сохранить, от них и остальные зажгутся» (что, кстати скажем, и произошло). И раз деяния Феофана Прокоповича не сумели уничтожить благодать, живущую в Церкви, тем более ее не уничтожили (а наоборот, сохранили) действия митрополита Сергия.

А то, что действия Феофана Прокоповича не уничтожили благодатное состояние Русской Православной Церкви, стараниями Петра I и его преемников связанной по рукам и ногам и полностью лишеной самостоятельности, показал Сам Бог, прославив в ней чудесами и знамениями множество святых — от святителя Митрофана Воронежского — современника и друга императора Петра — до современника последнего императора Николая II — святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Очень характерно, что прославлены Богом не люди типа митрополита Арсения Мацеевича, мужественно боровшегося против угнетения Церкви царской властью, а люди смиренные и законопослушные, такие как святитель Димитрий Ростовский или Феофан Черниговский — чудотворцы, сравнимые по силе чудотворений разве только с Николаем угодником.

Но и «сергианам» дал Бог мужество и силу засвидетельствовать миру их верность Богу и Православию подвигами мученичества и исповедничества, причем без тени противления власти.

Один из таких мучеников — протоиерей Рязанской епархии о. Евгений Климентовский, окончивший свою жизнь в среднеазиатской ссылке, — был однажды вызван в ГПУ, где, чтобы заставить его для сговорчивости долгое время дрожать от страха, его не сразу вызвали пред грозные очи начальства. Он подождал, подождал, а потом улегся на лавку и заснул. Его толкают: «Ты что, старик, спишь? — А что, разве нельзя? — Да нет, но неужели тебе не страшно? — А что мне бояться, вы ребята хорошие, я к вам привык. — Иди отсюда, старик!» Вот вам «сергианец» в чистом его виде! Он уже вполне свыкся с мыслью о мученическом

венце и не питает никаких враждебных чувств к своим гонителям, совершенно искренне называя их «хорошими людьми». А ведь это — старинный, заслуженный протоиерей; человек, которому есть за что себя уважать — и благодатию Божией дошедший до таких замечательных глубин смирения и предания себя в волю Божию.

Хочу вспомнить своего деда — протоиерея Анатолия Правдолюбова, расстрелянного в 37-м году. Он, провожая моего брата, а своего внука, арестованного в 35-м году, сказал ему прощальные слова: «Помни, Анатолий: «возрадуйтесь в тот день, и възграйте!» (см.: Лк. 6, 22–23). Т.е. он сам радовался и своему внуку наказывал радоваться, что сподобил Господь претерпеть гонение за Веру Христову.

Хочется и о брате сказать: он вернулся в 40-м году из ссылки, прошел фронт и стал священником. Будучи почтенным протоиереем, он однажды в присутствии своих сыновей, глядя на разоренный и разрушающийся храм, в котором когда-то служил псаломщиком, со слезами на глазах сказал: «Господи, прости нас! Это за наши грехи Ты разрушил наши святыни!» А сколько таких смиренных христиан по всему лицу Русской земли!

И как Завет этих мучеников «сергиан», нам осталось такое их рассуждение. Советская власть считает верующих своими врагами и относится к ним соответственно. Но верующие не должны в ответ враждебно относиться к власти, иначе получится драка, в которой побеждает грубая сила. Поскольку нам не дано воздействовать на власть, поскольку мы не ответственны за ее действия, мы не должны ее осуждать или ей противодействовать, иначе мы будем «посягающими на чужое» — т.е. на власть, нам не принадлежащую. В таком — и только в таком! — случае любые наши страдания будут только ради Христа, по слову апостола: «Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (I Петр. 4, 15–16).

В.Е. ДРАШУСОВ

ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ РУСИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Нижеследующие мысли относятся в первую очередь к «РУСИ», то есть к Российской Федерации, Украине и Белоруссии, не исключая однако закавказских и среднеазиатских республик, если они останутся активными партнерами СНГ.

Наиболее состоятельные страны мира основали три могучие группы: Европейский Союз, Северо-Американское Торговое Соглашение и Азиато-Тихоокеанское Сотрудничество. Остальные страны стали периферийными, и их экономическое будущее в значительной степени зависит от взаимоотношений между тремя группами и от их отношения к остальному миру. Наследники Российской империи и Советского Союза еще не определили своего места в этом новом распределении сил. Почему? Потому что трудно вывести рациональные долгосрочные решения из противоречивых предпосылок тяжелого настоящего. Однако, осторожный прогноз все-таки возможен, если он примет к сведению уроки прошлого и возможности будущего.

Во взаимоотношениях России и Запада всегда были элементы иррациональности и субъективизма. Большинство россиян сознает свою принадлежность к общей европейской культуре, но в то же время утверждает все-российскую самобытность и «особенную статью». Довольно часто это внутреннее противоречье выливается либо в грубый шовинизм, либо в комплекс неполноценности.

Со своей стороны, Запад не раз переходил от отождествления бывших Российской империи и Советского Союза с огромным, беспокоящим и недоразвитым Кали-

Таким образом смиренные батюшки-«сергиане» исполняли завет своего духовного вождя — московского святителя Тихона:

«Чадца Мои! Пусть слабостью кажется иным эта Святая незлобивость Церкви, эти призывы наши к терпеливому перенесению антихристианской вражды и злобы, это противопоставление испытаниям и обычной человеческой привязанности к благам земли и удобствам мирской жизни христианских идеалов; пусть «невместимо» — «жестоко» кажется омирщенному пониманию радость, черпающая себе источник в страданиях за Христа, — но Мы умоляем вас, умоляем всех наших Православных чад, не отходить от этой единственно спасительной настроенности христианина, не сходить с пути крестного, ниспосланного нам Богом, на путь восхищения мирской силы или мщениа. Не омрачайте подвига своего христианского возвращением к такому пониманию защиты благополучия, которое унизило бы Ее и принизило бы вас до уровня действий Ее хулителей. Убереги, Господи, нашу Православную Русь от такого ужаса». (М. Вострыжев. «Божий избранник. Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России». М., Современник, 1990, стр. 90).

Так Русская Православная Церковь — Церковь-мученица — еще раз явила миру всю красоту Православия. А то, что «зарубежники» идут в эту Церковь поучать ее истинному христианству, показывает, что они в нем ничего не понимают.

Православные люди! Бойтесь отступления от Церкви! Бойтесь и зарубежников, и катакомбников, увлекающих вас от чистого и смиренного Православия в пучину гордости и злобного политиканства! Бойтесь приходящих к вам в овечьей одежде волков-хищников! Русь Святая! Храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!

10.07.92 г.

баном к восхищению перед доблестными защитниками Европы от очередных завоевателей и перед отважными испытателями заманчивых утопий.

Конструктивная политика не может созидаться на предвзятости и субъективизме. Русь не часть «третьего мира» и не обреченная страна. В ее сегодняшнем кризисе сосуществуют элементы разложения и возрождения, и ее прошлое, ее человеческий потенциал и природные богатства позволяют надеяться, что силы возрождения восторжествуют.

Положение Руси и ее соседей сейчас очень тяжелое. По сравнению с ними, богатые страны являются примерами благоустройства и высокого уровня жизни. Но под блестящей действительностью, которая изумляет кратковременных посетителей, назревает глубокий кризис духовности и цивилизации. Десятилетия благополучия и обеспеченности подточили их приспособляемость к огромным технологическим и социо-экономическим переменам XX века; индивидуальный и корпоративный эгоизмы вытесняют солидарность и общественную порядочность. Появление новых мировых сил порождает пессимизм, пассивность или старческое раздражение. Конечно, это не значит, что богатые страны обречены на упадок. У них еще много сил, опыта и знаний. Но они вошли в полосу самоанализа и сомнений.

Оттого, если их поддержка сейчас полезна и даже необходима, то роли могут перемениться в не слишком далеком будущем. Русь не должна держать себя перед ними, как неполноценный ученик перед мудрым и непогрешимым учителем, но как сотрудник с сотрудником, совместно преодолевающие свои специфические затруднения.

Исходя из этих предпосылок, можно предугадать, какие могут быть сношения между Русью и тремя экономическими гигантами.

Азиато-Тихоокеанское Сотрудничество — наиболее динамичная из трех групп и, вероятно, станет первостепенным партнером для Сибири и важным партнером для всего СНГ.

Однако, тесные экономические сношения вряд ли приведут к постоянному политическому сближению. Во-первых, потому что слишком различны культура, традиции, склад личной и общественной жизни; во-вторых, потому что географическая близость полумиллиардного и динамического блока с богатой, но мало населенной Сибирью и со слабыми среднеазиатскими республиками демографически опасна и неизбежно побудит СНГ искать противовес на Западе.

Северо-Американское Торговое Соглашение социологически и психологически ближе к Руси, хотя многие виды американской мега-культуры ей малопривлекательны. Но их сближают масштабы, природные богатства и мировой размах, который потеряли европейские государства. Однако, США, инициатор и движущая сила Северо-Американского Союза, плохо подготовлены к равноправному сожительству с другими странами. Победив в холодной войне, они хотят сохранить как можно дольше свое политическое и военное первенство. Их самоуверенность и комплекс этической непогрешимости мешают им хорошо понимать психологию и культуру других народов и считаться с ними. Оттого тесное содружество с организациями, в которых США играют ведущую роль, возможно только на их условиях, что — рано или поздно — будет недопустимым для Руси.

Остается третья, сейчас наименее динамичная мега-группа: Европейский Союз.

Европа сегодня страдает комплексом дряхлых империй, сталкивающихся с более молодыми, агрессивными наследниками и соперниками. Ей не хватает стимула новых идей и горизонтов. Все уже испытано, пережито, природные богатства почти израсходованы, всякое новое творчество становится непосильным и скучным. Если не начнется в скором будущем процесс омоложения, пророчество Достоевского в «Дневнике Писателя» может исполниться в XXI веке — и тогда древняя и славная Европа станет музейным, ресторанным и увеселительным «Disney World» для заморских туристов.

Русь тоже переживает сейчас тяжелый кризис на развалинах империи и кровавой, утопической, но удо-

бопонятной системы. Она старается взрастить от своих исторических корней новую Русь, которой удалось бы сочетать в жизнеспособном обществе богатые, но иногда противоречивые ценности прошлого и сложные, часто двузначные, возможности и искания современности.

Итак, проблематики Руси и Европы очень различны, но до известной степени добавочны: Русь обильна простором, природными богатствами, талантами, закалом пережитых испытаний, духовной силой, еще не испорченной удобствами и благополучием повседневной жизни; Европа богата технологией, опытом благоустройства общественной и личной жизни, организаторскими способностями, правовыми традициями. Западная Европа созидательна и эффективна в будничной деятельности и в решении обыденных задач. Русь вяло реагирует на обыденщину, но, когда приперта к стене, творит чудеса в ударном порядке.

Сближение Руси и Западной Европы может быть обоюдно плодотворным и привести к созданию крепкого экономического и культурного пространства от Лисабона до Берингова пролива. Но препятствия есть, и очень существенные.

Во-первых, взаимное недоверие: ложные представления Запада о исторической агрессивности Руси и о неполноценности ее народов; идейный и бытовой шовинизм и боязнь «тлетворного» влияния Запада наиболее консервативной части российского населения.

Во-вторых, беспокойство некоторых стран бывшего восточного блока, которые ждут от Европейского Союза защиты от Руси, а не сближения с ней.

Наконец, в-третьих, нежелание Северо-Американского, Дальневосточного Союзов допустить создание мощного «Евразийского» блока.

Однако эти препятствия преодолимы, и можно считать, что тесное сотрудничество между Западной Европой и Русью и полезно, и целесообразно. Сотрудничество, но не слияние: тенденция некоторых «западников» видеть в Руси лишь составную часть Европы не соответствует действительности. Несмотря на общие исторические и духовные корни, Русь существенно

отличается от более однородных государств и групп государств, как Германия, Франция, Бенилюкс, не только своими размерами, но и неславянскими компонентами и тесными взаимоотношениями с Азией. Оттого ей не надо входить в состав Европейского Союза на тех же условиях, что, например, Польша или Чехия, но с ним родственно и систематически сотрудничать.

Как уже было не раз в ее бурной истории, Русь стоит на перепутье между возрождением и разложением. От нее, от мудрости, терпения и энергии ее народов зависит не только ее собственное благополучие, но и будущее европейской культуры в сложном и опасном мире будущего столетия.

Декабрь 1993.

ПАМЯТИ Ю.М.ЛОТМАНА
(28.II-1922 — 28.X-1993)*

Ученые всего мира — слависты, историки, культу- рологи, семиотики, искусствоведы, киноведы — знают Юрия Михайловича Лотмана как одного из основа- телей Тартуско-Московской семиотической школы. Для нас — тартуских филологов, — ушел из жизни наш Учитель, дорогой и любимый человек.

Трудно найти исследование в области семиотики, теории и истории культуры, истории русской литерату- ры, в котором не было бы ссылки на издания кафедры русской литературы Тартуского университета «Труды по русской и славянской филологии», «Труды по знаковым системам», — создателем и вдохновителем которых был Юрий Михайлович. Идеи Ю.М.Лотмана и его школы органично вошли в работы самых разных ученых не- скольких поколений. Список печатных трудов Ю.М. Лот- мана насчитывает более 780 названий. Но его влияние, духовные интенции нашли отражение в неизмеримо большем количестве текстов, изменили духовный климат эпохи. Ю.М. Лотман был творцом уникального культурного пространства, уникальной позиции уче- ного, имеющего силу, смелость и духовную свободу анализировать самые сложные проблемы мировой куль- туры.

Молодой ленинградский филолог, не нашедший работы в родном городе, попадает в 1950 г., в конце ста- линской эпохи, в провинциальный Тарту, на случайно оказавшееся свободным место преподавателя в Тарту- ском учительском институте. Через пятнадцать лет, благодаря Ю.М. Лотману и его немногочисленным единомышленникам, Тарту становится республикой ученых, одушевленных идеалами свободной и объек- тивной науки. Конференции (так называемые «летние школы») в Кяэрику и Тарту, инициатором которых был

* Печатается по тексту, опубликованному в специальном вы- пуске «Русской газеты» (Тарту).

Ю.М. Лотман, привлекали участников из Москвы, Ленинграда, Риги, Еревана, Киева, Саратова и других городов. Лотман создал атмосферу продуктивного диа- лога для ученых разных школ и разных интересов. Сложился общий язык, отличный от идеологизированного языка советской науки. Особая атмосфера Кяэрику была пронизана жаждой свободы. Юрий Михайлович форми- ровал этот дух примером собственного бытия. Он был свободен и, может быть, более других осознавал свое право мыслить.

Танки в Праге в 1968 году Ю.М. Лотман пережил как личную трагедию и как национальный позор. Реакция, последовавшая за пражскими событиями, сказалась на судьбе тартуской кафедры и школы в целом. Некоторые ее участники вынуждены были вскоре уехать за гра- ницу, некоторые были арестованы, за Лотманом был установлен надзор. Юрий Михайлович имел все возмо- жности уехать на Запад, работать в самых престижных университетах и научных центрах, но он не считал воз- можным покинуть свой университет и кафедру.

В 70-е годы прекратились летние школы. Ю.М. Лот- ман усиленно работает над завершением исследований о жизни и творчестве Карамзина и Пушкина. Значитель- ная часть замыслов Юрия Михайловича реализовалась в его лекциях, прочитанных в Тартуском университете. Из-за огромной загруженности Юрия Михайловича как преподавателя, руководителя семинаров, заведующего кафедрой, научного руководителя семиотической лабо- ратории, редактора «Ученых записок», его спецкурсы о Гоголе, Карамзине, Пушкине, Баратынском, Тютчеве, кружках и салонах XVIII-XIX веков в Европе и России так и не были оформлены в монографические исследо- вания. Только их слушатели знают, что опубликован- ные статьи отражают лишь фрагменты завершенных концепций.

В 70-е годы Ю.М. Лотман приступает к созданию глобальной теории культурных процессов, которая отразилась в его работах от «Статей по типологии культуры» (1970-73) до книги «Культура и взрыв» (1992).

Начав как традиционный историк литературы, Ю.М. Лотман через семиотику приходит к универсальной теории культуры и философии истории. В его эволюции мы видим органическое развитие той духовной позиции, которую он занял в конце 50-х-начале 60-ых годов. Академический ученый, сосредоточенный преимущественно на проблемах русской культуры, он осознал необходимость глобального охвата явлений.

Для всех нас Юрий Михайлович был прежде всего Учителем. Преподавательская работа была для него так же важна, как и научная. Он часто повторял, что профессия учителя — одна из самых сложных. Вспоминая о своих учителях в Ленинградском университете — Г.А. Гуковском, Н.И. Мордовченко, Б.В. Томашевском, Б.М. Эйхенбауме, В.Я. Проппе, — он восхищался не только их научным талантом, но и педагогическим даром. Творческий импульс их лекций в значительной степени повлиял на Ю.М. Лотмана-лектора. Его еженедельные спецкурсы воспринимались студентами как событие. С Ю.М. Лотманом уходит целый мир — мир петербургской филологии начала века, атмосфера семьи петербургских интеллигентов, жизнь университетских семинариев.

Начало 90-х годов было драматическим. 25 декабря 1990 г. неожиданно скончалась жена Юрия Михайловича — Зара Григорьевна Минц. Умер ученик и близкий друг — Валерий Иванович Беззубов. Ю.М. Лотман сознавал конец и своего пути. Переживая смерть близких и друзей и собственное нездоровье, он проявил поразительную стойкость. Юрий Михайлович работал до конца: писал, читал лекции, консультировал учеников и коллег.

Одной из любимых идей Юрия Михайловича была концепция бытового, повседневного поведения как возможности культурного выбора, поля пересечения Личности и Истории. Сам Ю.М. Лотман был всегда полон самоиронии и никогда не вставал на котурны исторического деятеля. Но именно эта скромность, требовательность к себе, подчас беспощадная самокритичность и переводит его биографию в Историю.

Потеря для нас невозполнима. Но читателям остаются книги. Нам — память сердца и любовь.

Кафедра русской литературы
и кафедра семиотики
Тартуского университета

Ю.М. ЛОТМАН

МЫ ВЫЖИВЕМ, ЕСЛИ БУДЕМ МУДРЫМИ

Сейчас по телевидению, на радио и в газетах господствует то, что я назвал бы сдержанным пессимизмом. Я же хотел бы выразить сдержанный оптимизм. Я полагаю, что, как говорится в поговорке, «Страшен сон, да милостив Бог», и что ожидающие нас трудности, возможно, не так страшны, как нам кажется.

Почему я так думаю? В молодые годы я всю войну был на фронте, я — артиллерист. И я знаю, что когда находишься в 30 км от передовой, откуда идет сплошной гул, — то очень страшно. Когда приближаешься на расстояние в 10 или даже в 8 км, то уже не так страшно. Оказывается, разряды идут не сплошным рядом: снаряды падают то там, то здесь, перелетают, недолетают... Главное для того, чтобы избавиться от страха, идти ему навстречу. Мы очень часто переживаем страх заранее, видим его в гораздо худших формах, чем он есть на самом деле, — и падаем духом. Стоит посмотреть страху в лицо, и выясняется, что он не так и страшен. Поэтому первое, что я пожелал бы всем, — *бодрости*.

Основной способ сохранить бодрость — это утешать другого. Нельзя сохранить бодрость в одиночку. В одиночку вообще спастись нельзя. Поэтому второе, что бы я пожелал, — это *консолидации*.

Земля, на которой мы живем, совсем не велика. Это прежде она представлялась огромной. Еще во времена моей молодости казалось, что ей нет конца. А сейчас мы видим, что она маленькая. Поэтому отделить себя от армян — нельзя, отделить себя от событий на Кавказе — нельзя, отделить себя от событий во всем мире — нельзя. Мы все плывем в одной лодке: или мы все вместе утонем, или мы все вместе спасемся. Спаситься же в одиночку не удастся никому. Единственный способ спастись — быть бодрым и помогать ближнему.

В Эстонии, я думаю, судьбы всех нас — и эстонцев, и русских — в значительной степени будут зависеть от того, насколько мы научимся понимать друг друга. Нам нужно не обиды свои перебирать — обид у нас у всех от Адама полно, — а нужно научиться прощать и помогать. Если же мы начнем искать первую обиду, мы все равно ее не найдем, но этот поиск станет для нас школой ненависти, — и мы все потонем. Поэтому, когда к нам бывают несправедливы, — конечно, это очень обидно, — надо все время помнить о том, что и мы бываем несправедливы. И надо не считать, а прощать, надо быть умными.

Мы выживем, если будем даже не умными, а мудрыми. Мы уже не дети, которые столько тысячелетий играли в войны, и живем мы не в каменном веке. Может быть, сейчас эпоха войн уже подходит к концу. Только бы не случилось по украинской поговорке: «Поки сонце зійде, роса очі виїсть». Только бы роса не выжгла очи. Что для этого нужно? Помните, как говорил автор «Слова о полку Игореве»: «И начали князья на малое се большое говорить, а половцы приходили со всех сторон войной на русскую землю». Так вот войны приходят, когда люди начинают «на малое се большое говорить». Поэтому я желаю всем *мудрости и терпения*.

Надо помнить, что если я запрусь и буду считать, сколько, кто и когда меня обижал, жить мне будет горько, а мир вокруг меня будет представляться несправедливым. А это не так. Я должен считать не тех, кто передо мной виноват, а тех, перед кем я виноват. Мы все виноваты друг перед другом: перед нашими близкими,

перед нашими родителями, перед нашими соседями. Мы все время — даже не желая этого — приносим зло. Поэтому еще я желаю заpastись *терпением и снисхождением*.

Желаю всем *счастливой любви*, без которой тоже жить нельзя. Желаю *здоровья*, здоровье очень важно. Но здоровье тоже зависит от нашей бодрости. Знаете поговорку: «На печального и вошь лезет»? Не нужно быть печальными. Господи, ведь сейчас не блокада, не война. Ведь смотря от какого конца вести отсчет. Если считать от идеала, то у нас много чего нет. А если от конца последнего, то у нас много есть чего терять. Дай Бог, не потерять, дай Бог сохранить то, что имеем.

1992 г.

ИМКА-ПРЕСС В ИРКУТСКЕ

В начале сентября открылась очередная выставка-библиотека издательства ИМКА-Пресс в одном из самых отдаленных городов России, в Иркутске.

На этом торжестве присутствовали от ИМКА-Пресс Н.А. Струве, от «Русского Пути» Е. Гениева и В. Москвин, от министерства культуры заместитель министра М. Швидкой, от французского посольства советник по культуре Ф. Этьен и директор французского культурного центра Клод Круай.

Как уже стало традиционным, были устроены одновременно выставки всей продукции ИМКА-Пресс с ее основания и французской современной книги: все выставленные экспонаты были переданы в дар областной библиотеке (книги ИМКА-Пресс были щедро оплачены А.И. Солженицыным). Не менее традиционное открытие, состоявшееся при большом стечении народа, началось с молебна, за которым последовали краткие речи, отмечавшие значение для современной России той богатой духовной культуры, которая была взлелеяна в эмиграции.

С библиотечных стен на присутствующих смотрели светлые лица митр. Евлогия, прот. С. Булгакова, Н. Бердяева, священник А. Ельчанинова, матери Марии, Н. Зернова, К. Мочульского, прот. А. Шмемана и др., как бы осязательно знаменуя их совместный возврат на родину.

Местные культурные силы, директор «Восточно-Сибирского издательства» Ольга Арбатская, директор Дома-музея декабристов Е.А. Ячменев, его сотрудник Евг. Дечиков, власти области и города приложили все усилия, чтобы три-четыре дня, проведенные в Иркутске, были максимально заполнены.

В просторном зале бывшего обкома Н.А. Струве прочел перед тысячной аудиторией, состоявшей преимущественно из молодежи, лекцию о духовном значении творчества А. Солженицына.

Гости посетили Музей декабристов — дом С.М. Волконского, — где был устроен музыкальный утренник,

совершили экскурсию по Байкалу, участвовали в часовой телевизионной передаче, были приняты в бывшем губернаторском доме, где 150 лет тому назад служил прямым помощником гр. Муравьева-Амурского прадед Н.А. Струве, Бернгард Васильевич, оставивший о своем пребывании в Иркутске интереснейшие воспоминания.

У Н.А. Струве состоялись встречи с местным духовенством (еп. Вадимом, прот. Евгением Касаткиным) и в доме союза писателей с писателем В.А. Распутиным.

Письмо Е.Ю. Сидорова, министра культуры Российской Федерации, директору издательства ИМКА-Пресс

Н.А. Струве

Глубокоуважаемый Никита Алексеевич!

Примите мою благодарность и одновременно поздравления в связи с открытием Библиотеки «ИМКА-Пресс» в сибирском городе Иркутске.

Это далеко не первая библиотека возглавляемого Вами издательства, которую Вы основываете в России; хотелось бы надеяться, что не последняя. Ваш щедрый дар соотечественникам несет не только высокий символический смысл, знаменуя воссоединение некогда искусственно и грубо разделенной русской мысли, русской культуры, русской литературы. Он, этот дар, имеет огромную практическую ценность, ибо позволяет русским читателям открыть для себя крупнейшие имена, до недавнего времени совсем неизвестные, либо знакомые по слухам, да и то искаженным. Он возвращает в Россию мощный пласт насильно отторгнутой культуры, любовно и бережно собранной и сохраненной Вашим издательством.

Особенно отраднo, что Библиотека «ИМКА-Пресс» открывается во глубине России, в одном из ее главных культурных центров. Если перемены, как правило,

происходят в столицах, то обновление нации начинается в провинции, ближней и дальней; чем больше в ней очагов культуры, питающих мысль живую, тем лучше для государства.

Еще раз благодарю Вас за самоотверженную деятельность по возвращению на Родину ее законного наследия.

Желаю Библиотеке «ИМКА-Пресс» многочисленных преданных читателей, а лично Вам, Никита Алексеевич, — доброго здоровья и новых успехов на Вашем достойном поприще.

Искренне Ваш

Е.Ю. Сидоров.

20 августа 1993 г.

Книги из Парижа

«Восточно-Сибирская Правда», 7.09.1993

Одним из центральных событий закрывшейся в прошедшую субботу в областной публичной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского выставки парижского издательства «ИМКА-Пресс» стала лекция профессора русской литературы Никиты Алексеевича Струве. Он рассказал о творчестве Александра Солженицына, с которым его связывает личная дружба с начала семидесятых годов. Издательство, директором которого является Никита Алексеевич, выпустило в свет все произведения великого русского писателя. Творческие контакты автора «Архипелага ГУЛаг» и «Красного колеса» не прекращаются и в настоящее время. Еще на открытии выставки, состоявшемся 1 сентября, Н.А. Струве сообщил, что книги, предоставленные для знакомства иркутянам, лично оплачены писателем и преподносятся им в дар.

Лекция же Н.А. Струве, естественно, вызвала огромный интерес. Конференц-зал бывшего Дома полити-

ческого просвещения, в котором сейчас работает библиотека, был забит до отказа. Особенно много было молодежи, главным образом студентов Иркутского госуниверситета и других вузов города.

— Особенность творческого и жизненного пути А.И. Солженицына заключается в том, что, несмотря на величайшие испытания, выпавшие на его долю, кажущуюся непомерность его писательских замыслов, он выходил всегда победителем, — подчеркнул профессор. — Замыслы его идут по восходящей. В его произведениях заложено пророческое начало, поскольку его видение мира глубоко уходит своими корнями в тайны человеческого существования.

Профессор Н.А. Струве на многих примерах обосновал эти выводы, опираясь на ассоциативные сопоставления с творчеством Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, оттеняя свои мысли интерпретацией Библии, высказываниями мастеров мировой культуры. Отвечая на вопросы слушателей, а они были порой острыми, профессор показал и противоречия, присутствующие у Солженицына, вытекающие тоже из особенностей видения современного писателю мира и процессов, в нем происходящих. Но главный вывод был незыблем: Александр Солженицын, его творчество — явление в мировой литературе.

Выставка книг русского зарубежья, представленная такими именами, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, М.О. Гершензон, князь С.М. Волконский, Л.И. Шестов, И.В. Ильин и другими, коллекциями книг по философии, богословию, истории, искусству и т.д., показала, что многие десятилетия от отечественного читателя был скрыт целый пласт духовной культуры. Ныне же эти книги стали нашим общим достоянием и с ними можно познакомиться в читальном зале областной публичной библиотеки. Некоторые из этих изданий просто уникальны, поскольку выходили в свет в 20-30-х и 40-50-х годах.

Немало посетителей было и на выставке французской современной книги, экспонировавшейся рядом с книгами «ИМКА-Пресс». Особое внимание привлекли

издания по искусству: альбомы, монографии, подарочные издания и т.д. Как известно, и эти издания тоже переданы в дар иркутянам. Директор французского Культурного центра в Москве господин Клод Круай и директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. И.М. Рудомино Екатерина Юрьевна Гениева на встрече с общественностью Иркутска рассказали о том, что Франция и Россия активно сотрудничают по пропаганде современной книги. Недаром Культурный центр Франции в Москве обосновался именно в этой библиотеке. Читатели в зале центра могут найти любое издание, выходящее в Париже, Клод Круай заметил, что ныне такие контакты устанавливаются и с Иркутском. Центр окажет помощь в работе французского отделения института иностранных языков.

Е.Ю. Гениева, обращаясь к коллегам из Иркутска, сказала о том, что руководимая ею библиотека готова оказать помощь в комплектовании библиотечных фондов. Ведь ВГБИЛ является крупнейшим международным культурным и научно-исследовательским центром. Она ведет обмен с 1300 организациями из 90 стран мира и более чем с 350 библиотеками СНГ. Осуществляет и книгоиздательскую деятельность.

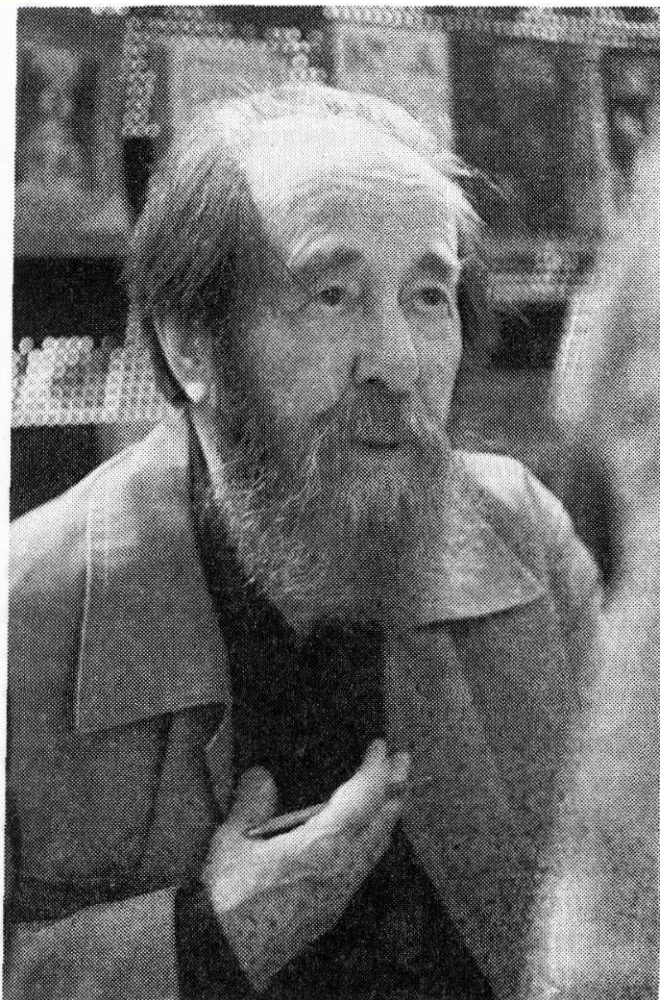
Словом, в дни работы выставки иркутяне получили много ценной и полезной информации, а специалисты смогли получить консультации по интересующим их вопросам. В заключительный день работы состоялась пресс-конференция для журналистов...

— Мы считаем, что эта выставка стала большим событием в культурной и духовной жизни иркутян, — подчеркнул вице-губернатор Иркутской области Борис Григорьевич Алексеев. — Завязаны деловые контакты, и все это послужит не только сближению культурных связей, но и возрождению России.

Под этим знаком и прошла выставка изданий издательства «ИМКА-Пресс» и современной французской книги.

Анатолий Семенов.

ПОСЕЩЕНИЕ «ИМКА-ПРЕСС» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

А. Солженицын
подписывает
книги
в магазине
«ИМКА-Пресс»

В Париже, в сентябре 1993 г., А. Солженицын дал интервью прямым эфиром Бернару Пиво, был приглашен к обеду премьер-министром Э. Балладюром, принял у себя в гостинице мэра Парижа Ж. Ширака, выступал на банкете, устроенном крупнейшей издательской фирмой «Hachette», был на приеме у своего французского издателя «Fayard», а также удостоил своим посещением свое русское издательство «УМСА-Press». После обеда с сотрудниками, в помещении магазина состоялась интимная встреча с его русскими или русскоязычными поклонниками.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Пшеровская пятидесятница —
Никита Струве 3

БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ

Р.С.Х.Д. 70 ЛЕТ ПШЕРОВСКОМУ СЪЕЗДУ

Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции. (Из
истории русских религиозных течений
в эмиграции) — В.В. Зеньковский 5

Церковь, мир, Движение. (Доклад на
съезде в Аржероне в 1924 г.) —
прот. Сергей Булгаков 41

Значение русского христианского
Движения — Н.А. Бердяев 47

Об идейном кризисе Движения.
(Задачи Движения и грозящие
ему опасности) — Н.А. Бердяев 53

От евразийства к Р.С.Х. Движению.
Письма к П.П. Сувчинскому и
Н.С. Трубецкому — прот. Г.В. Флоровский 60

Из писем... — свящ. А. Ельчанинов 72

■ к 50-летию со дня смерти отца
Димитрия Клепинина (1905–1944)

1. Слово митрополита Евлогия на собрании
памяти Димитрия Клепинина 86

2. Воспоминания духовной дочери 89

3. Из писем к другу 93

4. Письма к жене из лагеря в Компьене 96

♦ ♦ ♦

Возникновение РХД крестьянской моло-
дежи (1934 г.) — И.А. Лаговский,
прот. А. Киселев 99

Василий Васильевич Преображенский —
Елена Францман 115

Протоиерей Георгий Бенигсен —
Ольга Раевская-Хьюз 121

Христос победитель — прот. Г. Бенигсен 127

Памяти Б.В. Плюханова — Т. Милютина 141

■ к 10-летию со дня смерти протоиерея
Александра Шмемана

Письма к Н.А. Струве 144

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Слово при открытии памятника Вангейскому
восстанию. — А. Солженицын 151

Речь Алена Дэко 155

Речь Филиппа де Вилье 165

А. Солженицын в Вангее. 24–26.IX–1993 169

Марина Цветаева и Вангея — Н.А. Струве 174

СУДЬБЫ РОССИИ

Протоиерей Николай Бежануцкий — Т. Милютина 181

■ Судьбы Церкви

Обновленчество. Переосмысление течения в свете
архивных документов — Д. Поспеловский 197

Православным людям о Зарубежной
Церкви — прот. В. Правдолюбов (Рязань) 228

■ Вопросы общественности

Внешние сношения Руси в меняющемся
мире — В.Е. Драшусов 243

♦ ♦ ♦

Памяти Ю.М. Лотмана (28.II–1922–28.X–1993) 248

Мы выживем, если будем мудрыми — Ю.М. Лотман 251

♦ ♦ ♦

ИМКА-Пресс в Иркутске 254

Солженицын в Париже 259

SOMMAIRE

Editorial : *Pcherov, une Pentecôte de l'émigration*
 - Nikita Struve 3

SOIXANTE-DIZIEME ANNIVERSAIRE
 DU CONGRES DE PCHEROV (1923)

La vie religieuse de l'émigration russe et la naissance
 de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes
 (A.C.E.R.) - *P. Basile Zenkovski* 5

L'Eglise, le monde et l' A.C.E.R. - *P. Serge Boulgakov* 41

Le sens de l' A.C.E.R. - *N. Berdiaev* 47

La crise idéologique de l'A.C.E.R. - *N. Berdiaev* 53

Du mouvement des Eurasiens à l'Action Chrétienne
 des Etudiants Russes (lettres à P. Souvtchinski
 et N. Troubetskoï) - *P. Georges Florovski* (1923) 60

Lettres et carnets (1930-1934) - *P. Alexandre Eltchaninov* 72

■ Pour le 50-e anniversaire de la mort du Père
 Dimitri Klépinine (1904-1945)

In memoriam P. Dimitri - *Mgr Euloge* (1944) 86

Souvenirs d'une fille spirituelle 89

Extraits de lettres à un ami - *P. Dimitri Klépinine* ... 93

Lettres du camp de Compiègne à sa femme
 - *P. Dimitri Klépinine* 96

◆◆◆

La création du Mouvement Chrétien des Jeunes pay-
 sans russes (1934) - *Ivan Lagovski, P. A. Kisselev* .. 99

Vassili Preobrajenski - *Elena Franzmann* 115

In Memoriam Père Georges Benigsen
 - *O. Raevsky-Hughes* 121

Le Christ Vainqueur - *P. Georges Benigsen* 127

A la mémoire de Boris Plioukhanov (1911-1993)
 - *T. Milioutina* 141

■ Pour le 10-e anniversaire
 de la mort du P. Alexandre Schmemann

Lettres à Nikita Struve 144

LITTERATURE ET VIE

Discours pour l'inauguration du Mémorial des Lucs
 (25 sept. 1993) - *A. Soljénitsyne* 151

L'insurrection vendéenne - *Alain Decaux* 155

Discours de *Philippe de Villiers* 165

Alexandre Soljénitsyne en Vendée (extraits de la
 presse française) 169

Marina Tsvétaéva et la Vendée - *N. Struve* 174

DESTINEES DE LA RUSSIE

Le Père Nicolas Bejanitski - *T. Milioutina* 181

■ Destinées de l'Eglise

Le mouvement des Rénovateurs à la lumière
 des documents d'archives - *D. Pospélowski* 197

Appel aux fidèles orthodoxes à propos de l'Eglise-
 Hors frontières - Père *V. Pravdolioubov* (Riazan) ... 228

■ Problèmes de société

Les relations extérieures de la Russie dans un
 monde en mutation - *V. Drachoussov* 243

◆◆◆

A la mémoire de Youri Lotman 248

Nous survivrons si nous savons être des sages
 - *You. Lotman* 251

◆◆◆

Les éditions «YMCA-Press» à Irkoutsk 254

Alexandre Soljénitsyne à Paris 259

новинка «YMCA-PRESS»

в серии «Исследования Новейшей Русской Истории»
(под общей редакцией А. Солженицына)
вышел капитальный труд

Д. ШТУРМАН

О ВОЖДЯХ РОССИЙСКОГО КОММУНИЗМА

Часть I **Победа и крушение Ленина**
Часть II **Николай Бухарин - любимец Партии**
Часть III **Читая Троцкого**

Научно оснащенный, исчерпывающий анализ психологии, побуждений и действий российской большевистской верхушки читается с неослабевающим интересом на протяжении всех 750 страниц.

(в 2-х томах), 1993, 412 + 344 стр.

Цена до 1-го августа 1994 — 160 фр. фр.

новинка «YMCA-PRESS»

в серии «Избранная Поэзия»

АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

(вступительная статья и составление Н.А. Струве)

1993, 156 стр. цена : 90 фр. фр.

заказы направлять по адресу :

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris, F.

Телефон : 45.54.74.46 — Телефакс : 43.25.34.79

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Издание РСХД — YMCA-Press

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель „ВЕСТНИКА“

Богословский А. Н.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

Подписная плата на 1994 год: 1500 рублей за 2 выпуска

ПРЕДСТАВИТЕЛИ « ВЕСТНИКА » на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Racvsky, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

в Америке (East) :

Mrs T. Ertl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303, USA.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q. H2L 2R7

в Англии :

«Aid to the Russian Christians», P.O. Box 200, Bromley, Kent, BR1 1QF

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)